

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности
Кафедра гражданского права

К 30-ЛЕТИЮ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
памяти основателя юридического образования в Удмуртской Республике,
доктора юридических наук, профессора В. В. Овсиенко
30 января 2026 г.

Ижевск
2026

ISBN 978-5-4312-1359-5
DOI: 10.35634/978-5-4312-1359-5-2026-1-97

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2026
© Авторы статей, 2026

УДК 347.61/.64(063)
ББК 67.404.5я431
К118

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензенты: д-р ист. наук, доцент, профессор каф. теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» **С. Л. Бехтерев**;
канд. юрид. наук, доцент каф. теории, истории государства и права и социально-экономических дисциплин Ижевского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) **Т. А. Шмарева**

Научные редакторы: *Е. А. Ходырева*, д-р юрид. наук, доцент, зав. каф. гражданского права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»;

И. В. Овчинников, канд. юрид. наук, доцент каф. гражданского права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

К118 К 30-летию Семейного кодекса Российской Федерации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. памяти основателя юридического образования в Удмуртской Республике, доктора юрид. наук, профессора В. В. Овсиенко, 30 января 2026 г. / науч. ред.: Е. А. Ходырева, И. В. Овчинников. – Ижевск : Удмуртский университет, 2026. – 1 DVD-R (2 Мб). – Текст : электронный.

В издание вошли статьи участников Международной научно-практической конференции, проведённой 30 января 2026 г. Институтом права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета.

Издание рассчитано на преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, практикующих специалистов, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций, образовательных и научных учреждений, научных сотрудников, а также всех, кто интересуется проблемами семейного и медицинского права.

Минимальные системные требования:

Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; Windows XP/7/8 и выше, 8x DVD-ROM
разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

ISBN 978-5-4312-1359-5

DOI: 10.35634/978-5-4312-1359-5-2026-1-97

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2026
© Авторы статей, 2026

К 30-летию Семейного кодекса Российской Федерации

Сборник статей Международной научно-практической конференции
памяти основателя юридического образования в Удмуртской Республике,
доктора юридических наук, профессора В. В. Овсиенко, 30 января 2026 г.

Подписано к использованию 13.05.2026

Объем электронного издания 2 Мб, тираж 10 экз.

Издательский центр «Удмуртский университет»

426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021

Тел.: +7(3412)263-751 E-mail: editorial@udsu.ru

Вступительное слово

В 2026 году мы отмечаем 30-летие со дня принятия Семейного кодекса Российской Федерации. Этой юбилейной дате была посвящена научно-практическая конференция, состоявшаяся на базе нашего Института 30 января 2026 года. Инициатором и организатором конференции выступила кафедра гражданского права Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета в лице заведующего кафедрой д. ю. н., доцента Е. А. Ходыревой, посвятив мероприятие памяти основателя юридического образования в Удмуртии, д. ю. н., профессора В. В. Овсиенко.

Мероприятие стало ярким свидетельством того, как актуальная тема развития семейного права и защиты семейных ценностей объединила представителей юридической науки, практикующих юристов, государственных служащих, врачей и молодых исследователей. Семейное право выступило той самой объединяющей силой, которая сблизила экспертов из разных сфер для плодотворного диалога.

География конференции впечатляет. К работе конференции присоединились коллеги из Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Беларуси, а также из многих городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Великого Новгорода, Хабаровска, Курска, Перми, Челябинска, Саратова, Екатеринбурга, Омска, Барнаула, Ярославля и других.

В работе конференции приняли участие представители различных учебных заведений страны, в том числе Удмуртского государственного университета, Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Южно-Уральского государственного университета, Юго-Западного государственного университета, Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, Российского государственного университета правосудия (РГУП) им. В. М. Лебедева, НИУ «Высшая школа экономики», Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, что подчеркивает высокий научный уровень мероприятия.

Всего в рамках пленарного заседания и четырех тематических секций было заявлено 125 докладов, а число слушателей превысило 40 человек.

Особая благодарность за проявленный интерес и поддержку мероприятия выражается почетным гостям пленарного заседания:

- Мелентьеву Алексею Николаевичу, руководителю аппарата Уполномоченного по правам человека в Удмуртской Республике;
- Авдеевой Ольге Леонидовне, Уполномоченному по правам ребенка в Удмуртской Республике;
- Блохину Сергею Анатольевичу, заместителю управляющего Отделением Фонда пенсионного и социального страхования РФ по Удмуртской Республике;
- Иутиной Оксане Владимировне, заместителю министра Министерства социальной политики и труда Удмуртской Республики;
- Шепелеву Сергею Валерьевичу, руководителю первого контрольно-следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике.

Отдельные слова признательности нашим выдающимся докладчикам пленарного заседания, задавшим тон всей дискуссии:

- Богдан Варваре Владимировне, д. ю. н., профессору (Юго-Западный государственный университет) за фундаментальный и концептуальный доклад «Семейное право и законодательство: новые вызовы или угрозы?». Варвара Владимировна провела аудиторию по грани между традицией и инновацией, предложив системный взгляд на современные вызовы, которые одновременно являются стимулом для развития права.

- Кузнецовой Ольге Анатольевне, д. ю. н., профессору (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина) за смелый и глубокий анализ в выступлении «Браки с роботами и традиционные семейные ценности». Ольга Анатольевна не побоялась заглянуть в технологическое будущее, подняв беспрецедентные вопросы о правосубъектности, этике и защите человеческих отношений в цифровую эпоху.

- Муратовой Светлане Александровне, к.ю.н., доценту (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина) за конструктивный и взвешенный доклад «Перспективы развития семейного законодательства России». Светлана Александровна представила четкий, практико-ориентированный анализ векторов эволюции закона, основанный на глубоком понимании действующих правовых механизмов и судебной практики.

- Подшивалову Тихону Петровичу, д. ю. н., доценту (Южно-Уральский государственный университет) за блестящий историко-правовой экскурс «Имущественные отношения между супругами: 30-летний опыт регулирования». Тихон Петрович наглядно показал эволюцию одного из краеугольных институтов семейного права, извлекая из тридцатилетнего опыта ценные уроки для сегодняшнего дня.

- Брюхиной Евгении Рафиковне, к. ю. н., доценту (НИУ «Высшая школа экономики») за актуальный доклад «Правовое регулирование репродуктивных прав работников», выполненный в рамках межвузовского проекта. Евгения Рафиковна искусно раскрыла сложный сплав трудового, семейного права и биоэтики, выведя на первый план права человека в сфере, где частное пересекается с публичным.

- Мухаметгалеевой Екатерине Дмитриевне, к. м. н., руководителю Главного бюро медико-социальной экспертизы по Удмуртской Республике за исключительно важный и гуманистичный доклад о роли семьи в реабилитации детей-инвалидов. Екатерина Дмитриевна привнесла в юридическую дискуссию жизненно необходимый практический взгляд, напомнив, что конечная цель права – реальное улучшение жизни конкретного человека, особенно самого уязвимого.

Благодарим представителей медицинского сообщества, чье участие в круглом столе «Медицинские аспекты защиты прав семьи: правовые коллизии и пути решения» обеспечило уникальный междисциплинарный взгляд на проблемы:

- Поздеева Алексея Родионовича, д. м. н., профессора (Ижевский государственный медицинский университет);

- Варганова Михаила Владимировича, д. м. н., профессора (Ижевский государственный медицинский университет);

- Глухову Любовь Сергеевну, заместителя главного врача ООО «МЦ „Доктор Плюс“»;

- Абуязидова Алексея Маммаевича и Ажмякову Елену Геннадьевну (ФКУ «Главное бюро МСЭ по Удмуртской Республике»);

- Корнееву Светлану Юрьевну и Тузову Марию Александровну (ФКУ «Главное бюро МСЭ по г. Санкт-Петербургу»).

Особенностью конференции стало плодотворное обсуждение семейно-правовой тематики в рамках трех круглых столов: по защите прав и законных интересов несовершеннолетних детей и иных членов семьи; медико-правовым коллизиям; вопросам законодательства о труде и социальной защите в аспекте семейной политики государства, а также на секции для молодых ученых, доказавшей, что будущее юридической науки в надежных руках.

Настоящее издание аккумулирует актуальные исследования в области семейного права и практики его применения, объединяя усилия ученых и практикующих юристов. Надеемся, что представленные материалы послужат дальнейшему развитию семейно-правовой науки и совершенствованию правоприменения.

От лица Удмуртского государственного университета и кафедры гражданского права выражаем искреннюю признательность всем участникам, гостям, докладчикам и слушателям! Ваша профессиональная энергия, глубина анализа и неравнодушие превратили это мероприятие в значимое событие, наметившее новые векторы для совместных исследований и практического взаимодействия на благо укрепления института семьи в России и за рубежом.

С уважением, зав. кафедрой гражданского права Е. А. Ходырева.

Т. Н. Аникушина,

магистрант Института права,

социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: Е. А. Ходырева, д-р юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

Применение условий брачного договора в спорах о банкротстве супругов

Процедура признания гражданина банкротом, начиная с 1 октября 2015 года, регламентирована нормами Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ¹. Не вызывает сомнения тот факт, что несмотря на наличие четких правовых норм, многие практические вопросы вызывают разногласия и требуют тщательного анализа. Одним из наиболее сложных аспектов является определение правовой природы имущества супругов, находящегося в общей собственности и регулируемого условиями брачного договора, когда в отношении одного из супругов инициирована процедура банкротства.

Ежегодно растет число споров о банкротстве физических лиц. По официальной статистике Единого Федерального реестра сведений о банкротстве «в 2023 году суды рассмотрели порядка 350 000 дел, в 2024 году – более 430 000, а в 2025 году прогнозируется превышение 500 000 завершённых дел, достигнув рекордных показателей, особенно к концу 2025 года, когда за 10 месяцев было уже свыше 517 000 банкротств»². С увеличением общего числа дел о банкротстве физических лиц возрастает количество случаев банкротства супружеских пар, имеющих общие долги. Хотя брачный договор призван регулировать имущественные отношения супругов, его реальное применение сталкивается с существенными трудностями и противоречиями.

Процедура банкротства физического лица включает в себя комплекс мер, направленных на погашение задолженностей перед кредиторами посредством реализации активов должника³. При наличии совместно нажитого супружеского имущества необходимо принимать во внимание положения брачного договора, которые могут определять состав и объем имущества, подлежащего разделу. Согласно мнению Н. В. Шереметьевой, «При банкротстве сталкиваются интересы банкрота и кредиторов. При удовлетворении имущественных интересов обеих сторон не должны быть нарушены права и законные интересы третьих лиц, в число которых в семейном законодательстве входят несовершеннолетние дети и второй супруг»⁴.

Анализируя проблемы, возникающие при взыскании имущества супругов, чье право собственности определено брачным договором, становится очевидна острая необходимость разработки действенного механизма, способствующего обеспечению прав и законных интересов не только самих супругов, но и третьих лиц в процессе банкротства, если таковой договор имеется. При реализации общего имущества супругов обязательно должны учитываться интересы того супруга, который не имеет долгов. Н. М. Савельева считает, «что включение общего имущества супругов в конкурсную массу является „прокредиторской“ мерой, так как интересы второго супруга практически не учитываются»⁵. Основная задача брачного договора в контексте банкротства состоит в том, чтобы сохранить личное имущество одного из супругов от возможных требований кредиторов другого супруга. «Следовательно, при возбуждении процедуры банкротства против одного из супругов реализуется исключительно его собственное имущество в целях покрытия долгов перед кредиторами»⁶. Наличие предварительно заключенного брачного договора в этой ситуации позволяет исключить определенное имущество из конкурсной массы, предназначенной для расчетов с должником, и защитить

¹ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.12.2025 № 544-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.01.2026).

² Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2025 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news> (дата обращения: 13.01.2026).

³ Шишмарева Т. П. Оспаривание семейно-правовых сделок (действий) несостоятельного должника [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.01.2026).

⁴ Шереметьева Н. В. К вопросу обращения взыскания на имущество супругов, правовой режим которого установлен брачным договором, в спорах о банкротстве [Электронный ресурс] // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.01.2026).

⁵ Савельева Н. М. Раздел общих обязательств (долгов) супругов: проблемы правоприменения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2016. № 2. С. 103.

⁶ Тимкин А. А. Институт брачного договора в России: проблемы практики и применения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4.

имущество второго супруга от реализации на торгах. Условия брачного договора могут предусматривать следующие положения:

- запрет для кредиторов, взыскивающих долги с одного из супругов, претендовать на активы, которые по брачному договору принадлежат другому супругу;
- виды и порядок раздела активов, принадлежащих каждому супругу;
- порядок владения и пользования имуществом на случай финансовых проблем одного из супругов, включая банкротство.

Наличие таких минимально важных условий позволит сделать имущественные отношения мужа и жены предсказуемыми и прозрачными для сторон, включая суд и кредиторов.

Хотелось бы также обратить внимание на проблему оспаривания брачного договора в случае банкротства супруга.

Согласно сложившейся практике, среди заемщиков, стремящихся скрыть свое имущество от взыскания кредиторами, широко распространенными являются манипуляции с оформлением брачных договоров, соглашений о разделе совместного имущества, а также использование договоров дарения и купли-продажи, участниками которых выступают действующие, бывшие либо потенциальные супруги, а иногда и другие близкие родственники, включая детей, братьев и сестер⁷. По сведениям Федресурса наблюдается значительный рост числа заявлений о признании сделок должника недействительными. «В 2019 году – 11 010 заявлений, в 2022 году – 19 581. В 2023 году число заявлений возросло до отметки 23 446, из них удовлетворено 9 072 (что составляет 39 % из числа принятых к рассмотрению); за шесть месяцев 2024 года – 12 189 заявлений»⁸. Свыше 900 судебных актов об оспаривании в процедурах банкротства сделок по разделу имущества между супругами можно увидеть в СПС «КонсультантПлюс».

Рассматривая данные дела, очень важно учесть дату заключения брачного договора, поскольку именно она определяет, попадает ли данный договор в период так называемой «подозрительности», определенной статьей 61.2 Закона о банкротстве⁹. «Если брачный договор подписан менее чем за год до подачи заявления о признании гражданина несостоятельным (банкротом) и преследует цель уклонения от исполнения обязательств, суд вправе признать такую сделку недействительной недействительным»¹⁰. Даже если договор был составлен за три года до начала процедуры банкротства, он также может быть оспорен и признан незаконным. В качестве примера можно привести постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа, отклонившего кассационную жалобу ООО «Регион», которое пыталось оспорить брачный договор супругов. Истец утверждал, «что договор был заключен с целью причинения вреда кредиторам», однако суды первой и апелляционной инстанций признали его действительным. Кассационный суд подтвердил, «что договор был заключен в «подозрительный» период (за три года до банкротства), но не нашел доказательств намерения супругов вывести активы или причинить ущерб кредиторам. Отсутствие конкретных указаний истца на выведенное имущество, при наличии инвентаризационной описи, также сыграло роль». Таким образом, решения нижестоящих судов были признаны законными¹¹.

Кроме того, брачный договор может быть признан недействительным, если он был заключен с целью нанесения ущерба имущественным интересам кредиторов. Такие действия будут квалифицироваться как недобросовестное поведение должника, направленное на сокрытие своего имущества или передачу его третьим лицам¹². Примером данного случая служит постановление Пятого арбитражного апелляционного суда, которым были рассмотрены жалобы граждан, оспаривавших решение суда первой инстанции о признании недействительным брачного договора. Судом первой инстанции было установлено, «что в результате заключения брачного договора между гражданами супруге

⁷ Гудовичева Л. Б., Добрынина Л. Ю. Фактические брачные отношения: правовое значение и последствия в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 204–211.

⁸ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news> (дата обращения: 13.01.2026).

⁹ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.12.2025 № 544-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.01.2026).

¹⁰ Шереметьева Н. В. К вопросу обращения взыскания на имущество супругов, правовой режим которого установлен брачным договором, в спорах о банкротстве [Электронный ресурс] // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1 (дата обращения 13.01.2026).

¹¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18 ноября 2021 г. по делу № А73-13557/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

¹² Невоструев А. Г., Карачева К. А. Рассмотрение Арбитражным судом дел о банкротстве с участием нескольких должников [Электронный ресурс] // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10 (дата обращения: 13.01.2026).

должника перешли в личную собственность несколько объектов недвижимости, вследствие чего из конкурсной массы должника вышло большое количество ликвидного имущества, в связи с чем были нарушены имущественные права кредиторов. Суд первой инстанции признал сделку недействительной, так как на момент их совершения гражданин должник уже имел долговые обязательства перед кредиторами. Рассмотрев материалы дела, суд апелляционной инстанции постановил, что решение первой инстанции должно остаться без изменений»¹³.

Как показывает судебная практика, оспаривание брачных контрактов требует от судов детального рассмотрения условий их заключения. Вместе с тем судебная практика демонстрирует прецеденты сохранения юридической силы договоров. Так, в ситуациях, когда соглашение было заключено задолго до наступления банкротства и не ущемляло интересы кредиторов, суды отклоняли иски о признании его недействительным. Данный факт акцентирует внимание на необходимости своевременного и профессионального оформления договорных отношений.

Таким образом, брачный договор может минимизировать риски утраты личного имущества при введении в отношении одного из супругов процедуры банкротства. Действенность договора определяется как своевременностью его заключения, так и ясностью формулировок. Любые недочеты или попытки использовать договор для сокрытия активов создают предпосылки для его оспаривания.

Е. В. Белокрылова,

*главный инспектор отдела организации исполнительного производства
Управления Федеральной службы судебных приставов по Удмуртской Республике,
г. Ижевск*

Понятие принудительного вмешательства в семью при отобрании ребенка

Материнство и детство – краеугольные камни любого общества. Воспитание подрастающего поколения, направленное на безусловную защиту прав ребенка, имеет непреходящее значение. Оно определяет не только эмоциональное и нравственное развитие человечества, но и качество социальных взаимосвязей. Именно семья как первичная ячейка общества призвана стать основой гармоничного формирования личности, ограждая ребенка от деструктивных влияний. Однако в ситуациях, когда семейное окружение само становится источником опасности, государство вынуждено прибегать к крайней мере – принудительному вмешательству с целью защиты жизни и здоровья ребенка.

Настоящая статья представляет собой попытку концептуализации понятия «принудительное вмешательство в семью при отобрании ребенка», а также выявления ключевых проблем, возникающих при практической реализации данной меры.

В юридической доктрине «вмешательство» традиционно понимается как активное действие уполномоченных представителей государства, направленное на ограничение прав, принадлежащих лицу.

Прилагательное «принудительное» указывает на правомерный характер такого вмешательства, осуществляемого государственными органами для побуждения субъектов к исполнению обязанностей, соблюдению установленных норм и пресечению правонарушений, вне зависимости от их воли.

Таким образом, «принудительное вмешательство в семью при отобрании ребенка» можно определить как активное правомерное вторжение уполномоченных государственных органов в сферу семейной жизни, направленное на незамедлительное ограничение родителя (или иного законного представителя) в правах. Его цель – прекращение действий (или бездействия), создающих непосредственную угрозу жизни или здоровью ребенка, обеспечение его безопасности и предотвращение дальнейших правонарушений, даже вопреки воле родителей.

Как справедливо отмечает в своей статье А. С. Лопаткина («Об отобрании ребенка у родителей как способе ограничения семейных прав: вопросы теории и практики»), ограничение семейных прав может реализовываться через различные правовые инструменты: запреты, временные ограничения, побуждение к исполнению обязанностей и, что особенно значимо в контексте нашей темы, пресечение действий¹⁴. Последний способ, закрепленный, в частности, в ст. 77 Семейного кодекса РФ,

¹³ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 23 июля 2019 г. по делу № А51-25583/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

¹⁴ Лопаткина С. Л. Отобрание ребенка у родителей как способ ограничения семейных прав: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Закон и право. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otobranie-rebenka-u-roditeley-kak-sposob-ogranicheniya-semeynyh-prav-voprosy-teorii-i-praktiki/viewer>

направлен на немедленное прекращение противоправного поведения в отношении ребенка и носит исключительный, оперативный характер. Данные меры имеют первостепенное значение для защиты наилучших интересов несовершеннолетнего, поскольку их основная задача – экстренное устранение деструктивного и опасного воздействия со стороны родителей или лиц, их заменяющих.

В свою очередь, Д. Е. Тимофеева в работе «Отобрание ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью как механизм социального детства в России» акцентирует внимание на системных проблемах, возникающих при применении ст. 77 СК РФ¹⁵, что указывает на сложность и неоднозначность практики принудительного вмешательства.

Анализ научных публикаций, судебной практики¹⁶ и статистических данных позволяет заключить, что основанием для принудительного вмешательства в форме немедленного отобрания ребенка является лишь наличие непосредственной угрозы его жизни или здоровью. Оценка наличия такой угрозы относится к компетенции органов опеки и попечительства и должна производиться с учетом всех обстоятельств дела.

Так, под непосредственной угрозой понимается ситуация, с очевидностью свидетельствующая о реальной возможности наступления тяжких последствий: смерти, причинения существенного вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения лиц, ответственных за его воспитание. К обстоятельствам, формирующим такую угрозу, в частности, относятся:

- отсутствие минимально необходимого ухода, соответствующего физиологическим потребностям ребенка (лишение пищи, воды, крова, оставление без присмотра, неоказание медицинской помощи)¹⁷;
- жестокое обращение¹⁸, включая физическое, психическое или сексуальное насилие;
- злоупотребление родительскими правами;
- хронические заболевания родителей (алкоголизм, наркомания), приводящие к неспособности обеспечить безопасность ребенка;
- физическое насилие, например умышленное нанесение телесных повреждений;
- психическое (эмоциональное) насилие. Примеры эмоционального и психологического насилия:
 - запугивание ребенка;
 - внушение страха посредством действий, жестов или взгляда;
 - использование своего возраста и роста для устрашения;
 - крик на ребенка;
 - угрозы насилия в отношении других людей (родителей, друзей, животных и т. д.). Также эмоциональное насилие наносят, когда:
 - унижают достоинство ребенка;
 - применяют неприятные прозвища;
 - делают ребенка своим доверенным лицом;
 - демонстрируют непоследовательное поведение при общении;
 - вызывают у ребенка чувство стыда;
 - используют его в качестве посредника для передачи информации другому взрослому (родителю). Жестокое отношение включает и использование угроз:
 - угрозы бросить ребенка (в детском учреждении – исключить или перевести в другое место);
 - угрозы самоубийства или причинения вреда себе либо близким;
 - злоупотребление своими правами, обращение с ребенком словно с подчиненным или слугой;
 - отказ от информирования ребенка о важных решениях, касающихся его жизни, перебивание во время разговора¹⁹.

Часто эмоциональное, психологическое и экономическое насилие воспринимаются как «система воспитания», что осложняет изменение такого поведения. ****Пренебрежение:**** Отсутствие обеспечения ребенка необходимым питанием, одеждой, гигиеническим уходом и медицинской помощью²⁰.

¹⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10105807/>

¹⁶ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/4ffd9c49e6c9b383587ccd2b87f93c4b80cb29b1/

¹⁷ Галкин Д. В. Жестокое обращение: проблемы толкования и доказывания // Вопросы правоприменения. 2016. С. 93.

¹⁸ Шмуйлович Е. В. Маркеры жестокого обращения с ребенком в семье // Государственное областное бюджетное учреждение Мурманской области «Центр Психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи». 2022. С. 11.

¹⁹ Акулич М. М., Беседина О. А. Жестокое обращение с детьми в семье: научное определение и общественное мнение о проблеме // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 8. Социология. С. 147–156.

Вместе с тем проблема насилия имеет долгую историю в гуманитарных и социальных науках, затрагиваясь в работах таких известных мыслителей, как Маркс, Толстой, Ильин, Лосский, Камю, Фромм, Лоренц и Ортега-и-Гассет. Однако социологическое изучение насилия, основанное на эмпирических данных, началось лишь во второй половине XX века. Семейное насилие, в частности, долгое время игнорировалось как социальная проблема и, соответственно, не становилось предметом социологических исследований.

В настоящее время в социологии сформировались различные подходы к изучению семейного насилия, включая виктимологический (Шнайдер), теорию социального научения (Кауфман)²¹, интерактивную теорию (Киммель, Лысова, Синягина), теорию социального конфликта (Козер), структурную теорию (Хирн, Шеллер), концепцию социальной патологии (Алексеева) и теорию социальной дезорганизации (Семенова, Гаврилова).

Несмотря на существующую правовую базу, отсутствие детализированного нормативно-правового акта, систематизирующего все критерии и процедуры отображения, создает риск субъективизма и правовой неопределенности. Разработка и принятие такого документа способствовала бы достижению единообразия в применении этой крайней меры на всей территории Российской Федерации. Более того, его широкое распространение и изучение позволило бы усилить профилактическую работу, своевременно пресекать правонарушения в отношении детей и, в конечном итоге, способствовать укреплению института семьи как безопасной среды для воспитания подрастающего поколения.

С. Н. Бердышева,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин АНО ВО «Высшая школа управления» (ЦКО), г. Москва

Юридические аспекты терапии орфанных заболеваний в Российской Федерации на примере синдрома Элерса-Данло и буллёзного эпидермолиза

Редкие (орфанные) заболевания – это заболевания, затрагивающие небольшую часть популяции. Орфанные заболевания могут проявиться в любом возрасте: при рождении, в 10 и 50 лет, и т. д. В соответствии со статьей 44 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323) в России редкими заболеваниями считаются те нозологии, которые имеют распространенность не более 10 случаев заболевания на 100 тысяч населения. Коэффициент заболеваемости в России равен 1, в США – 7,5, в Японии – 4²². Это свидетельствует о недостаточной диагностике орфанных заболеваний и недоучете случаев в России.

Сегодня в официальном перечне орфанных болезней в России содержится всего лишь 299 различных заболеваний по состоянию на 25 ноября 2025 года²³. Полагаем, что данный перечень законодательно необходимо расширять с учётом международного регистра.

Многие из орфанных заболеваний имеют жизнеугрожающие состояния. Некоторые из них при проведении хирургических операций или иных медицинских манипуляций вызывают риск массивных кровотечений (геморрагический синдром) до летального исхода. Это связано с особенностями заболеваний, при которых кожа и другие органы становятся хрупкими. К таким заболеваниям, в частности, относятся синдром Элерса-Данло (далее – СЭД) и буллезный эпидермолиз (далее – БЭ), которые имеют формы, приводящие к опасным осложнениям и ранней смертности (например сосудистая форма СЭД). Рассмотрим юридические аспекты их терапии.

СЭД – это гетерогенная группа моногенных заболеваний, обусловленных нарушением метаболизма коллагена, структуры и функции миоматрикса, синтеза протеогликанов. Данная патология характеризуется гиперэластичностью кожи, подкожными сферами, гиперпереразгибанием суставов, ранимостью тканей, хрупкостью кровеносных сосудов и геморрагическим синдромом (массивные

²⁰ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/4ffd9c49ebc9b383587ccd2b87f93c4b80cb29b1/

²¹ Банкер Р., Кауфман Р. Эволюция исследований социальной системы (Banker R., Kauffman R. The evolution of research on social system) // Management Science. Providence, 2004. Vol. 50, № 3. P. 281–298 (дата обращения: 12.02.2026).

²² Новиков В. П. Правовые аспекты редких орфанных заболеваний в России и мире // Медицина. 2013. № 4. С. 55.

²³ Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/9824-perechen-redkih-orfannyh-zabolevaniy> (дата обращения: 15.01.2026).

кровотечения), ведет к системному поражению организма. Истинная распространенность СЭД неизвестна вследствие сложности верификации, частота диагностированных случаев у новорожденных составляет 1 : 5000. Частота встречаемости зависит от типа синдрома. Например, сосудистая форма (тип IV) – 1 случай на 250 000 человек. В России распространенность СЭД составила 1 : 9466. По примерной статистике в России – это 30 000 человек. Частота встречаемости в Республике Татарстан – 1 : 1716; в Удмуртии – 1 : 29739²⁴.

БЭ – редкое генетическое заболевание, характеризующееся поражением кожи и слизистых оболочек, которые появляются при незначительном механическом воздействии или без него, а также поражением костно-мышечной системы и внутренних органов. Так же как и СЭД, БЭ приводит к белково-энергетической недостаточности, системным воспалительным процессам и травмам различных органов. Частота встречаемости типов БЭ варьирует от 1 : 30000 до 1 : 1000000. В России по неподтвержденным данным проживает 2000–2500 пациентов с БЭ²⁵. В Удмуртии – четыре ребенка.

Можно выделить следующие основные проблемы диагностики и лечения СЭД и БЭ правового характера, а также пути их решения:

1. С наступлением 18 лет гражданин лишается статуса «инвалид», в последующем взрослый пациент имеет проблемы с его получением и должной терапией. Действующие критерии СЭД не учитывают системный характер болезни, хроническую боль и «невидимые» симптомы, оставляя людей без социальной и медицинской поддержки. Чтобы решить указанную проблему необходимо определить единый порядок получения статуса «инвалид» для взрослого пациента с СЭД и БЭ с учетом сопутствующих заболеваний и осложнений, законодательно определить отдельный социально-правовой статус граждан с орфанными заболеваниями, а также единый нормативный порядок финансирования медицинского и лекарственного обеспечения пациентов с СЭД и БЭ. Инвалидность с БЭ получить гораздо легче, так как системные поражения организма видны в отличие от СЭД.

2. Отсутствие маршрутизации для взрослых орфанных пациентов. По СЭД также отсутствуют профильные мультидисциплинарные центры, для БЭ они создаются в регионах благодаря фонду «Дети-бабочки». Отсутствует система медицинской реабилитации, жизненно необходимой для предотвращения осложнений и инвалидизации взрослых пациентов с СЭД. Не во всех регионах существует реабилитация взрослых с БЭ. Полагаем, что необходимо создать федеральную сеть профильных центров в регионах для людей с СЭД, которая будет включать в себя внедрение единой системы специальной реабилитации для детей и взрослых, порядок которой необходимо законодательно установить.

Для пациентов с СЭД маршрутная карта практически отсутствует, в отличие от БЭ. Считается, что заболевание не лечится, поэтому не подлежит терапии и наблюдению. Однако ввиду возникающих осложнений, большого перечня сопутствующих заболеваний и летальности пациенты с СЭД требуют постоянного наблюдения и терапии, а также врачебных рекомендаций по образу жизни и медицинских вмешательств.

3. В Российском законодательстве отсутствуют нормативные документы, стандартизирующие работу врачей различного профиля по выявлению и лечению СЭД и его проявлений. Единственным документом, регулирующим деятельность медицинских работников в ведении пациентов с СЭД, являются клинические рекомендации, разработанные экспертами Российской Ассоциации Остеопороза, по дисплазии соединительной ткани, которые включают в себя СЭД. Однако необходимо учитывать, что данное руководство не имеет четкой регламентации относительно СЭД. Для СЭД международные диагностические критерии были разработаны более 30 лет назад (Берлинская нозология наследственных нарушений соединительной ткани, 1986). В 2017 году они были обновлены Международным комитетом экспертов и сегодня включают в себя 13 типов СЭД, различающихся по ведущим клиническим признакам. В России клинические рекомендации разработаны национальным обществом детских гематологов и онкологов только для детей, включающие 6 типов СЭД. Необходимо разработать на федеральном уровне полноценные четкие клинические рекомендации с учетом международного опыта по СЭД, что снизит некомпетентность врачебного сообщества.

В отличие от СЭД буллезный эпидермолиз получил правовой статус. Министерством здравоохранения РФ в 2014 году врожденный буллезный эпидермолиз был включен в перечень редких заболеваний, а в 2020 году разработаны по нему клинические рекомендации. При этом СЭД и БЭ не включены в Перечень жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих (орфанных) заболеваний, приводящих к сокращению продолжительности жизни граждан и их инвалидности.

²⁴ Тюрин А. В, Валеева Д. И, Ахиярова К. Э., Хусаинова Р. И. Исследование распространенности несовершенного остеогенеза и синдрома Элерса-Данло в Республике Башкортостан // Остеопороз и остеопатии. 2024. № 3. С. 10.

²⁵ Буллезный эпидермолиз [Электронный ресурс] // Официальный сайт фонда «Дети-бабочки». URL: <https://deti-bela.ru/patients/bulleznyy-epidermoliz/> (дата обращения: 22.01.2026).

4. Низкая осведомленность врачей о СЭД. В медицинских вузах СЭД уделяют недостаточное внимание. Это приводит к грубым диагностическим ошибкам, позднему установлению диагноза и в результате этого к появлению необратимых изменений в организме и тяжелых осложнений, неврию в жалобы пациентов и отсутствию адекватной медицинской помощи. Предполагается, что изменение образовательных программ в медицинских вузах с учетом внимания к орфанным заболеваниям позволит быстрее диагностировать и выявлять таких пациентов.

5. Лечение пациентов СЭД исключительно симптоматическое, никаких лекарственных препаратов для восполнения коллагена того или иного типа в мире не существует. Сегодня это является одним из важнейших исследований медицинского сообщества. К сожалению, сегодня оно не уделяет столь должного внимания к разработке новых методов лечения СЭД. Кроме этого, остаются типы СЭД, которые не выявляются при генетическом анализе. В 2025 году США найден новый ген гипермобильного типа СЭД и его продолжают исследовать. Это большой научный прорыв, так как многие пациенты с гипермобильным синдромом могли получить диагноз только на основании симптомов. В Европе лечение СЭД направлено на симптоматическую комбинированную терапию, предотвращающей прогрессирование заболевания и снижения риска осложнений, которой занимается мультидисциплинарная команда врачей в зависимости от осложнений и сопутствующих заболеваний. К сожалению, в России эта методика для СЭД не разработана. Необходимо привлекать внимание региональных властей, создавать условия для организации системы полного цикла ведения пациентов с СЭД. Подобный опыт в России имеется, например, с БЭ, разумеется, нельзя им пренебрегать.

6. Для семей с СЭД недоступна бесплатная генетическая диагностика по ОМС для подтверждения жизнеугрожающих типов, таких как сосудистый тип СЭД. Многие врачи в России, как признано в мировом сообществе, не устанавливают СЭД по клиническим симптомам. Поэтому необходимо включить молекулярно-генетическую диагностику СЭД в систему ОМС. Отказы пациентам в доступе к патогенетическому лечению можно рассматривать как нарушение государственных гарантий равного права граждан на охрану, восстановление и защиту здоровья, в том числе как дискриминацию, обусловленную наличием редкого заболевания, как отказ в доступе к единственно возможному патогенетическому методу лечения данного заболевания (пп. 2, 3 ст. 5 ФЗ № 323).

7. Проблема правового регулирования добровольного информированного согласия орфанных пациентов: недостаточное ознакомление пациентов с информацией о предстоящем лечении, различных рисках и побочных эффектах, что является нарушением законодательства. Часто при СЭД и БЭ не учитываются многие риски в связи с неосведомленностью врачей, в т. ч. при проведении хирургических операций. Семья с орфанным пациентом имеет трудности с ограниченностью информации о заболевании²⁶. Возникающие проблемы также связаны с тем, что пациенты получают информацию о назначаемых препаратах и их побочных действиях не в полном объеме. Одной из мер для снижения в России негативных последствий СЭД, БЭ и их смертности является повышение доступности и качества медицинской помощи, рекомендаций при проведении хирургических и иных медицинских вмешательств. Согласно статье 41 Конституции РФ все граждане, независимо от их заболевания, имеют право на медицинскую помощь. Принцип доступности медицинской помощи указан в статье 10 ФЗ № 323-ФЗ как один из основных в сфере охраны здоровья, включающий в себя территориальный принцип нахождения медицинской организации (близость к месту жительства), наличие достаточного количества квалифицированных медицинских работников, возможность выбора врача и медицинской организации, и т. д. Проблема доступности медицинской помощи включает в себя не просто возможность для пациента попасть на приём к врачу в медицинском учреждении, а вместе с этим возможность своевременного получения качественной помощи, адекватной имеющимся потребностям и дающей наилучшие из возможных результатов для его здоровья. В ФЗ № 323-ФЗ внесено более 10 орфанных болезней, для лечения которых применяют диетотерапию и, соответственно, продукты лечебного питания. Однако СЭД и БЭ не входит в эту категорию, несмотря на то, что все пациенты имеют проблемы с ЖКТ.

8. Регистр пациентов с СЭД в России отсутствует. В Башкирском государственном медицинском университете формируют регистр пациентов с СЭД (сегодня – это более 130 семей с СЭД). При этом процесс регистрации и подсчёта пациентов с СЭД нарушен, так как он мало диагностируется. Поэтому невозможно оценить, скольким людям с СЭД в России нужна медицинская и социальная помощь. Ведение регистров орфанных пациентов, например, предусмотрено статьей 44 ФЗ № 323 для программы высокочрезвычайных нозологий, которые финансируются федеральным бюджетом. Однако к СЭД и БЭ это не относится.

²⁶ Кубанов А. А., Карамова А. Э., Богданова Е. В., Чикин В. В. Медико-социальные аспекты врожденного буллезного эпидермолиза в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2021. № 2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-aspekty-vrozhdennogo-bulleznogo-epidermoliza-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 24.01.2026).

9. Несмотря на расширение программ поддержки орфанных пациентов и выделение в 2026 г. 58 млрд рублей на лекарственное обеспечение данной категории населения (на 6,5 млрд рублей больше, чем в 2025 г.), проблемы диагностики и оказания медицинской помощи остаются. В 2024 г. суды рассмотрели иски с орфанными пациентами по предоставлению услуг по ОМС на 22 % больше, чем годом ранее²⁷. Финансовая составляющая лечения для многих пациентов СЭД и БЭ остается одной из важнейших проблем. Несмотря на имеющееся медицинское обеспечение по системе ОМС, большую часть расходов пациент и его семья берет на себя. В рамках диспансеризации нозологии: дисплазии соединительных тканей, остеопороз и снижение костно-минеральной плотности ткани как одни из симптомов с СЭД не упоминается, следовательно, не подпадает под финансирование. Родители детей с БЭ несут большие финансовые расходы: должны обеспечивать ребенка необходимыми дорогостоящими бинтами, лечебными специализированными повязками и т. д.

При этом если медицинское и социальное обеспечение БЭ налажено благодаря благотворительным фондам, вниманию медицинского сообщества и государства, то для пациентов с СЭД оно полностью отсутствует. Пациенты с БЭ чаще находятся под активным наблюдением по сравнению с теми, у кого диагностирован СЭД, что объясняется более длительным периодом работы с этой группой больных.

Таким образом, из-за затруднений, связанных с организационно-правовыми процедурами медицинского обеспечения орфанных заболеваний, диагностики СЭД и БЭ, врачи не могут проводить полноценную терапию, что сказывается на состоянии здоровья пациентов, имеющих равное с другими гражданами конституционное право на получение бесплатной медицинской помощи. Рассмотренные выше проблемы создают существенные затруднения при выполнении таких основных принципов охраны здоровья, как качество медицинской помощи, приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи, что гарантирует Конституция РФ. Устранение организационно-правовых проблем в отношении СЭД, разработка механизмов реализации прав на социально-медицинское обеспечение позволит пациентам получать максимально эффективную терапию, что приведет к увеличению продолжительности и качества жизни. Необходимо определить специфику ведения пациентов с СЭД и БЭ в РФ с точки зрения медицинского права; разработать варианты изменений в сфере медицинского законодательства для проведения хирургического вмешательства больных СЭД и БЭ (в связи с рисками массивных кровотечений) на уровне, соответствующем мировым стандартам; создать систему государственного страхования орфанных пациентов. Вопросы, касающиеся редких заболеваний (в т. ч. СЭД и БЭ), являются важной медико-социальной и экономической проблемой, требующей комплексного подхода законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровней²⁸.

С. А. Блохин,

канд. экон. наук, заместитель управляющего Отделением СФР по Удмуртской Республике, г. Ижевск

Роль Социального фонда России в реализации положений Семейного кодекса Российской Федерации

В настоящее время утверждение, что семья является основой российского общества и важнейшим институтом, регулирующим отношения между гражданами, как никогда актуальна, поскольку семья не только формирует личность ребенка, но способствует развитию национальной культуры, морали и нравственности. Поэтому государство должно уделять особое внимание вопросам укрепления традиционных семейных ценностей и обеспечению правовых гарантий семьям.

Отметим, что любой правовой документ служит отражением той реальности, которая на тот момент времени существовала. Семейный кодекс, пришедший на смену Кодексу о браке и семье РСФСР (принятому в далеком 1969 году) также не стал исключением, поскольку в середине девяностых годов прошлого столетия назрела острая необходимость перехода от устаревших положений к новым нормам. Диктовал эту необходимость вновь формирующийся уклад общества и развитие

²⁷ Лебедева Д. Утверждены условия дофинансирования регионов на закупку лекарств для редких заболеваний [Электронный ресурс]. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/utverjdeny-usloviya-dopfinansirovaniya-regionov-na-zakupku-lekarstv-dlya-redkih-zabolevanii.html> (дата обращения: 19.01.2026).

²⁸ Орфанные болезни: от законодательной основы до первого регионального опыта [Электронный ресурс] // Здоровье – практический журнал для главного врача. 2017. URL: <https://www.zdrav.ru/articles/4293650681-vbr-orfannye-bolezni-ot-zakonodatelnoy-osnovy-do-pervogo-regionalnogo-opyta> (дата обращения: 25.01.2026).

рыночно-капиталистических отношений. Современные положения Семейного кодекса Российской Федерации отражают и обязанности членов семьи, регулируют порядок заключения и расторжения брака, определяют ответственность родителей перед детьми и супругов друг перед другом.

За прошедшие три десятилетия нормы Семейного Кодекса доказали свою состоятельность и эффективность, обеспечивая защиту прав детей, родителей и супругов, способствуя укреплению института семьи и поддерживая социальные гарантии, предоставленные государством российским семьям. Однако выполнение норм закона требует не только создания эффективной правовой инфраструктуры, но реализации в практическом аспекте действенных мер социальной поддержки.

Рассматривая взаимосвязь между нормативной базой семейного права и её практической реализацией социальных прав, гарантированных государством, необходимо отметить деятельность государственных органов власти в сфере социального обеспечения населения, где ведущая роль в реализации материальных аспектов государственной семейной политики отводится Социальному фонду России (СФР). Именно в его функционал заложена основная часть денежных выплат, осуществляемых государством, в качестве мер социальной поддержки семьям с детьми. Выделим основные.

1. Материальная поддержка на всех этапах жизни семьи (от беременности женщины до достижения детьми возраста своего совершеннолетия) в зависимости от её имущественного положения. Ключевое место в реализации данной меры отводится Единому пособию, которое выплачивает СФР семьям с детьми, начиная с 01.01.2023 года.

Единое пособие стало первой значительной по размеру ежемесячной выплатой, которая назначается не столько при наступлении конкретной жизненной ситуации, сколько по факту низкого дохода семьи и сразу устанавливается на длительный срок (как правило – год). Для разрешения вопроса о справедливом размере материального обеспечения семьи со стороны государства необходимо было сформулировать четкие критерии, которые, с одной стороны, позволяли бы комплексно оценить материальные составляющие жизни семьи, а с другой – создавали бы условия для вовлечения взрослых её членов в занятость и исключали бы ситуации, связанные с злоупотреблением этого права. Для этого была утверждена комплексная оценка нуждаемости семьи. В настоящее время при назначении данной выплаты учитывается более 30 параметров, включая такие, как доходы семьи, наличие недвижимости и транспортных средств, наличие банковских вкладов и размер полученных процентов по ним, а также трудовая занятость родителей, с одновременным тщательным анализом причин её отсутствия. При этом пособие назначается по принципам социального казначейства – в большинстве случаев достаточно одного заявления от гражданина, а все дополнительные сведения Социальный фонд получает в рамках межведомственного взаимодействия от других ведомств.

За три года с момента реализации Единого пособия только на территории Удмуртской Республики на эти цели было выделено более 39,5 млрд рублей. В настоящее время данная выплата осуществляется 45 843 семьям, проживающим в Удмуртии, в которых воспитывается 89 884 ребенка в возрасте до 17 лет. По Российской Федерации цифра еще внушительнее – ежемесячно СФР охватывает данной мерой поддержки более 4,8 млн семей в которых воспитывается свыше 9,7 млн детей, направляя на эти цели ежегодно более 1 трлн рублей²⁹.

2. Не учитывает имущественное положение семьи такая мера материальной поддержки, введенная еще в 2007 году, как материнский семейный капитал. За все время действия данной программы на территории Удмуртии выдано 169 283 сертификатов, из которых 82,2 % полностью реализованы (139 153) на общую сумму 59,9 млрд рублей. По РФ выдано более 15 млн сертификатов³⁰. С 2024 г. по инициативе СФР Правительством РФ реализована возможность семьям получить остаток средств МСК (менее 10 тыс. руб.). За 2024 год такую выплату получили 141 тыс. родителей, использовав полученные денежные средства по своему усмотрению.

3. В 2026 году СФР приступит к реализации новой меры поддержки семей с детьми – семейной налоговой выплате, в рамках которой предусматривается возможность родителям вернуть в семейный бюджет более половины ранее уплаченного налога на доходы физического лица. Механизм позволяет гражданам пересчитать налог по сниженной ставке в 6 % вместо стандартных 13 %. Эта мера коснется семей, воспитывающих двоих и более детей, при условии, что среднедушевой доход такой семьи не превышает полуторного размера величины прожиточного минимума на душу населения в регионе³¹ (для Удмуртии в 2025 году этот показатель равнялся 23 673 руб.). По актуарным оценкам

²⁹ В 2025 году СФР направил российским семьям на выплату Единого пособия 1 012 578 411 952 руб. 35 коп.

³⁰ В ноябре 2025 г. Председатель Социального Фонда России Сергей Чирков вручил семье из Брянска юбилейный 15-миллионный сертификат // Журнал Пенсия. 2025. № 11 (350). С. 10.

³¹ Для Удмуртской Республики прожиточный минимум на души населения установлен постановлением Правительства Удмуртской Республики от 23.07.2024 № 384 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения

Отделения СФР по Удмуртской Республике это нововведение может затронуть порядка 80 тысяч жителей родникового края на общую сумму 4,4 млрд рублей. В целом по Российской Федерации возможностью налогового кешбэка смогут воспользоваться порядка 7,3 млн работающих родителей с двумя и более детьми до 18 лет (если ребенок обучается на очном отделении вуза, его возраст увеличивается до 23 лет).

Справочно:

- ✓ 47,2 млн рублей каждую минуту СФР направляет на выплаты пенсий и пособий жителям Российской Федерации.
- ✓ каждые 14 секунд Социальный фонд России направляет на поддержку семей с детьми 1 млн рублей

В процессе реализации материальных форм поддержки различным социальным группам населения, оказываемых территориальными органами СФР в субъектах Российской Федерации, выявляется целый ряд вопросов, которые требуют незамедлительного реагирования и выработки действенных мер и мероприятий в области семейной политики, принимаемых со стороны государства. Выделим лишь некоторые аспекты, требующие проработки уже сейчас.

Во-первых, необходимо качественно повысить адресность оказываемой государством финансовой поддержки, предусмотренной государством для россиян, находящихся в определенной жизненной ситуации с одновременным повышением её доступности, через развитие цифровизации.

Так, в настоящее время 93 % самых востребованных услуг в СФР³² оказываются гражданам в электронном виде через подачу заявлений в личном кабинете портала «Госуслуги», более 45 % услуг оказываются в проактивном режиме, без непосредственного участия человека (в виде подачи заявления).

Справочно:

- 325 млн услуг в год оказывает гражданам СФР, из них 302,7 млн услуг (93 %) в электронном виде, из которых 137 млн услуг (45 %) оказываются застрахованному лицу проактивно.
- В настоящее время СФР оказывает 122 меры денежной поддержки населения, 39 из них – беззаявительно.
- 3 млн заявлений с сайта «Госуслуги» еженедельно обрабатывает СФР.
- Ежегодно СФР осуществляет 20,7 млн выплат, связанных с временной нетрудоспособностью и материнством (больничные, декретные, пособия).
- Свыше 500 тыс. телефонных обращений на горячую линию ежедневно принимают сотрудники СФР (свыше 100 млн звонков обработано в 2025 году).
- Ежегодно 7,7 млн часов жизни СФР экономит гражданам России проактивными уведомлениями о получаемых ими мерах социальной поддержки на портале «Госуслуги».

Во-вторых, помимо усовершенствования материальных мер поддержки населения, необходимо уделить внимание решению новых вызовов для государства и общества, связанных с правильным воспитанием подрастающего поколения, обеспечив действенный механизм защиты детей от Кибербуллинга (интернет-травля) и его производных: киберсталкинга (преследование, домогательство), троллинга, хейтинга, доксинга, фрейпинга, социального исключения и других агрессивных действий в отношении ребенка, которые могут негативно сказаться на его развитии, т. е. необходимо сформировать и обеспечить цифровую безопасность несовершеннолетних в семье. Все это потребует создания новых правовых инструментов регулирования и внимательного отношения к личности, как со стороны государства, так и со стороны семьи и общества.

В-третьих, государству необходимо обратить пристальное внимание на существующую проблему ненадлежащего исполнения алиментных обязательств родителями. Законодательным и исполнительным органам власти необходимо осуществить усовершенствование механизмов взыскания задолженности по алиментам и обеспечить неотвратимость действенного наказания виновного лица за умышленное уклонение от исполнения данных обязательств перед ребенком.

Осознавая определенные веяния и темпы развития общества, СФР неустанно продолжает работу над совершенствованием оказываемых мер социальной поддержки как одного из действенных механизмов реализации всей семейной политики государства в целом, так и отдельно взятых положений Семейного кодекса РФ.

и по основным социально-демографическим группам населения в Удмуртской Республике на 2025 год» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1800202407290002?ysclid=mluthwo2cv293252869> (дата обращения: 30.01.2026).

³² В настоящее время СФР оказывает 144 государственные услуги гражданам.

Так, инициированный Правительством РФ процесс цифровизации изменил философию оказания Фондом услуг гражданам.

ЗА МЫ ДЕЛАЕМ ВСЁ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

От тезиса, что «гражданин сам собирает документы и представляет в СФР для назначения тех или иных мер социальной поддержки, в настоящем большую часть этих документов за человека фонд аккумулирует самостоятельно, посредством взаимодействия с партнерами (ФНС, МСЭ, МВД, и т. д.), активно используя при этом и собственные сведения, хранящиеся в базах данных СФР.

В рамках реализации мер, направленных на устранение цифрового неравенства, преодоления сложившихся стереотипов в мышлении у граждан и определенных трудностей у пожилых и сельских жителей в доступе к онлайн-сервисам, в Социальном фонде России запланировано поэтапное расширение цифровых зон приема населения в Клиентских службах СФР и активное участие представителей Фонда в проведении обучающих семинаров среди пожилого населения по выработке навыков уверенного пользования компьютером и смартфоном в центрах общения старшего поколения, функционирующих при Клиентских службах СФР.

Продолжит СФР участие в разработке и реализации новых законодательных актов, принимаемых Правительством РФ. Так, в настоящее время СФР приступил к реализации нового закона³³, согласно которому уход за всеми детьми многодетной маме теперь учитывается в её страховом стаже без ограничений. До этого в стаже россиянок учитывалось не более 6 лет, то есть засчитывался в стаж только уход за первыми 4 детьми. Так, за один год ухода женщине, воспитывающей троих детей, по новому закону будут начислять 5,4 коэффициента за третьего ребенка, что приравнивается к отчислениям на обязательное пенсионное страхование сотрудника, получающего заработную плату в размере 120 тыс. рублей в месяц. Эта мера, по оценкам СФР, затронет 400 тыс. женщин по всей Российской Федерации³⁴. Помимо этого, СФР в 2026 году приступил к реализации положений федерального закона³⁵, приравнивающего к Героям Труда матерей-героинь, воспитавших 10 и более детей. Таким женщинам СФР будет назначать ежемесячную денежную выплату в 2026 году в размере 72 403,39 рублей, при этом сумма ЕДВ будет в последующих периодах ежегодно индексироваться.

В заключение можно утвердительно отметить, что Семейный кодекс РФ за прошедшие 30 лет с момента его принятия доказал свою актуальность и жизнеспособность, а главной его заслугой, по нашему мнению, стало смещение акцента с «государственного контроля» на защиту прав и свобод материнства и детства, на укрепление семейных ценностей и повышение качества жизни российских семей, защищенности наших соотечественников при возникновении определенных жизненных ситуаций. При этом ключевое место в реализации материальных мер социальной поддержки, предусмотренных государством, отводится СФР, роль которого в условиях демографических вызовов будет только возрастать.

Л. Н. Варганова,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

Спорные вопросы совместного завещания супругов

Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в ст. 256 чч. 1 и 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» в российское законодательство введён новый правовой институт наследственного права «совместное завещание супругов».

Данный институт заимствован из наследственного законодательства стран западной Европы (Италии, Австрии, Германии и др.), а также стран англосаксонской правовой системы (Англии и США). В данных странах совместные завещания используются успешно на протяжении достаточно

³³ О внесении изменений в статьи 1 и 2 Федерального закона «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией» и Федеральный закон «О страховых пенсиях»: Федеральный закон от 28.11.2025 № 443-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 48 (Ч. III), ст. 7254.

³⁴ Интервью ТАСС Председателя СФР С. А. Чиркова // Журнал Пенсия. 2025. № 7 (346). С. 15.

³⁵ О предоставлении социальных гарантий женщинам, удостоенным звания «Мать-героиня»: Федеральный закон от 28.11.2025 № 435-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 48 (Ч. III), ст. 72.

продолжительного периода времени. Так, например, в Германии законодательное закрепление совместные завещания получили ещё в Гражданском уложении в 1899 г., данные правовые положения не потеряли своей актуальности и по сей день и являются основой не только для практики в Германии, но и в большинстве других стран Западной Европы³⁶.

Данный правовой институт наследственного права используется в зарубежных странах более 100 лет. В России же данный институт появился впервые и внедрён из зарубежного законодательства без тщательной проработки правовых норм с наличием противоречий. Как результат – априори могут возникать некоторые вопросы и трудности в правоприменении.

Вследствие этого научный интерес представляет понимание положения института «совместного завещания» в отечественном законодательстве.

Совместное завещание супругов – распоряжение имуществом на случай смерти гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в браке (ч. 1 и ч. 4 ст. 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации – ГК РФ).

По смыслу законодательства совместное завещание супругов не отменяет существование личного завещания супругов.

Совместное завещание является альтернативным способом завещания, применяемого с целью предоставления возможности распоряжения совместным имуществом после смерти одного из супругов или одновременной смерти обоих.

Совместно завещать могут только супруги, зарегистрировавшие брак. Составить совместное завещание лицам, даже длительно проживающих совместно, фактически состоящих в брачных отношениях, но не зарегистрировавших брак в соответствующем порядке, не допускается. Нельзя также составить совместное завещание лицам, заключивших только религиозный брак (по христианским, мусульманским и др. верованиям).

Брак должен быть зарегистрирован и на дату открытия наследства при исполнении совместного завещания супругов.

Совместное завещание супругов утрачивает силу в случае расторжения брака или признания брака недействительным как до, так и после смерти одного из супругов.

Представляется, что данный способ завещания может снизить количество наследственных споров и конфликтов между потенциальными наследниками. Такой точки зрения придерживается ряд учёных.

Такие учёные, как Н. В. Владимирова, В. Н. Гаврилов, отметили, что несмотря на то, что данная правовая конструкция широко используется в международной практике, в России она может оказаться малоэффективной ввиду её не востребованности и, как следствие, приведёт к появлению мёртвого института совместного завещания супругов. Исследователи объясняют свою позицию своеобразием российского менталитета, отсутствием реальных механизмов защиты интересов наследников, в ситуации, когда переживший супруг может изменить в свою пользу совместное завещание³⁷.

Обобщая существующие в российской правовой науке мнения на вопрос появления института совместного завещания супругов, можно прийти к выводу, что эта новелла является мало понятной и сложной как для участников наследственных отношений, так и для профессиональных юристов. К тому же в настоящее время не сложилась достаточная практика правоприменения данного института.

При изучении норм Гражданского кодекса РФ можно заметить неясность понятия «совместного завещания» как сделки. Это порождает наличие разных трактовок закона.

Одно из них – завещание является односторонней сделкой, которая создает права и обязанности после открытия наследства. К супругам, совершившим совместное завещание, применяются правила о завещателе (ч. 5 ст. 1118 ГК РФ). При том что, исходя из положений норм той же статьи закона, завещание может быть совершено как одним гражданином, а так же гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в браке (совместное завещание супругов), супруги вправе по обоюдному усмотрению определить завещательные последствия смерти.

Получается, что законодатель видит в волеизъявлении двух лиц – супругов единую волю подобную воле одного лица. То есть воля супругов едина и не является направленной в отношении друг друга.

Однако подобная позиция подвергается и научной критике. Например, известный российский цивилист О. Е. Блинков указывает, что совместное завещание супругов имеет основу соглашения

³⁶ Тимкин А. С. Совместное завещание супругов: некоторые проблемы практики [Электронный ресурс] // Наследственное право. 2025. № 1. Аннотация. URL: <https://lawinfo.ru/articles/9279/sovместnoe-zaveshhanie-suprugov-nekotorye-problemy-praktiki> (дата обращения: 15.02.2026).

³⁷ Гаврилов В. Н., Филина А. Е., Ушаков Р. М. Спорные вопросы совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях [Электронный ресурс] // Юридическая наука. 2022. № 1. С. 78–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-sovместnogo-zaveshchaniya-suprugov-v-nasledstvennyh-pravootnosheniyah/> (дата обращения: 15.02.2026).

последних, к которому они пришли, будучи в браке, относительно распоряжения совместно нажитым имуществом после их смерти, и охватывает собой два волеизъявления, а не одно, и потому к ним могут и даже должны применять все правила, установленные в действующем гражданском законодательстве для регламентации договоров³⁸.

Представляется, что позиция понимания совместного завещания как односторонней сделки более логична, и именно она отражена, хоть и недостаточно ясно, в статье 1118 ГК РФ. Так, право на совместное завещание возможно реализовать только супругам. Только они приобретают право в браке на совместное имущество. Связано это с особым доверительным характером отношений между супругами, совместным проживанием и ведением общего хозяйства, наличием общего круга наследников и т. п.³⁹. Отношения в браке базируются на желании создать семью на основе доверия, любви и понимания. В противном случае брак может быть признан фиктивным, что порождает последствия признания сделки по совместному распоряжению имуществом в форме совместного завещания недействительной. Такие последствия при признании брака фиктивным не наступят при личном завещании. Такое понимание совместного завещания подтверждает наличие единой воли в совместном завещании супругов.

Кроме того, супруги в совместном завещании определяют свою волю совместно, но не в отношении друг друга, и только после смерти обоих.

Ещё одним аргументом к позиции определения завещания в качестве односторонней сделки является то, что законодатель определил совместное завещание разновидностью завещания, являющегося односторонней сделкой.

Наряду с этим содержание совместного завещания имеет особенности по сравнению с личным завещанием.

Содержание совместного завещания сходно с содержанием завещания как односторонней сделки, с единственной разницей в том, что совместное завещание предоставляет возможность согласовать обоюдную волю супругов, определив посмертную судьбу личного или общего имущества супругов⁴⁰.

Согласно действующему законодательству в совместном завещании супругов они вправе по обоюдному усмотрению определить следующие последствия смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно:

- завещать общее имущество супругов, а равно имущество каждого из них любым лицам;
- любым образом определить доли наследников в соответствующей наследственной массе;
- определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц;
- лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения;
- включить в совместное завещание супругов иные завещательные распоряжения, возможность совершения которых предусмотрена Гражданским кодексом РФ (ч. 4 ст. 1118 ГК РФ).

Вместе с тем условия совместного завещания супругов не могут отменить правило определения обязательной доли в наследстве (в том числе право на которую появилось после составления совместного завещания супругов), а также о запрете наследования недостойными наследниками.

Все имущество, согласно условиям совместного завещания, сначала переходит к пережившему супругу и только после его смерти может быть объектом наследования.

Оспаривание совместного завещания возможно как при жизни наследодателей, так и после смерти, что отличает личное завещание от совместного.

Также сложным вопросом совместного завещания супругов в правоприменении является возможность его отмены пережившим супругом.

В законодательстве отсутствуют механизмы обязанности исполнения завещания пережившим супругом.

Переживший супруг может злоупотребить правом и распорядиться наследством вопреки воле умершего супруга.

³⁸ Вронская М. В. К вопросу о правовой природе и содержании совместного завещания супругов: теоретико-практический анализ [Электронный ресурс] // Киберленинка. Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6 (144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-i-soderzhanii-sovmestnogo-zaveschaniya-suprugov-teoretiko-prakticheskiy-analiz> (дата обращения: 24.02.2026).

³⁹ Османов О. А., Абдурагимов С. Р. О проблемах совместного завещания [Электронный ресурс] // Вестник дагестанского государственного университета. Серия 3. 2023. Т. 38, вып. 3. С. 50–54. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_012484300?page=52&rotate=0&theme=white (дата обращения: 15.02.2026).

⁴⁰ Ходырева Е. А. «Estate planning» и выбор супругами вида наследственного распоряжения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 364–387.

Указанные обстоятельства нивелируют эффективность совместного завещания, связанную с потенциальным уменьшением количества споров наследников после смерти наследодателей – супругов, в том числе при наличии у них разных наследников по закону.

Таким образом, для широкого правоприменения данного правового института в России необходимо понимание надёжности совместного завещания в первую очередь потенциальными наследодателями – супругами, а также правовым сообществом. С этой целью полагаем необходимым внести изменение в его правовое регулирование. Представляется, что введение запрета на одностороннее изменение и отмену совместного завещания после смерти одного из супругов будет являться действенным механизмом его правовой стабильности.

А. А. Васильева,

магистрант ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,

Т. Н. Дорошенко,

канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО

«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,

г. Великий Новгород

Пробелы в правовом регулировании защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации

Защита прав несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Законодательное закрепление базовых гарантий и прав несовершеннолетних содержится в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ). Так, в соответствии со статьей 54 СК РФ ребёнок имеет неотъемлемое право жить и воспитываться в семье, знать своих родителей и получать от них заботу⁴¹.

Несмотря на законодательное закрепление фундаментальных прав несовершеннолетних, на практике их реализация сталкивается с рядом системных проблем, что обуславливает актуальность исследования.

Правовая защита прав и интересов несовершеннолетних в Российской Федерации базируется на многоуровневой системе нормативных актов, сочетающей международные обязательства и национальное законодательство.

Центральным актом внутригосударственного регулирования выступает СК РФ. Особое значение имеет глава 11 «Права несовершеннолетних детей», закрепляющая базовые права ребёнка в семейной сфере: право ребёнка жить и воспитываться в семье, знать своих родителей и получать от них заботу, механизмы защиты прав и законных интересов ребёнка, в том числе от злоупотреблений со стороны родителей или иных законных представителей, право ребёнка выражать своё мнение при решении вопросов, затрагивающих его интересы⁴².

Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) регулирует имущественные права несовершеннолетних и объём их дееспособности: объём дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, правила совершения сделок малолетними (до 14 лет), порядок распоряжения имуществом подопечных, включая несовершеннолетних⁴³.

Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» детализирует полномочия органов опеки и попечительства, механизмы защиты прав подопечных, в том числе несовершеннолетних.

Ключевые принципы, закреплённые в указанных нормативных актах, формируют концептуальную основу правового регулирования защиты прав несовершеннолетних в семейных отношениях.

Однако на пути эффективной защиты прав несовершеннолетних существуют коллизии между различными нормативно правовыми актами. В частности, наблюдаются расхождения между положениями СК РФ, ГК РФ и Федерального закона «Об опеке и попечительстве». Эти противоречия затрудняют правоприменение и создают правовые лазейки, которые могут ущемлять интересы несовершеннолетних.

⁴¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2025).

⁴² Там же.

⁴³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2025).

Так, статья 60 СК РФ, регулирующая имущественные права ребёнка, отсылает к гражданскому законодательству. На практике это порождает правовую неопределённость: семейно-правовые отношения подменяются гражданско-правовыми (например, нормы о дееспособности из ГК РФ применяются без учёта специфики семейных отношений), размываются границы между реальной защитой имущественных интересов ребёнка и формальным соблюдением процедур отчуждения имущества.

В этой связи совершенствование законодательства должно быть направлено на устранение противоречий и создание целостной системы защиты прав несовершеннолетних.

Существует проблема неоднозначности толкования ключевого понятия «интересы ребёнка». В соответствии со ст. 54 СК РФ приоритет интересов ребёнка выступает центральным принципом семейного права. Однако на практике реализация этого принципа осложнена отсутствием чётких, унифицированных критериев его определения. Суды вынуждены руководствоваться субъективными оценками, что порождает противоречивую судебную практику.

При разрешении споров о месте жительства ребёнка, порядке общения с родителем, проживающим отдельно, лишении или ограничении родительских прав суды учитывают ряд факторов: возраст ребёнка и степень эмоциональной привязанности к каждому из родителей, условия проживания и материальную обеспеченность каждого из родителей, моральные качества родителей, их образ жизни и поведение, наличие иных близких лиц (бабушек, дедушек, братьев, сестёр), влияющих на воспитание.

Тем не менее отсутствие нормативного перечня критериев и методики их взвешенной оценки затрудняет прогнозируемость судебных решений, единообразное применение закона в схожих ситуациях, объективную проверку законности и обоснованность выводов суда, что создаёт риски принятия решений, формально соответствующих закону, но не отвечающих реальным интересам ребёнка.

Иллюстрацией данной проблемы служит определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-223 об определении места жительства ребенка и порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя, взыскании алиментов. В деле об определении порядка общения отца с ребёнком суд первой инстанции удовлетворил требования истца, установив график, предусматривающий проведение ребёнком четырёх дней в неделю с 9:00 до 21:00 с отцом, а после достижения двух лет – ночёвки дважды в неделю.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, возражения на нее, Верховный Суд отменил состоявшиеся судебные постановления, указав на существенные нарушения норм материального и процессуального права, а именно:

- суд не оценил альтернативный вариант, предложенный матерью;
- не были учтены ключевые обстоятельства: режим дня ребёнка, удалённость места жительства отца, его рабочий график и возможность находиться с ребёнком в заявленное время;
- проигнорировано заключение органов опеки, предупреждавшее, что предложенный график может негативно повлиять на психологическое состояние ребёнка, формируя у него двойственное восприятие реальности и лишая чувства «настоящего дома»⁴⁴.

Таким образом, отсутствие чётких критериев оценки интересов ребёнка привело к принятию решения без должной мотивации и учёта всех значимых обстоятельств. Этот пример демонстрирует необходимость разработки детализированных нормативных ориентиров – будь то методические рекомендации для судов и органов опеки либо уточнение критериев в СК РФ, чтобы обеспечить единообразное и справедливое разрешение споров, затрагивающих права несовершеннолетних.

Проблематика недостаточной проработанности критериев особенно ярко проявляется в практике рассмотрения споров о месте жительства ребёнка. Так, согласно актуальным данным, доля решений в пользу отца при определении места жительства ребёнка постепенно растёт: на 2025 год она составляет около 20 % от общего числа дел, что втрое превышает показатели пятилетней давности⁴⁵. Однако даже при такой динамике сохраняется проблема недостаточной мотивированности судебных решений. Несмотря на количественные сдвиги в распределении родительских прав, качественный уровень обоснования судебных актов зачастую остаётся низким. Это подтверждает тезис о том, что без чётких нормативных ориентиров суды продолжают сталкиваться с трудностями при всесторонней оценке обстоятельств дела и аргументации своих выводов.

Особенно тревожно, что подобные пробелы в правоприменении затрагивают фундаментальные гарантии, предоставленные несовершеннолетним. В частности, на практике систематически наруша-

⁴⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-223 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.12.2025).

⁴⁵ С кем останется ребенок после развода: почему отцы все чаще выигрывают споры о детях в 2025 году [Электронный ресурс] // Мой Юрист Online. URL: <https://myjus.ru/> (дата обращения: 09.12.2025).

ется требование статьи 57 СК РФ об обязательном учёте мнения ребёнка, достигшего 10-летнего возраста. Например, в одном из дел Юсьвинского районного суда Пермского края суд вынес решение об определении места жительства 12-летнего ребёнка, не выяснив его мнение ни в ходе судебного разбирательства, ни через орган опеки и попечительства⁴⁶.

Несмотря на то, что статья 57 СК РФ закрепляет право ребёнка выражать своё мнение, действующее законодательство не определяет, в какой форме оно фиксируется, каков процессуальный вес такого мнения при вынесении судебного решения.

Подобная поверхностность в исследовании обстоятельств дела проявляется не только при опросе детей, но и при рассмотрении наиболее серьёзных семейных споров – в частности дел о лишении или ограничении родительских прав. Здесь типичной ошибкой остаётся неполнота доказывания, ведущая к нарушению принципа соразмерности мер воздействия.

Как и в случаях с формальным опросом ребёнка, суды зачастую ограничиваются оценкой отдельных эпизодов, не углубляясь в системный анализ ситуации. Например, принимают решения на основании единичных фактов, таких как кратковременная неуплата алиментов, не исследуя, носит ли нарушение устойчивый характер. Не проверяют, предпринимал ли родитель попытки исправить ситуацию – обращался ли за психологической помощью, участвовал ли в реабилитационных программах, стремился ли восстановить контакт с ребёнком.

В результате вместо менее радикальных мер, таких как установление порядка общения с контролем, назначение профилактических мероприятий или психолого-педагогической поддержки, суды нередко прибегают к крайним мерам: ограничению или лишению родительских прав. Подобная практика нарушает баланс интересов всех участников семейных правоотношений.

Так, в деле № 78КГ2324КЗ суд рассматривал ситуацию, когда отец вывез детей за границу без согласия матери, что привело к их психологическому травмированию. На первый взгляд, деяние носило явно противоправный характер и могло послужить основанием для лишения родительских прав. Однако Верховный Суд подчеркнул принципиальную позицию: лишение родительских прав возможно лишь при экстраординарных обстоятельствах, когда иные меры воздействия неэффективны. При этом суд обратил внимание на важные нюансы: несмотря на неправомерный выезд, ответчик создавал условия для жизни и здоровья детей за рубежом (организовывал их воспитание, обеспечивал обучение и медицинское сопровождение); также в материалах дела отсутствовали доказательства препятствия общению детей с матерью со стороны отца и действий отца исключительно в своих интересах. Дело было направлено на новое рассмотрение с указанием на необходимость комплексной оценки всех обстоятельств⁴⁷.

Этот пример наглядно демонстрирует, что даже в случаях, кажущихся очевидными, суд обязан исследовать всю совокупность фактов, а не опираться на отдельные эпизоды. Только такой подход позволяет принять решение, действительно отвечающее интересам ребёнка и соблюдающее баланс прав всех участников семейных отношений.

При этом существенную роль в формировании объективной картины защиты прав несовершеннолетних играют органы опеки и попечительства. Ввиду нехватки ресурсов (дефицита квалифицированных психологов и социальных работников, перегруженности специалистов), отсутствия единых методик оценки семейной ситуации и алгоритмов учёта мнения ребёнка, заключения органов опеки и попечительства зачастую ограничиваются констатацией формальных обстоятельств (наличие жилья, доход), не отражая реальной эмоциональной среды и динамики отношений в семье. Как следствие, суды получают неполные данные, что усугубляет риск принятия решений на основе поверхностной оценки, а не глубинного анализа интересов несовершеннолетнего.

Для решения системных проблем, связанных с реализацией прав несовершеннолетних, совершенствование законодательства должно быть направлено на устранение имеющихся противоречий и создание целостной системы защиты прав.

В материально-правовом блоке важно закрепить в СК РФ критерии «интересов ребёнка» и наделить несовершеннолетних старше 10 лет правом участвовать в сделках с их имуществом.

В процессуальной сфере следует регламентировать опрос ребёнка старше 6 лет в суде с обязательным участием психолога и видеофиксацией с согласия суда. Предлагается расширить полномочия органов опеки и попечительства путем введения обязательной психологической экспертизы в спорах о детях и мониторинг исполнения судебных решений.

⁴⁶ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.12.2025).

⁴⁷ Павлова З. Верховный Суд напомнил о критериях лишения родительских прав в связи с злоупотреблением ими [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. 2023. URL: <https://www.advgazeta.ru/> (дата обращения: 09.12.2025).

Необходимо создать единую базу данных по делам о лишении/ограничении родительских прав с целью злоупотребления правами бывших родителей. Целесообразно на досудебном этапе ввести обязательную медиацию по спорам о детях (исключая случаи насилия) для сокращения количества рассматриваемых дел в суде.

Таким образом, реформирование механизмов защиты прав несовершеннолетних должно охватывать нормативную регламентацию критериев «интересов ребёнка», усиление роли органов опеки и попечительства, развитие медиации. Реализация этих мер повысит, обеспечит реальное участие ребёнка в защите своих прав и снизит конфликтность в семейных спорах.

Е. В. Гинатуллина,

магистрант Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: О. А. Сегал, канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

Проблемы установления порядка общения с ребенком при споре между родителями

Право ребенка на общение с обоими родителями, закрепленное в ст. 55 Семейного кодекса Российской Федерации⁴⁸ (далее – СК РФ), является одним из фундаментальных принципов семейного права. Его реализация приобретает особую сложность в ситуации распада семьи, когда родители проживают раздельно. Несмотря на законодательное закрепление принципа равенства прав и обязанностей родителей (ст. 61 СК РФ), на практике его реализация сталкивается с существенными проблемами, что приводит к многочисленным судебным спорам об определении порядка общения. Данная статья направлена на комплексный анализ этих проблем на основе действующего законодательства, судебной практики и современных научных исследований.

Для начала можно отметить противоречие между принципом равенства и реальным объемом родительских прав. Формально закон устанавливает равенство прав родителей независимо от их совместного или раздельного проживания. Однако ст. 66 СК РФ, регламентирующая права отдельно проживающего родителя, фактически формирует его отличный правовой статус. Как отмечает М. В. Громоздина, родитель, с которым ребенок постоянно проживает, обладает правами в полном объеме, в то время как статус проживающего отдельно является «усеченным»⁴⁹. А. М. Нечаева также указывает, что факт раздельного проживания умаляет родительские права живущего отдельно⁵⁰.

С другой стороны, существует обоснованная позиция, что само по себе раздельное проживание не лишает родителя статуса законного представителя (ст. 64 СК РФ) и не должно автоматически ограничивать его права, кроме случаев, когда это противоречит интересам ребенка⁵¹. Это создает правовую коллизию и неопределенность, которую судам приходится разрешать в каждом конкретном случае, что ведет к противоречивой практике и нарушению принципа правовой определенности.

Также можно отметить проблемы судебного определения порядка общения: критерии и доказательства.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ⁵² и обзору практики⁵³, при определении порядка общения суд обязан учитывать комплекс обстоятельств: возраст и состояние здоровья ребенка, его привязанность к каждому из родителей, режим дня, удаленность мест проживания, наличие условий для воспитания и развития и др.

⁴⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: ред. от 23.11.2024, с. изм. от 30.10.2025 [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 26.01.2026).

⁴⁹ Громоздина М. В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации : монография. 2012 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰ Нечаева А. М. Право ребенка на общение с обоими родителями // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 4 (80). С. 10–13.

⁵¹ Шаферов А. Н. Реализация принципа равенства прав родителей при определении порядка общения с несовершеннолетним ребенком // Вопросы студенческой науки. 2021. № 11 (63). С. 314–319.

⁵² О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) [Электронный ресурс] // Российская газета. 1998. № 110. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (дата обращения: 26.01.2026).

⁵³ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/15187/> (дата обращения: 26.01.2026).

Ключевой проблемой является субъективная оценка многих из этих факторов, особенно психологических (привязанность, эмоциональная связь, риск причинения вреда психике). Судьи и работники органов опеки и попечительства не являются специалистами в области детской психологии, что без привлечения экспертов может привести к поверхностным и необъективным выводам. Как справедливо отмечается в исследовании А. Н. Шаферова, «оставление указанных факторов без объективной оценки <...> ставит под сомнение реализацию принципа наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетнего ребенка».

Правоприменительная практика демонстрирует значимость заключений психолого-психиатрических экспертиз, которые помогают установить характер детско-родительских отношений, степень привязанности и возможное психологическое влияние^{54,55}. Например, в деле № 2-444/2020, рассмотренном Гагаринским районным судом г. Москвы и Московским городским судом⁵⁶, заключение эксперта четко дифференцировало позитивные отношения ребенка с матерью и несформированные, лишенные эмоциональной близости – с отцом, что стало решающим для суда. Однако действующее законодательство не содержит императивного требования об обязательном назначении такой экспертизы, что оставляет ее проведение на усмотрение суда и зависит от инициативы и материальных возможностей сторон.

Наибольшие трудности возникают на стадии реального исполнения судебного решения, даже если оно является справедливым и детализированным, что можно отнести к **системным проблемам исполнительного производства**. Как отмечает Е. В. Буянова⁵⁷, исполнительные документы, содержащие неимущественные требования из семейных отношений (об определении порядка общения, передаче ребенка), являются самыми трудноисполнимыми на практике.

Меры принуждения при этом ограничены. Основной мерой воздействия на родителя, препятствующего общению, остается привлечение к административной ответственности по ст. 5.35 Кодекса об административных правонарушениях РФ⁵⁸ с наложением штрафа (2 000–5 000 руб.), что не является действенной санкцией для злостного нарушителя⁵⁹. Попытки судебного пристава-исполнителя обеспечить общение физически сталкиваются с непреодолимыми препятствиями: невозможностью законного взлома дверей, риском причинения психологической травмы ребенку при силовом отобрании, сокрытием ребенка у родственников.

Можно отметить проблему «неисполнимых» решений. Суды нередко устанавливают график общения на выходные или праздничные дни. Однако ст. 35 Федерального закона «Об исполнительном производстве»⁶⁰ ограничивает совершение исполнительных действий в такие дни случаями, не терпящими отлагательства. Формально обеспечение общения по графику к таковым не относится, что лишает пристава возможности законно содействовать встрече в установленное время, делая решение фактически неисполнимым в принудительном порядке.

Следующая проблема, которая заслуживает внимания – проблема статуса ребенка и необходимости специализированной помощи. Как отмечает Е. В. Буянова, в исполнительном производстве ребенок часто указывается как «предмет исполнения», что унижает его достоинство и не отражает его статус как субъекта права. При этом действующий закон, хотя и предусматривает возможность привлечения детского психолога (п. 1 ст. 109.3 Закона об исполнительном производстве), не делает его участие обязательным. Между тем, как показывает практика службы судебных приставов Московской области, привлечение психолога сразу после выявления сопротивления ребенка общению является ключевым для снижения напряженности и поиска решения. Е. В. Буянова

⁵⁴ Мицык Г. Ю., Григорьева Н. И. Проблемы правоприменительной практики, возникающие при определении порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно // Вестник МГЭИ (on-line). 2022. № 1. С. 226–234.

⁵⁵ Кузьмина С. В. Проблемы исполнения судебных актов, определяющих порядок общения отдельно проживающего родителя с ребенком // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. 2018. С. 201–203.

⁵⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 10 февраля 2021 г. по делу № 33-5830/2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ Буянова Е. В. Принудительное исполнение судебных решений об отобрании или о передаче ребенка, порядке общения с ребенком: актуальные проблемы и пути их решения // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2022. № 1 (51). С. 51–57.

⁵⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 26.01.2026).

⁵⁹ Егоров О. Н., Кочедыкова В. М. Определение и обеспечение порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18, № 1. С. 37–45.

⁶⁰ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 26.12.2024) [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 26.01.2026).

предлагает закрепить в законе обязательное участие детского психолога в исполнительных производствах по делам об отобрании и передаче ребенка, а также развить институт родительского координатора (parenting coordinator) по примеру зарубежного опыта.

Кроме того, участие детского психолога в исполнительных производствах по делам об определении порядка общения с несовершеннолетними детьми может помочь определить желание и интересы самого ребенка, поскольку при спорах между родителями нередко встречаются случаи настроения ребенка родителем, проживающим с ним, против другого родителя.

К имеющимся организационным трудностям можно отнести чрезвычайно высокую нагрузку на судебных приставов-исполнителей (до 600 производств на одного), что не позволяет уделять достаточного внимания сложным и длительным делам о порядке общения. Е. В. Буяновой предлагается создание специализированных отделов в структуре Федеральной службы судебных приставов, которые занимались бы исключительно исполнением решений по делам с участием несовершеннолетних, а также введение должности помощника пристава для подготовки материалов и взаимодействия с органами опеки.

Следующая проблема – это технические и процедурные сложности.

В современных условиях актуальным стал вопрос об использовании средств дистанционной связи (видеозвонки, мессенджеры) для поддержания контакта. Суды начали включать такую возможность в резолютивные части решений.

Например, по результатам рассмотрения ходатайства об определении порядка общения с ребенком на период до вступления в законную силу судебного решения определено, в частности, осуществление родительских прав в виде ежедневного общения отца с малолетними детьми посредством видеосвязи Skype⁶¹.

Однако, по мнению А. Н. Шаферова, этот инструмент не решает проблемы полноценного личного общения и эмоциональной близости.

Как отмечают Г. Ю. Мицык и Н. И. Григорьева, еще одной процедурной проблемой является излишняя детализация графика общения в решении суда, которая не оставляет пространства для гибкости и при любом отклонении (болезнь, непредвиденные обстоятельства) дает повод для конфликта и обвинений в неисполнении.

Невозможно учесть заранее все обстоятельства, а учитывая, что на текущий момент изменение графика порядка общения должно производиться также в судебном порядке, система становится на практике неудобной и неработающей. Для обеспечения баланса интересов сторон система по установлению порядка общения с несовершеннолетним ребенком должна быть гибкой и контролируемой. Только в этом случае будут обеспечиваться подлинные интересы ребенка.

Для совершенствования системы установления порядка общения с несовершеннолетними детьми необходим комплексный подход. В целях смягчения остроты судебных споров и обеспечения реального исполнения судебных решений, учитывая активное развитие электронного государства в России, создание единой инфраструктуры для предоставления государственных услуг, при установлении порядка общения с несовершеннолетними детьми предлагается следующее:

- участие психолога и на судебном этапе рассмотрения дела (обязательная психологическая экспертиза), и на этапе исполнения судебного решения;
- добавление сервиса на «Госуслуги» по установлению порядка общения с ребенком (с участием органов опеки) и на досудебном этапе, и на этапе исполнения решения суда (с участием судебных приставов и органов опеки);
- при установлении порядка общения с несовершеннолетним ребенком исключить излишнюю детализацию графика общения в решении суда, более конкретный график общения строить и корректировать на стадии исполнения решения, например, посредством «Госуслуг»;
- создание специализированных отделов в ФССП и введение должностей помощников приставов для работы с делами о детях;
- создание методических рекомендаций для судов, ФССП и органов опеки по единым стандартам работы с подобными спорами;
- расширение перечня эффективных мер воздействия на родителя, препятствующего общению, включая значительное увеличение размеров штрафов, возможность взыскания компенсации морального вреда в пользу ребенка или второго родителя и более четкую процедуру пересмотра места жительства ребенка в случае злостного неисполнения;

⁶¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 12 мая 2021 г. по делу № 33-17043/2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

– уточнение правил совершения действий ФССП в выходные дни для данной категории дел и регламентацию порядка взаимодействия пристава с органами опеки.

Таким образом, установление порядка общения с ребенком при споре между родителями остается комплексной, многоаспектной проблемой современного семейного и исполнительного права России. Основные трудности носят системный характер:

1. **Теоретико-правовой дисбаланс** между декларируемым равенством родительских прав и их фактическим ограничением для отдельно проживающего родителя.

2. **Доказательственные сложности** при оценке психологических факторов, определяющих интересы ребенка, и отсутствие обязательной процедуры специализированной экспертизы на судебной стадии.

3. **Системная неэффективность и архаичность механизмов принудительного исполнения:** отсутствие действенных санкций, законодательные ограничения для действий приставов, необязательность участия психологов, организационная перегруженность ФССП.

4. **Процедурные пробелы**, делающие многие решения изначально трудно- или неисполнимыми.

Для решения указанных проблем необходима комплексная модернизация семейного, процессуального и исполнительного законодательства. Целесообразно рассмотреть следующие меры:

На досудебной стадии: добавление сервиса на «Госуслуги» по установлению порядка общения с ребенком (с участием органов опеки).

На судебной стадии: закрепление в законе презумпции необходимости проведения судебно-психологической экспертизы по данной категории дел.

На стадии исполнения: добавление сервиса на «Госуслуги» по установлению порядка общения с ребенком (с участием органов опеки и ФССП), расширение перечня эффективных мер воздействия на родителя, препятствующего общению, обязательное участие детского психолога, создание методических рекомендаций, специализированных отделов.

Только комплексный, научно обоснованный подход, ставящий во главу угла подлинные интересы ребенка и обеспечивающий реальные, а не формальные гарантии прав обоих родителей, позволит смягчить остроту рассматриваемых споров и обеспечить реальное исполнение судебных решений.

Н. В. Григорьева,

магистрант ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,

Т. Н. Дорошенко,

канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО

«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,

г. Великий Новгород

Правовые механизмы защиты персональных данных детей в социальных сетях: проблемы и пути их решения

В эпоху стремительного информационного прогресса личные данные граждан, несмотря на различные правовые механизмы защиты, переходят в более открытый и доступный формат для всеобщего обозрения. Многообразные сайты, социальные сети все чаще становятся местом виртуального времяпрепровождения. Популяризируемые платформы формируют обширные базы данных в форме электронных досье, содержащих исчерпывающие сведения о каждом зарегистрированном пользователе.

Если совершеннолетние пользователи, задумываясь о потенциальных рисках, стараются проявлять осторожность и избирательность в распространении собственных данных, то несовершеннолетние напротив, более склонны к демонстрации беспечного отношения к своей личной информации. Дети зачастую проявляют наивность и доверчиво публикуют личную информацию в открытом доступе, не задумываясь о возможных последствиях ее распространения.

Считаем, что использование интернет-ресурсов несовершеннолетними в большей степени сопряжено с риском несанкционированного доступа к их персональным данным. Отечественное законодательство обеспечивает базовые гарантии защиты данных, однако существующие правовые механизмы имеют недочеты в плане эффективности. Данная работа направлена на выявление текущих недостатков правового регулирования и предложение мер по повышению степени защиты данных детей при использовании ими социальных медиа-платформ.

Подчеркнем, что за период с января по август 2025 года количество утечек персональных данных россиян составило почти 13 млрд записей. Директор департамента развития Центра мониторинга

внешних цифровых угроз Solar Aura Александр Вураско отметил, что такой показатель превышает зафиксированный итог позапрошлого года, составивший примерно 3,5 млрд случаев раскрытия персональных данных, почти в четыре раза. Несмотря на то, что общее количество публичных инцидентов снизилось с 310 в 2024 году до 281 в 2025 году, масштабы утечек многократно увеличились⁶².

Если раньше атакам подвергались в основном крупные структуры, привлекательные для злоумышленников в способности быстро конвертироваться и монетизироваться, то теперь правонарушители используют данные любых организаций, включая даже детские сады и школы.

Отметим, что с цифровым прогрессом развивается и сфера информационного мошенничества: возрастает сложность, изощренность и количество фишинговых атак. В прошлом году число выявленных фишинговых сайтов превысило прошлогодний показатель вдвое.

Анализ представленных статистических данных наглядно демонстрирует катастрофическое положение дел в области защиты персональных данных. Особенно тревожным считаем тот факт, что теперь злоумышленники нацелены на больший охват персональных данных путем использования даже данных образовательных учреждений, что увеличивает вероятность попадания информации о детях в руки третьих лиц.

Появление различных образовательных цифровых платформ, сайтов государственных и муниципальных услуг, онлайн-магазинов и иных сервисов, использующих персональные данные минимум для регистрации и идентификации пользователя, порождают ситуацию, когда все сферы жизнедеятельности человека, переходя в цифровой формат и становясь элементом цифрового мира, подвергаются риску противоправных посягательств со стороны злоумышленников.

Таким образом, в современном мире гражданам все труднее становится сохранять персональные данные. Считаем, что ограничить хранение и обработку личной информации, а главное – предотвратить её использование злоумышленниками крайне важно. Именно поэтому каждому человеку необходимо разбираться в юридических аспектах, регулирующих защиту персональных данных.

Основным правовым актом, регулирующим обращение с персональными данными в Российской Федерации, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ⁶³. В соответствии с пунктом 1 статьи 3 указанного документа, персональными данными обозначается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу, то есть субъекту персональных данных. Согласно ст. 9 указанного Закона обработка данных возможна лишь при наличии предварительного согласия субъекта данных либо его законного представителя. Причем такое согласие должно обладать такими признаками как: конкретность, предметность, информативность, однозначность и осознанность.

Подчеркнем, что в соответствии с абзацем 2 части 1 статьи 64 Семейного кодекса Российской Федерации⁶⁴ родители являются законными представителями своих детей. Таким образом, именно родители дают согласие на обработку и использование персональных данных своих несовершеннолетних детей.

Однако закрепленное требование о необходимости получения согласия на обработку персональных данных сталкивается с определёнными трудностями в практике функционирования социальных сетей. Эти проблемы обусловлены особенностями цифрового пространства, спецификой возрастных ограничений и несовершенством законодательной конструкции.

Во-первых, многие социальные сети предлагают механизм регистрации и авторизации через упрощённые процедуры, фактически исключая проверку возраста и установление факта наличия согласия родителей. Без соответствующих технологических решений многие сервисы вынуждены полагаться на декларативные утверждения пользователей о своем возрасте, что открывает простор для злоупотреблений.

Кроме того, иногда встречаются ситуации, когда операторы социальных сетей запрашивают согласие законного представителя, но процедура носит сугубо формальный характер. Через систему автоматизированных запросов родители подтверждают разрешение на обработку данных своего ребенка, однако нередко такое действие осуществляется без реального участия взрослого.

Во-вторых, деятельность социальных сетей сопровождается массовой обработкой больших объемов персональных данных, включая фотографии, местоположение, контактные данные и иную

⁶² Объем слитых данных россиян вырос вчетверо, до 13 млрд строк [Электронный ресурс] // РБК. 23.09.2025. URL: <https://clck.ru/3RweVv> (дата обращения.10.12.2025).

⁶³ О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения.10.12.2025).

⁶⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения.10.12.2025).

личную информацию. Получение индивидуального согласия от всех пользователей на каждый случай обработки оказывается невозможным и крайне сложным, поэтому операторы предпочитают устанавливать общие условия обработки, навязывая пользователям свое соглашение.

В-третьих, некоторые социальные сети в качестве молчаливого согласия на обработку персональных данных, приравненному к пользовательскому соглашению, подразумевают факт регистрации и аутентификации при входе в аккаунт пользователя. Считаем, что такой подход противоречит духу статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ, а именно в области необходимости свободного и осознанного волеизъявления субъекта данных при согласии на обработку личной информации.

Также отметим недостаточный уровень осведомлённости пользователей о правах и обязанностях в отношении персональных данных. Большинство несовершеннолетних не имеют достаточной компетенции в понимании риска передачи данных третьими лицами и принципов анонимности. Кроме того, длинные и требующие времени для понимания пользовательские соглашения не всегда прочитываются детьми. К сожалению, часто несовершеннолетние пользователи пролистывают соглашения об обработке персональных данных, не разобравшись детально в том, в каком объеме и какие права в отношении их личной информации они передают третьим лицам.

Чтобы устранить перечисленные трудности, считаем необходимо реализовать последовательные шаги по модернизации законодательства и усилению технических возможностей:

- внедрить систему автоматической возрастной верификации пользователей при входе в социальную сеть, возможно привлечение интеллектуальных алгоритмов распознавания возраста пользователей;
- утвердить единый регламент, устанавливающий обязательные критерии верификации совершеннолетия и предоставление доказательств согласия родителей пользователями социальных сетей;
- создать специализированные структуры, осуществляющие постоянный мониторинг и проверку качества соглашений о конфиденциальности, особенно в отношении несовершеннолетних;
- принять отдельную норму, предусматривающую ответственность владельцев социальных сетей за недостаточную проверку подлинности предоставляемых сведений о возрасте и отсутствии родительского согласия.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в действующем механизме защиты персональных данных несовершеннолетних в социальных сетях имеются недостатки. Для преодоления выявленных проблем необходимо реализация комплексного подхода, учитывающего технологические, правовые и воспитательные аспекты. Усилия государства, разработчиков социальных сетей и самих родителей должны быть направлены на достижение высокого уровня безопасности данных детей, что обеспечит надёжную защиту их прав и свобод в цифровой среде.

М. А. Данчинова,

*аспирант Института права, социального управления и безопасности
ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный Университет»,
г. Ижевск*

Незаконное завладение жилыми помещениями, предоставляемыми детям-сиротам: уголовно-правовой анализ

Обеспечение жилым помещением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является одним из ключевых приоритетов конституционных обязанностей социального государства. Право на жилище закреплено в ст. 40 Конституции РФ⁶⁵ и конкретизировано в нормах отраслевого законодательства, в том числе в Жилищном кодексе Российской Федерации⁶⁶, Семейном кодексе Российской Федерации⁶⁷ и Федеральном законе № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Предоставление жилых помещений указанной категории граждан носит императивный характер и осуществляется за счёт средств бюджета субъектов Российской Федерации. Жильё включается в специализированный жилищный фонд и предоставляется по договору найма специализированного

⁶⁵ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

⁶⁶ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1), ст. 14.

⁶⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

жилого помещения сроком на 5 лет с последующим переходом к договору социального найма⁶⁸. Таким образом, государство реализует особую модель правовой защиты, направленную на компенсацию неблагоприятных жизненных обстоятельств, связанных с утратой родительского попечения.

Социальная значимость рассматриваемых правоотношений предопределяет повышенные требования к их правовой охране. Однако в последние годы выявляется устойчивая негативная тенденция, связанная с незаконным завладением жилыми помещениями, предназначенными для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данные деяния проявляются в различных формах – от мошеннических действий до злоупотребления своими полномочиями должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления. В результате нарушается установленный законом порядок распределения жилья, и что особенно важно, ущемляются жилищные права социально уязвимой категории граждан.

Незаконное завладение жильём, предназначенным для детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, посягает одновременно на отношения собственности, деятельность публичной власти и гарантированные социальные права граждан.

В то же время, сложность создаёт тот факт, что механизмы формирования и распределения специализированного жилищного фонда связаны с бюджетным финансированием, проведением государственных закупок, заключением контрактов на строительство и приобретение жилья. Это расширяет сферу возможных нелегальных деяний и формирует условия для коррупционных схем.

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько распространенных преступлений:

1. Мошеннические действия при закупке жилья.

Чаще всего при формировании аукционной документации в целях искусственного увеличения рыночных предложений и завышения начальной цены контракта используют как реальные, так и фиктивные объявления риелторов о продаже жилья и содержащие недостоверные сведения с заведомо завышенной и не соответствующей рыночной стоимости ценой.

Приговором Кировского районного суда города Астрахани от 06.05.2024 № 1-73/2024, установлено, что ФИО1 участвовал в электронных аукционах по закупке квартир для детей-сирот и подыскал три жилых помещения, имеющих низкую рыночную стоимость, не соответствующих по техническим требованиям описаниям объектов закупки и условиям государственных контрактов, предусматривающим отсутствие зарегистрированных на регистрационном учете лиц, самовольных незаконных перепланировок. ФИО1 подал три заявки, содержавшие недостоверные сведения о соответствии поставляемых жилых помещений по техническим требованиям описаниям объектов закупки и условиям государственных контрактов, по результатам которых, действуя по доверенности за собственников жилых помещений, заключил с Агентством по управлению государственным имуществом три государственных контракта на приобретение жилых помещений на вторичном рынке жилья для обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа на сумму 1 412 945,49 руб. каждый, после чего, зная, что поставляемые помещения не соответствуют по техническим требованиям описаниям объектов закупки – указанные объекты были ограничены в гражданском обороте, подписал акты приема-передачи жилых помещений, согласно которым жилье помещения переданы соответствующего качества, получил от Агентства, денежные средства, которыми ФИО1 распорядился по своему усмотрению, чем причинил Агентству ущерб в особо крупном размере. Суд приходит к выводу, что ФИО1 совершил хищение путем обмана и злоупотребления доверием потерпевшего, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ)⁶⁹.

2. Еще одним преступным действием является мошенничество с использованием жилищных сертификатов.

Чаще всего преступные действия с использованием жилищных сертификатов совершают лица, отнесенные к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Нередко их участниками становятся должностные лица.

Так, приговором Александровского городского суда Пермского края от 18.02.2025 по делу № 1-10/2025 М. Р. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, при следующих обстоятельствах: М. Р., относящаяся к категории детей-сирот и имеющая право на жилищный сертификат для приобретения жилья, вступила в сговор с должностным лицом (Лицо 1) – начальником Территориального управления Министерства социального развития Пермского края по Александровскому муниципальному округу и городскому округу «город Кизел» и риелтором с целью

⁶⁸ Статья 8 Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 1996. № 52, ст. 5880.

⁶⁹ Приговор Кировского районного суда города Астрахани от 06.05.2024 № 1-73/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOUG&n=8793904&rnd=FYU11g#Ac569CVk3vjKocmE1>

хищения бюджетных средств. Реализуя преступный умысел, соучастники договорились с продавцом квартиры о завышении её стоимости в договоре купли-продажи с 915 000 до 1 248 225 рублей. После перечисления полной суммы продавцу, последняя должна была вернуть разницу в размере 333 225 рублей М. Р. через посредников. Таким образом, путем обмана и предоставления подложных документов из бюджета Пермского края были похищены денежные средства в крупном размере⁷⁰.

3. Передача жилья, не соответствующего санитарным и техническим требованиям.

Если в первых двух случаях правоприменители не расходятся во мнении при вынесении приговоров, то при рассмотрении дел по передаче жилья, не соответствующего санитарным и техническим нормам, правовая оценка зависит от субъективной стороны и фактических обстоятельств дела.

Так, суды квалифицируют деяния по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) и 293 УК РФ (халатность).

Приговором Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 03.07.2025 № 1-105/2025 К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 293 УК РФ, при следующих обстоятельствах: К, исполняя обязанности директора КУ РА «Управление имуществом казны Республики Алтай», зная о существенных недостатках приобретаемых жилых помещений (квартир) для детей-сирот, не обеспечил контроль их качества и соблюдение требований законодательства о контрактной системе, в том числе положений Федерального закон № 44-ФЗ. В результате ненадлежащего исполнения должностных обязанностей были приобретены 12 жилых помещений, непригодных для проживания, с последующей передачей данных жилых помещений в собственность Республики Алтай, что повлекло незаконное расходование средств регионального бюджета. Вышеуказанные незаконные действия К. повлекли за собой существенное нарушение прав и законных интересов детей-сирот, нуждающихся в социальной поддержке, повлекло неэффективное расходование бюджетных средств, выделенных на приобретение жилых помещений для формирования специализированного жилищного фонда для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа, как следствие причинение материального ущерба бюджету Республики Алтай⁷¹.

Иная квалификация по аналогичному делу приведена в приговоре Комаричского районного суда Брянской области от 25.02.2025 по делу № 1-6/2025, согласно которому М. Л. В. являясь заместителем главы администрации Комаричского муниципального района Брянской области по социальным вопросам, совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 286 УК РФ, а именно: достоверно зная, что приобретаемые жилые помещения должны соответствовать требованиям технического задания, подписала акты приема качества товара стоимостью – 946 803 руб. каждая, состояние которых заведено для М. Л. В., частично не соответствовало техническим заданиям, что привело к приобретению администрацией Комаричского района Брянской области 10 квартир не соответствующих техническому заданию на общую сумму 9 015 039, 83 руб.⁷².

Приговором Плесецкого районного суда Архангельской области от 28.05.2024 по делу № 1-21/2024, оставленным без изменения Апелляционным определением Архангельского областного суда от 12.09.2024 по делу № 22-2963/2024, установлено, что О. А., являлся главой органа местного самоуправления – главой муниципального образования «Плесецкое», а также председателем ликвидационной комиссии, был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных чч. 2, 3 ст. 285 и ч. 2 ст. 286 УК РФ, при следующих обстоятельствах: под председательством главы администрации МО «Плесецкое» О. А. был осмотрен объект капитального строительства и выявлены замечания. О. А., достоверно зная о том, что отсутствуют необходимые условия и основания для выдачи разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, выдал разрешение на ввод жилого дома в эксплуатацию. О. А. не отразил в акте осмотра построенного объекта капитального строительства вышеуказанные имеющиеся отклонения результата выполненных работ по строительству здания от требований проектной документации, требований нормативных и нормативно-правовых документов. Далее у ООО «ИнтерСтрой» (застройщик) в собственность МО «Плесецкое» главой МО «Плесецкое»

⁷⁰ Приговор Александровского городского суда Пермского края от 18.02.2025 по делу № 1-10/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOUR&n=8528853&cacheid=D2EC0C2005A9491A4E2337E23D10EFA0&mode=splus&rnd=4FZvqA#oOULPCVcwjvhrAh81>

⁷¹ Приговор Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 03.07.2025 № 1-105/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOSB&n=11009798&cacheid=D7EB14F662146E165FDA9F5391A4DDC4&mode=splus&rnd=4FZvqA#RetLPCVsTjeoAMvm>

⁷² Приговор Комаричского районного суда Брянской области от 25.02.2025 по делу № 1-6/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=54BFAD528CE78C771CF659EF86F7D7A1&mode=searchcard&base=AOKI&n=13148169&BASEnODE=IiIiMSwzMjkznSwzMjkznSIiLCiMiwyMTQsQVnPSiIiLCiMiwyMTksU09KiIIsIiLyLDIsQVJCiIi&bases=32935%2C32849%2C32839%2C32850%2C32840%2C32838%2C32848%2C32841%2C32837&rnd=4FZvqA#ejj4PCVEhxfvXBk>

О. А. приобретены квартиры ненадлежащего качества квартиры, которые были переданы детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей по договорам найма специализированного жилого помещения⁷³.

Отдельно можно выделить совокупность преступлений – служебный подлог (ст. 292 УК РФ) в сочетании с превышением полномочий либо получением взятки.

Апелляционным приговором Волгоградского областного суда от 20.06.2025 по делу № 22-2096/2025, установлено, что к И. В. А. – кадастровому инженеру, обратилась ранее ей знакомое лицо N, с предложением передавать на систематической основе денежное вознаграждение лично в качестве взятки, за совершение служебного подлога, то есть составления заведомо не соответствующих действительности технических паспортов жилых помещений, в которых необходимо занижать физический износ жилых домов. Данные технические паспорта были необходимы для увеличения шансов в победе на аукционах, проводимых комитетом строительства по закупке квартир для детей-сирот.

И. В. А., реализуя свой преступный умысел, направленный на получение должностным лицом лично взятки в виде денег за незаконные действия, в значительном размере, также реализуя преступный умысел, направленный на совершение служебного подлога, действуя из корыстных побуждений с целью личного обогащения, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения интересов государственной власти, нормальной работы возглавляемого ею отделения, и желая их наступления, из корыстной заинтересованности в виде незаконного систематического получения денежных средств от лица № в качестве взятки, получая от лица N необходимую информацию о месте расположения жилого помещения (квартиры), по которым необходимо составить технические паспорта для лица N, не оформляя официально услугу по изготовлению технического паспорта, которая согласно приказу директора Ф. АО «Ростехинвентаризация-Федеральное Б.» является платной, не проводя фактического осмотра квартир, не проводя соответствующих измерительных манипуляций квартиры, путем служебного подлога, вносила в технические паспорта на квартиры заведомо ложные сведения относительно физического износа многоквартирных жилых домов, то есть осуществляла заведомо незаконные действия в пользу взяткодателя. Инкриминированные ей преступления затрагивают интересы детей-сирот в части получения ими бесплатного жилья надлежащего качества⁷⁴.

Незаконное завладение жилыми помещениями, предназначенными для детей-сирот, представляет собой системную проблему, находящуюся на стыке уголовного, жилищного и бюджетного законодательства. Существующая правоприменительная практика демонстрирует необходимость совершенствования механизмов контроля за распределением и закупкой жилья, а также усиления уголовной ответственности для должностных лиц, чьи действия (или бездействие) приводят к ухудшению положения нуждающихся граждан или утрате социального жилья в целом.

Т. Л. Евдокимова,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Курского государственного университета,
г. Курск*

«Подводные камни» регистрации ребёнка в квартире

Нередко предметом судебных разбирательств становится вопрос прекращения регистрации жильцов в квартире. Когда речь идёт о выписке и выселении детей из занимаемых ими жилых помещений, такие процессы становятся сложными и многоэтапными юридическими разбирательствами. Действующее законодательство предусматривает ряд жёстких ограничений и запретов для предотвращения лишения детей жилья или ухудшения их жилищных условий. При рассмотрении таких дел суды делают приоритетом защиту интересов ребёнка.

⁷³ Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области от 28.05.2024 по делу № 1-21/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=54BFAD528CE78C771CF659EF86F7D7A1&mode=searchcard&base=AOSZ&n=6654350&BASEnODE=IiIiMSwzMjgzOSwzMjgzOSIiLCIiMiwyMTQsQVnPSiIiLCIiMiwyMTksU09KIiIsIiYLDIsQVJCIiIi&bases=32935%2C32849%2C32839%2C32850%2C32840%2C32838%2C32848%2C32841%2C32837&rnid=4FZvqA#zrM7PCVmd2vZpq8>

⁷⁴ Апелляционный приговор Волгоградского областного суда от 20.06.2025 по делу № 22-2096/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOUG&n=9359431&cacheid=1A5C0245E47739DE7387D198A53FD392&mode=splus&rnd=4FZvqA#J9TEPCVq464ZyOnO2>

В 2025 году Верховный суд вынес разъяснение по одному из таких дел, что позволило глубже понять нюансы жилищного законодательства и поставило под сомнение устоявшиеся, но ошибочные точки зрения нижестоящих судов.

В центре внимания Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ оказалось дело мужчины, получившего по договору социального найма от администрации г. Балашихи квартиру. Вместе с ним в квартиру заселились его жена и дочь. И, соответственно, несовершеннолетняя дочь была зарегистрирована по этому адресу. Через несколько лет брак распался, жена с девочкой уехали из квартиры. Затем из квартиры выехал и выписался сам отец. А вот мать отказалась давать согласие на выписку дочери из данной квартиры.

Отец был вынужден обратиться в городской суд г. Балашихи. В ходе рассмотрения дела отец утверждал, что бывшая жена не участвовала в содержании жилья и не оплачивала коммунальные услуги. Учитывая, что женщина выехала из квартиры навсегда, то мужчина был уверен, что в соответствии со ст. 83 Жилищного кодекса РФ она утратила право на квартиру. В качестве дополнительного аргумента приводился факт регистрации матери девочки в другой квартире.

Отец также настаивал на том, что девочка не является членом его семьи, так как он с дочерью не проживает вместе. Мать девочки, в свою очередь, возражала, заявляя, что дальнейшие планы дочери о проживании в квартире должны обсуждаться после того, как ей исполнится 18 лет. Судья городского суда, учитывая, что отец выехал из квартиры и расторг договор социального найма, а право ребенка на жилье зависит от прав нанимателя, девочку необходимо выписать.

Решения городского суда были поддержаны Московским областным и Первым кассационным судами⁷⁵.

Мать девочки обратилась в Верховный суд. Высшая инстанция, рассмотрев дело, заявила, что несовершеннолетние получают право на жилую площадь по соглашению родителей. Регистрация ребёнка в квартире, согласно позиции Верховного суда, даёт ему право пользования жильём, независимо от фактического проживания.

Верховный суд подчеркнул, что выезд отца из квартиры не прекращает право дочери на пользование ею. Тот факт, что ребёнок ещё не может самостоятельно реализовать свои жилищные права, не лишает его этих прав.

В итоге, Верховный суд отменил решения нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение⁷⁶. Интересно, что в процессе пересмотра дела отец отказался от своих исковых требований. Вероятно, это стало следствием разъяснений высшей судебной инстанции.

Проанализировав **разъяснения Верховного суда, можно сделать следующие выводы:**

– несовершеннолетние дети не обладают полной дееспособностью и не могут самостоятельно распоряжаться своими жилищными правами, поэтому до достижения ими 18 лет, их нельзя лишать права на жилье. Право детей на жилье является самостоятельным и не может быть поставлено в зависимость от прав родителей или других нанимателей;

– независимо от фактического проживания, ребёнок, как член семьи нанимателя по договору социального найма, приобретает право пользования жилым помещением;

– если не установлено наличие у ребёнка другого равноценного жилья, выезд ребёнка из квартиры, даже на длительный срок, не означает автоматическую утрату им права пользования этим жильём.

Таким образом, Верховный суд чётко обозначил позицию, согласно которой права несовершеннолетних на жилье являются приоритетными и не могут быть ущемлены из-за формальных обстоятельств или действий родителей.

Надо отметить, что это решение призвано предотвратить ситуации, когда дети из-за семейных конфликтов или недобросовестных действий взрослых, оказываются без крыши над головой. Выше рассмотренное дело стало ярким примером того, как важно при разрешении жилищных споров учитывать интересы ребенка. И, бесспорно, Верховный суд способен исправить судебные ошибки, восстанавливая справедливость.

Рассмотрим другое дело, когда факт регистрация несовершеннолетнего в квартире стал одним из оснований для признания сделки недействительной.

По мнению экспертов, Определение № 2616-О/2025⁷⁷, которое 14 октября 2025 года вынес Конституционный Суд Российской Федерации станет важным ориентиром для судебной практики

⁷⁵ ВС решил когда нельзя выселять ребенка из квартиры [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/240803/> (дата обращения: 13.01.2026).

⁷⁶ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 марта 2022 г. № 4-КГ22-3-К1 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404339086/> (дата обращения: 12.01.2026).

в сфере защиты прав несовершеннолетних при отчуждении жилья. Это решение КС РФ затрагивает вопросы прав членов семьи собственников жилого помещения, а также родительских прав и обязанностей по защите интересов детей, а также недействительности сделок.

В Конституционном Суде было рассмотрено дело по жалобе Наталии Одинаевой о незаконности признания сделки по купле-продаже жилья недействительной по основанию нарушения жилищных прав ребенка и отсутствия согласия бывшей жены продавца на данную сделку.

Было установлено, что женщина в 2021 году приобрела жилье у гражданина, в котором на момент продажи были зарегистрированы его бывшая супруга и их общий сын 2016 года рождения, которые не предпринимали мер по вселению в жилье на момент совершения сделки.

Первоначально суды первой и апелляционной инстанций встали на сторону Наталии Одинаевой и признали право пользования жилым помещением бывшей жены и сына продавца прекращённым. Они это мотивировали тем, что ответчики долгое время не проживали в спорной квартире, а также отсутствием доказательств их бессрочного права пользования жильем. Другим важным моментом стало то, что суды посчитали, что продажа жилья была согласована с бывшей супругой, так как был документ, обязывающий мужчину передать бывшей супруге часть вырученных средств.

Однако, в ноябре 2023 года апелляционный суд, рассмотрев иск и. о. прокурора Череповца, действующего в защиту интересов несовершеннолетнего, изменил решение. Апелляция признала договор купли-продажи квартиры недействительным. применила последствия недействительности сделки и сохранила право пользования жильём до совершеннолетия ребёнка.

В данном определении КС РФ сделал верный вывод о том, что истцом (Наталией Одинаевой) при заключении сделки купли-продажи жилья не был применён принцип должной осмотрительности. Важно, что этот вывод является ключевым, поскольку он указывает на ответственность покупателя за проверку юридической чистоты приобретаемого объекта недвижимости.

Несмотря на то, что покупатель действовал без злого умысла, недостаточная осмотрительность может привести к негативным последствиям.

В заключение следует подчеркнуть, что несовершеннолетние, будучи одной из наиболее уязвимых групп населения, одновременно пользуются одной из самых высоких степеней защиты. Российское законодательство уделяет особое внимание соблюдению их прав и интересов, включая вопросы, связанные с жильём. Ответственность за охрану этих прав лежит не только на родителях (или опекунах), но и на специализированных службах опеки и попечительства, которые занимаются всесторонней поддержкой и защитой детей.

О. В. Ельчанинова,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного морского технического университета,
г. Санкт-Петербург*

Участие несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, в семейных правоотношениях

Вопросы участия несовершеннолетних в семейных правоотношениях достаточно широко освещены в юридической литературе. Однако, несмотря на обширный круг работ, посвященных семейным отношениям, многие вопросы, а также проблемы остаются малоисследованными и требуют дальнейших разработок. К их числу относится вопрос об особенностях правового регулирования семейных отношений с участием несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы.

Современная пенитенциарная доктрина все больше ориентируется на цели исправления и ресоциализации осужденных, среди которых ключевое место занимает сохранение и поддержание социально-полезных связей, прежде всего семейных. Для несовершеннолетнего, чья личность находится в стадии активного формирования, семья остается критически важным институтом, даже в условиях изоляции. Однако правовое регулирование семейных отношений этой категории осужденных носит преимущественно декларативный характер, что приводит к их фактическому разрыву, усугубляя и без того сложный процесс исправления и увеличивая риски рецидива.

⁷⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 2616-О/2025 [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDDecision866710.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).

С юридической точки зрения, осуждение несовершеннолетнего к лишению свободы не влечет автоматического прекращения его семейных правоотношений. За ним сохраняется весь комплекс личных неимущественных и имущественных прав, вытекающих из факта родства. Он продолжает быть сыном (дочерью), братом (сестрой), а в некоторых случаях – отцом (матерью).

Однако реализация этих прав подвергается существенным ограничениям в связи со специальным правовым статусом осужденного и режимом отбывания наказания (ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ)). Эти ограничения носят объективно необходимый характер. Например, право на совместное проживание с родителями, являющееся основой семейного воспитания, полностью блокируется. Право на общение с членами семьи также регламентируется нормами УИК РФ и внутреннего распорядка исправительных учреждений (ст. 89, 91 УИК РФ). Таким образом, возникает правовой дуализм: формально права сохраняются, фактически – не могут быть реализованы в полном объеме. Это создает почву для правовых конфликтов и требует создание механизма для их разрешения.

Основу правового регулирования участия несовершеннолетних осужденных в семейных правоотношениях составляют нормы Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), закрепляющие личные неимущественные и имущественные права ребенка (ст. 54–60 СК РФ), а также права и обязанности родителей (ст. 61–79 СК РФ). Уголовно-исполнительное законодательство (ст. 89, 91 УИК РФ) определяет порядок реализации этих прав в условиях изоляции.

Право на общение с родителями и иными родственниками является основным инструментом поддержания семейных связей. УИК РФ предусматривает для несовершеннолетних осужденных увеличенное, по сравнению со взрослыми, количество свиданий. Эффективная ресоциализация несовершеннолетних осужденных требует применения особых мер исправительного и постпенитенциарного воздействия. При этом ключевым фактором успеха является отбывание наказания в регионе их прежнего проживания, что способствует поддержанию социальных связей. Вопреки этому, действующее законодательство устанавливает для данной категории лиц исключительный порядок. Если по общему правилу (ч. 1 ст. 73 УИК РФ) осужденные отбывают лишение свободы в субъекте РФ по месту жительства или осуждения, то несовершеннолетние, согласно ч. 3 той же статьи, направляются в имеющиеся воспитательные колонии без учета данного принципа. Подобная дифференциация может рассматриваться как нарушение принципа равенства осужденных перед законом. Фактически, при определении места отбывания наказания несовершеннолетними не принимаются во внимание ни их досудебное место жительства, ни критически важный для реинтеграции критерий возможности поддержания семейных и иных социально полезных контактов⁷⁸.

В связи с географической удаленностью воспитательных колоний регулярные посещения становятся финансово и физически затруднительным для семей (по состоянию на 2025 год в России действует всего 11 воспитательных колоний)⁷⁹. Следует согласиться с И. Н. Коробовой, предлагающей в рамках проводимой реформы уголовно-исполнительной системы принять нормативно-правовой акт, который создаст правовую основу для подготовки к перепрофилированию посредством создания изолированных участков, функционирующих как воспитательные колонии, преимущественно в тех исправительных учреждениях, в регионах нахождения которых отсутствуют воспитательные колонии⁸⁰.

В этой связи интересен опыт скандинавских стран (в частности, Норвегии и Швеции) в области пенитенциарной системы как один из самых гуманных и ориентированных на ресоциализацию. Их подход к проблеме сохранения семейных и социальных связей несовершеннолетних (и взрослых) осужденных кардинально отличается от российской модели. Наказание заключается только в лишении свободы передвижения. Все остальные права и условия жизни максимально приближены к жизни на свободе, чтобы человек не терял социальных навыков и связей. Это напрямую касается семейных отношений. В указанных государствах исправительные учреждения, как правило, небольшие и расположены по всей стране, часто недалеко от городских центров. Целью является размещение осужденных как можно ближе к их домам, семьям и социальному окружению⁸¹.

⁷⁸ Коробова И. Н. О возможности отбывания несовершеннолетними осужденными к лишению свободы наказания в учреждениях объединенного типа // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1-4), № 2. С. 204.

⁷⁹ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 года № 420 : постановление Правительства РФ от 20 августа 2025 г. № 1240 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202508220022.pdf>

⁸⁰ Коробова И. Н. Указ. соч. С. 206.

⁸¹ Бобешко А. В., Денисов А. Д. Механизм ресоциализации осужденных в зарубежных странах // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 256–258. С. 257.

Актуальной остается проблема «сирот при живых родителях»: часто несовершеннолетние осужденные формально имеют родителей, но те ими не интересуются. Семейный кодекс не регламентирует, как в этом случае должно обеспечиваться право ребенка на семейное окружение внутри ИУ.

Несовершеннолетний осужденный сохраняет право на наследование имущества умерших родственников, может являться собственником имущества, полученного по наследству или в дар. Управление этим имуществом до его совершеннолетия осуществляют законные представители (родители, опекуны) или органы опеки. Практической проблемой является обеспечение осужденному возможности осуществлять сделки (с согласия попечителя) или заявлять о своих наследственных правах в установленные законом сроки, что требует оперативной и квалифицированной юридической помощи. Следует констатировать, что процедуры и ответственные за защиту имущественных прав несовершеннолетних осужденных не нашли закрепление в специальных нормативных актах. В работе администрации ИУ приоритет отдается режимным и воспитательным вопросам, а имущественные права часто остаются на периферии внимания. У сотрудников может не хватать юридических знаний для оказания качественной помощи. Слабо налажено взаимодействие между администрацией ИУ, органами опеки и попечительства, нотариатом.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующее правовое регулирование семейных отношений несовершеннолетних осужденных направлено скорее на констатацию ограничений, чем на создание действенных механизмов поддержания семейных связей как ключевого фактора исправления.

Для изменения данной ситуации представляется необходимым:

1. Закрепить в УИК РФ принцип приоритета сохранения социально-полезных связей несовершеннолетнего осужденного с семьей как одну из целей исполнения наказания. Одним из решений может стать широкое и поощряемое использование телефонов, электронной почты, видеозвонков не как привилегия, а как стандартный инструмент поддержания связей.

2. Разработать и внедрить в воспитательных колониях индивидуальные программы поддержания семейных связей, включающие не только регламентацию свиданий, но и психологическую подготовку к ним, семейное консультирование, содействие в организации видеосвязи. Важной представляется работа психологов и социальных работников не только с осужденным, но и с его семьей: проведение совместных сессий для решения конфликтов, подготовка к воссоединению, преодоление травмы, вызванной осуждением.

3. Закрепить в Семейном кодексе РФ особенности защиты прав детей, находящихся в местах лишения свободы. Это обусловлено тем, что правовой статус несовершеннолетнего осужденного характеризуется внутренним конфликтом: с одной стороны, он остается ребенком, обладающим всем комплексом прав, гарантированных Конвенцией о правах ребенка и Семейным кодексом РФ, включая право на заботу со стороны родителей. С другой стороны, он является лицом, подвергнутым уголовному наказанию со всеми вытекающими правоограничениями.

4. Разработать и внедрить модели «семейного наставничества/шефства» для воспитанников, чьи семьи утратили связь с ними. Это требует внесения изменений как в СК РФ, так и в УИК РФ.

5. Реализация имущественных и наследственных прав несовершеннолетних осужденных упирается в пробелы в межведомственном взаимодействии и отсутствие системы защиты, способной компенсировать их особую уязвимость, связанную с изоляцией и ограниченной дееспособностью.

Реализация этих мер позволит не только обеспечить соблюдение международных стандартов и национального законодательства, но и внести существенный вклад в гуманизацию уголовно-исполнительной системы и успешную ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей. Защита прав и интересов несовершеннолетних осужденных к лишению свободы требует целостного подхода, интегрирующего нормы уголовно-исполнительного и семейного права. Семейно-правовой аспект должен быть не дополнительным, а одним из системообразующих в процессе исполнения наказания. Сохранение и укрепление семейных связей является не привилегией, а правом ребенка и важнейшим инструментом профилактики рецидива.

Л. А. Ившина,

магистрант Института права,

социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: Е. А. Ходырева, д-р юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

Семейная медиация как инструмент обеспечения принципа приоритета прав ребенка в семейных спорах

В соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ: «материнство, детство, семья находятся под защитой государства»⁸², но избежать семейных споров не всегда удается. Чаще всего споры возникают в процессе развода. Согласно статистике с 2020 по 2024 гг. наблюдается увеличение количества разводов в Российской Федерации на 21 % (с 564 033 до 686 638)⁸³. Конфликты, возникшие при расторжении брака, являются наиболее сложными, особенно они достигают особой остроты при наличии детей, не достигших совершеннолетнего возраста. Традиционный способ разрешения конфликта – через суд, чаще всего усугубляет ситуацию. Супругам необходимо прийти к согласию по ряду ключевых вопросов: с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети, порядок выплаты средств на содержание детей и (или) нетрудоспособного нуждающегося супруга, размер этих средств. Не все могут сразу договориться по этим вопросам, ввиду чего судебное разбирательство затягивается на длительное время, а родительский конфликт неизбежно усугубляется, что, в свою очередь, нередко негативно сказывается на психологическом состоянии ребенка.

Не менее сложными оказываются споры, связанные с вопросами воспитания детей. В свете этой проблемы медиация, как альтернативный способ разрешения семейных конфликтов, становится более актуальной. В соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»: «медиативная процедура является «способом урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»⁸⁴ (далее – Закон о медиации). Главная задача медиатора в семейных конфликтах – помочь супругам договориться наиболее благоприятным способом не только для себя, но и для ребенка. В контексте семейных споров медиация не только способ разрешения конфликта, но и ориентированный на реализацию принципа приоритета прав ребенка, механизм защиты самого уязвимого участника семейных отношений – ребенка. Именно медиация должна стать наиболее эффективным инструментом реализации принципа приоритета прав ребенка по сравнению с судебным разбирательством.

Согласно ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. В ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определены цели государственной политики в интересах детей, к которым относятся: осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией РФ, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях нарушений; формирование правовых основ гарантий прав ребенка; содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей; защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие⁸⁵.

Согласно принципу приоритета прав ребенка, при решении вопроса, который касается несовершеннолетнего, включая родительские права и обязанность, необходимо в первую очередь исходить из его интересов. На практике реализация этого принципа обеспечивается обязательным участием в судебном процессе по вопросам воспитания органа опеки и попечительства.

⁸² Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁸³ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 13.12.2025).

⁸⁴ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁵ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Законодательное закрепление принципа приоритета прав ребёнка содержится в Конвенции ООН о правах ребенка. Согласно ст. 3 Конвенции государства обязаны обеспечивать детям такую защиту и заботу, которые необходимы для их благополучия. Дети имеют право на особую защиту и помощь, а ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения⁸⁶. То же закреплено и в Конституции РФ: «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». Помимо этого, принцип приоритета прав ребенка закреплен в статьях Семейного кодекса РФ⁸⁷ – ч. 2 ст. 54, ст. 57, 56, 58, 59 СК РФ.

В распоряжении Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» содержится прямое указание на то, что основой для предотвращения социальных проблем служит психологически благополучная семейная обстановка для воспитания детей. Именно этот документ стал фундаментом для усиления мер государственной поддержки семьи⁸⁸. Данный документ явился отправной точкой для укрепления государственной поддержки семьи. Однако существующий судебный механизм разрешения споров между родителями зачастую противоречит этой цели. Судебный процесс, по своей природе публичный и состязательный, вынуждает родителей занимать позиции обвинения и защиты, углубляя пропасть между ними. Ребёнок при этом неизбежно становится объектом разбирательства, а его психика подвергается серьёзной нагрузке. По мнению Н. Ю. Синягиной, последствия такого стресса могут быть необратимыми и способствовать девиантному поведению в будущем⁸⁹.

Распад семьи почти неизбежно сопровождается негативными эмоциями. Супруги, сосредоточившись на взаимных обидах и стремлении причинить боль, часто концентрируются исключительно на отстаивании личных интересов при разделе имущества и определении судьбы детей. При этом переживания самих детей и последствия развода для их психики могут отходить на второй план. В такой ситуации медиация становится инструментом, который позволяет супругам перейти от конфронтации к диалогу. С помощью нейтрального посредника стороны могут отстраниться от взаимной неприязни, услышать друг друга, сгладить противоречия и совместно выработать решения, которые приведут к компромиссу. Защита прав и законных интересов детей – ключевое условие применения процедуры медиации. Обеспечение указанной защиты производится посредством вовлечения в медиативный процесс ребенка. Основная задача семейной медиации – снизить уровень конфликта и эмоционального напряжения между сторонами. С помощью посредника участники процесса приходят к компромиссу и формируют чёткий план действий, направленный на восстановление стабильной и безопасной обстановки в семье. Стабильность – ключевым условием для психологического благополучия ребёнка. При этом медиация обеспечивает защиту интересов несовершеннолетних, так как важным элементом процедуры является учёт их мнения и предпочтений при принятии решений. Такой подход не только позволяет детям почувствовать свою вовлечённость в урегулирование семейного кризиса, но и укрепляет их доверие к родителям и собственную уверенность. Это становится возможным, прежде всего, за счет соблюдения принципов и правил проведения медитативного процесса и компетенции медиатора. Согласно ст. 3 Закона о медиации процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов **добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора**».

Медиация в спорах, которые связаны с детьми, имеет специфику: при проведении процедуры медиации медиатор должен знать основы психологии и обладать морально – нравственными качествами, у него должны быть специальные знания и жизненный опыт. Это связано с тем, что затрагиваются личные интересы и межличностные отношения сторон и, что наиболее важно, соблюдение прав и интересов детей.

Главная задача медиатора – направлять родителей, помогая им сосредоточиться на потребностях детей, поскольку одна из целей семейной медиации – защита интересов ребёнка.

⁸⁶ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁸ Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года : распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁹ Синягина Н. Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. М. : Владос, 2001. 93 с.

Целью процедуры медиации – помочь членам семьи наладить коммуникацию, что, свою очередь способствует минимизации конфликтов, особенно тех, которые могут негативно сказаться на детях⁹⁰. Медиатор создает такую обстановку, где супруги не боятся говорить и слышат друг друга, это помогает понять, что на самом деле нужно их ребенку. Медиатор выстраивает диалог так, чтобы голос ребенка тоже был услышан.

Можно выделить следующие преимущества применения медиации для ребенка при урегулировании семейных споров по сравнению с разрешением их в суде:

– урегулирование спора ведется в атмосфере доверия и уважения (медиатор создаёт безопасное, доброжелательное пространство без осуждения, где родители и дети могут открыто говорить о своих чувствах, потребностях и страхах);

– развитие у ребенка навыков, важных для формирования здоровых отношений в семье (участники в процессе медиации учатся слушать друг друга, выражать свои интересы и вести конструктивный диалог, что формирует основу для будущего взаимодействия);

– повышение самооценки (участие в процедуре даёт ребёнку понять, что его мнение значимо и учитывается при принятии решений, что укрепляет его самооценку и чувство собственной ценности);

– развитие ответственности (вовлечение в совместный поиск решений побуждает детей осознавать последствия своих действий и брать за них ответственность);

– снижение стресса (медиация помогает разрешать конфликты в менее враждебной обстановке, избегая дополнительного стресса и травматизации, которые часто сопровождают судебные процессы и усугубляют отчуждение между членами семьи);

– формирование социальных навыков (медиация способствует развитию эмпатии, навыков конструктивного общения и умения решать проблемы).

Семейный конфликт – сильнейший стресс для ребёнка, он может привести к утомляемости, состоянию постоянной тревоги, депрессии, суицидальным наклонностям и так далее. В таком случае медиатор может помочь ребенку сконцентрироваться на своих переживаниях, проанализировать их, предотвратив девиантное поведение в будущем.

Подводя итог, семейная медиация – это один из инструментов защиты прав и интересов детей. Поэтому важно развивать и популяризировать данный институт. В России существует ряд препятствий на пути развития медиации. В первую очередь это не информированность граждан о медиации как об альтернативном способе разрешения споров. Именно поэтому необходимо информировать общество о преимуществах и возможностях семейной медиации.

Б. М. Кличева,

*преподаватель кафедры гражданского и бизнес-права юридического факультета
Каракалпакского государственного университета им. Бердаха,
г. Нукус*

Момент прекращения брака в законодательстве Республики Узбекистан: правовые последствия и вопросы регулирования имущественных отношений

В юридической науке традиционно подчеркивается необходимость точного определения начала и окончания правоотношений, поскольку с этим напрямую связано возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей их участников, а также наступление правовых последствий⁹¹. Эффективность и результативность правового регулирования напрямую зависит от качества нормативно-правового материала, его ясности, определенности и непротиворечивости⁹².

Дополнительную сложность в правоприменительной практике создает отсутствие в семейном законодательстве Узбекистана четкого регулирования отношений между лицами, брак которых

⁹⁰ Медиация: история, современное состояние, проблемы и перспективы развития : монография / М. А. Панфилов, И. Н. Минеева, Н. В. Никишова [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2022. 131 с.

⁹¹ Русакова Е. П., Найсинь Х. Имущество супругов как объекты права собственности в КНР // Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации : монография / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2019. – С. 410–418.

⁹² Кожокар И. П., Фролова Е. Е. Нормотворчество: от юридической техники к правовой инженерии и инжинирингу [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 8. С. 9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=zitlfw> (дата обращения: 20.02.2026).

расторгнут (бывшими супругами). В ст. 5 СК РУз⁹³ предмет регулирования отношений между бывшими супругами законодателем прямо не выделен. В результате после прекращения брака возникает неопределенность в вопросе о том, нормы какого законодательства – семейного или гражданского – подлежат применению к имущественным отношениям между бывшими супругами.

При этом законодатель в ст. 23 СК РУз использует термин «*будущие супруги*», на которых распространяется режим общего имущества; данные нормы свидетельствуют о неопределенности границ начала и прекращения брачных отношений и связанных с ними имущественных прав и обязанностей. Однако детальный анализ правового статуса будущих супругов не входит в предмет настоящего исследования и требует самостоятельного рассмотрения.

В ст. 38 СК РУз закреплено, что «расторжение брака производится в судебном порядке, а в случаях, предусмотренных статьями 42 и 43 настоящего Кодекса, – в органах записи актов гражданского состояния»⁹⁴. То есть если супруги не имеют общих несовершеннолетних детей и имеется взаимное согласие на расторжение брака, брак можно расторгнуть в органах ЗАГС. Также по заявлению одного из супругов в органах ЗАГС можно расторгнуть брак в случае, когда другой супруг признан судом безвестно отсутствующим, недееспособным, а также осужден к лишению свободы на срок не менее трех лет, а в остальных же случаях брак расторгается в судебном порядке.

Проблема, однако, заключается в том, что, несмотря на предусмотренные семейным законодательством два способа расторжения брака – в судебном порядке и в органах ЗАГС, момент прекращения брака в любом случае определяется датой государственной регистрации расторжения брака. Это прямо указано в ст. 47 СК РУз: «брак прекращается со дня регистрации расторжения брака в органе регистрации актов гражданского состояния»⁹⁵.

Данной позиции придерживается и суд. В частности, в п. 32 постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О практике применения судами законодательства по делам о расторжении брака» от 20 июля 2011 г. № 06 разъясняется, что юридическое прекращение брака связано именно с регистрацией расторжения брака, а не с моментом вынесения судебного решения⁹⁶.

С нашей точки зрения, такая конструкция может повлечь существенные сложности в правоприменительной практике. В частности, в ситуации, когда брак фактически расторгнут в судебном порядке, но его расторжение не зарегистрировано в органах ЗАГС, супружеские отношения продолжают существовать. Это, в свою очередь, может обуславливать сохранение режима совместной собственности. Указанная правовая неопределенность может создавать препятствия при разрешении имущественных споров между бывшими супругами. Например, при распоряжении имуществом требуется согласие второго супруга. В отсутствие такого согласия второй супруг (бывший супруг) вправе признать сделку недействительной в судебном порядке.

Обратимся к судебной практике. Так, в рамках гражданского дела № 2-1406-2301/6592, рассмотренного 2 мая 2024 г. в Пайарыкском межрайонном суде по гражданским делам, по иску К. Р. Хайдаровой к С. Р. Хайдарову о расторжении брака суд удовлетворив иск, указал в своем решении следующее: «при выдаче свидетельства о расторжении брака органами ЗАГС с истца должна быть взыскана государственная пошлина в трехкратном размере базового расчетного показателя в пользу государства»⁹⁷.

Другой пример: согласно решению Юкоричирчикского межрайонного суда по гражданским делам от 7 октября 2024 г. № 2-1803-2301/7193, суд удовлетворил иск о расторжении брака между супругами и указал на обязанность истца уплатить государственную пошлину при выдаче органом ЗАГС свидетельства о расторжении брака⁹⁸.

В узбекской науке данной проблематике уделяется недостаточное внимание, и она не стала предметом самостоятельного исследования. Вместе с тем вопросы правовых последствий остаются недостаточно разработанными.

⁹³ Семейный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом от 30 апреля 1998 г. № 607-I, в действующей редакции. [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/104723> (дата обращения: 20.02.2026).

⁹⁴ Там же

⁹⁵ Семейный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом от 30 апреля 1998 г. № 607-I...

⁹⁶ О практике применения судами законодательства по делам о расторжении брака : постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20 июля 2011 г. № 06 [Электронный ресурс]. URL <https://lex.uz/docs/2414116> (дата обращения: 20.02.2026).

⁹⁷ Решение от 02.05.2024 по гражданскому делу № 2-1406-2301/6592 [Электронный ресурс] // Пайарыкский межрайонный суд по гражданским делам ; Судебный портал Республики Узбекистан. Текст на узб. яз. URL: https://public.sud.uz/report/CIVIL_OLD (дата обращения: 20.02.2026).

⁹⁸ Решение от 07.10.2024 по гражданскому делу № 2-1803-2301/7193 [Электронный ресурс] // Юкоричирчикский межрайонный суд по гражданским делам ; Судебный портал Республики Узбекистан. Текст на узб. яз. URL: https://public.sud.uz/report/CIVIL_OLD (дата обращения: 20.02.2026).

Обращая внимание частично на данную проблематику, Э. Х. Эгамбердиев пишет, что внесенные в 2010 г. изменения в ст. 47 СК РУз установили, что брак прекращается со дня регистрации в органе ЗАГС. Автор отмечает, что вступившее в силу решение суда является промежуточным юридическим фактом, тогда как правопрекращающим событием выступает регистрация расторжения брака в органах ЗАГС, что требует более четкого нормативного и разъяснительного закрепления⁹⁹.

У. Ш. Шарахметова указывает, что 14 сентября 2010 г. изменения в ст. 47 СК РУз закрепили единый подход к определению момента прекращения брака – с момента регистрации в органах ЗАГС¹⁰⁰.

Общий недостаток узбекской науки заключается в том, что вопросы правовых последствий ситуации, при которой судебное решение о расторжении брака вступило в законную силу, однако расторжение брака не было зарегистрировано в органах ЗАГС, практически не исследуется.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о целесообразности разграничения момента прекращения брака в зависимости от способа его расторжения: если брак расторгается в органах ЗАГС – моментом прекращения следует считать дату государственной регистрации расторжения; если же брак расторгается в судебном порядке – моментом прекращения необходимо считать дату вступления соответствующего судебного решения в силу. В этой связи предлагаем внести в ст. 47 СК РУз следующую формулировку: «брак, расторгаемый в органах записи актов гражданского состояния, прекращается со дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – со дня вступления решения суда в законную силу».

К. А. Краснова,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», г. Санкт-Петербург

Совершенствование уголовно-правовых мер защиты прав и законных интересов несовершеннолетних

Права и законные интересы несовершеннолетних нарушаются не только, когда в отношении них совершаются преступления, но и когда их вовлекают в преступную и антиобщественную деятельность¹⁰¹. Криминальный опыт, полученный в юном возрасте, негативно сказывается на всю последующую жизнь человека¹⁰² и имеет отсроченные последствия, такие как многочисленные правоограничения, обусловленные наличием у осужденного лица судимости. В контексте рассматриваемой острой проблемы отметим, что уголовно-правовые средства выступают в качестве одного из ключевых инструментов защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, поскольку задачей уголовного законодательства, провозглашенной в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), выступает предупреждение преступлений.

УК РФ предусмотрел в своей Особой части две статьи, которые установили уголовную ответственность совершеннолетнего лица за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений (ст. 150 УК РФ) либо антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ).

С 20.01.2026 вступили в силу изменения санкции нормы ч. 1 ст. 151 УК РФ (внесены Федеральным законом от 23.07.2025 № 218-ФЗ). Последняя была дополнена основным наказанием в виде принудительных работ на срок до 4-х лет. Тем самым расширился перечень альтернативно назначаемых основных наказаний (помимо этого включающий обязательные и исправительные работы, арест, лишение свободы).

Изменения уголовного закона в декабре 2024 г. оказались гораздо существеннее, и отразили смену вектора законодателя в сторону усиления уголовной репрессии в отношении лиц, виновных

⁹⁹ Бурханова Л. М., Шарахметова У. Ш., Эгамбердиев Э. Х. Наследственное и семейное право : учебник. Ташкент : Изд-во ТГЮУ, 2024. С. 374.

¹⁰⁰ Oila huquqi: darslik / mualliflar jamoasi; prof. O. I. Oqyulovning umumiy tahriri ostida. Toshkent : TDYU nashriyoti, 2017. 74 bet. (na uzb. yaz.)

¹⁰¹ Кобец П. Н., Краснова К. А. Генезис молодежного бандитизма в Соединенных Штатах Америки // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года. СПб. : Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2023. С. 251–256.

¹⁰² Смыслова В. Н., Краснова К. А. Деятельность неформальных молодежных движений экстремистской направленности как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2021. Т. 8, № 1. С. 64–72.

в вовлечении несовершеннолетних в противоправную активность. Так, были увеличены пределы наказания в виде лишения свободы в следующих санкциях норм, где оно является единственным видом основного наказания:

- ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ – установлен нижний предел от 3-х лет (ранее применялось общий минимальный срок от 2-х мес.);
- ч. 3 ст. 150 УК РФ – установлен нижний предел от 4-х лет, верхний предел до 9-ти лет (ранее от 2-х до 7-ми лет);
- ч. 3 ст. 151 УК РФ – установлен нижний предел от 4-х лет, верхний предел до 8-ми лет (ранее от 2-х до 6-ти лет);
- ч. 4 ст. 150 УК РФ – установлен верхний предел до 10-ти лет (ранее до 8-ми лет).

Как видим из проведенного анализа, значительно увеличились сроки лишения свободы за совершение рассматриваемых преступлений при наличии отягчающих обстоятельств.

Круг последних также был расширен в 2024 г. за счет признания таковыми:

- информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (средство совершения преступления в п. «б» ч. 2 ст. 150 и п. «б» ч. 2 ст. 151 УК РФ);
- совершение деяния в отношении 2-х или более несовершеннолетних (потерпевшие в п. «б» ч. 3 ст. 150 и п. «б» ч. 3 ст. 151 УК РФ);
- совершение деяния в отношении лица, не достигшего 14-тилетнего возраста (потерпевший в п. «в» ч. 3 ст. 150 и п. «в» ч. 3 ст. 151 УК РФ).

Последнее обстоятельство требует уточнения, поскольку формально лицо, не достигшее 14-тилетнего возраста не подлежит уголовной ответственности за преступление в силу недостижения возраста, установленного в чч. 1 и 2 ст. 20 УК РФ. Если обратиться к разъяснениям, данным высшей судебной инстанцией в абз. 4 п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» преступление, ответственность за которое предусмотрено ст. 150 УК РФ, признается оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления (либо его неоконченных стадий – приготовление, покушение). Далее поясняется, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения (абз. 5 п. 42). Такая ситуация именуется в теории уголовного права идеальной совокупностью преступлений.

Помимо вышеуказанных обстоятельств в качестве отягчающих и соответственно влекущих более строгое наказание в виде лишения свободы на определенные выше сроки признаются:

- вовлечение, осуществленное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (п. «а» ч. 2 ст. 150 и п. «а» ч. 2 ст. 151 УК РФ);
- применение насилия или угроза его применения (п. «а» ч. 3 ст. 150 и п. «а» ч. 3 ст. 151 УК РФ);
- вовлечение в преступную группу (п. «а» ч. 4 ст. 150 УК РФ);
- вовлечение в преступление по так называемым «экстремистским» мотивам (п. «г» ч. 4 ст. 150 УК РФ).

В российском законодательстве отягчающими обстоятельствами также признается вовлечение в совершение преступлений различных категорий – небольшой (ч. 2 ст. 15 УК РФ), средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ), тяжкого (ч. 4 ст. 15 УК РФ) и особо тяжкого (ч. 5 ст. 15 УК РФ) – без конкретизации вида преступления. При этом для привлечения к уголовной ответственности по п. «б» ч. 4 ст. 150 УК РФ за вовлечение в преступную деятельность достаточно совершения несовершеннолетним одного тяжкого или особо тяжкого преступления. А вот в случае вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений небольшой и (или) средней тяжести установлена кратность – совершение несовершеннолетним трех и более преступлений (п. «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ).

Интересен в этой связи подход законодателя Республики Беларусь (РБ), который предусмотрел в ч. 3 ст. 172 УК РБ, содержащейся в главе 21 («Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних») уголовную ответственность только за вовлечение в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, не устанавливая кратность совершенных несовершеннолетним лицом деяний, относящихся к категории небольшой или средней тяжести.

Отличие белорусского подхода к содержанию антиобщественного поведения, в которое вовлекают несовершеннолетнего, незначительно и состоит в том, что таковым также признается «систематическое немедицинское употребление сильнодействующих веществ», наряду с одурманивающими (ст. 173 УК РБ)¹⁰³.

¹⁰³ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 10.01.2025).

Если обратиться к опыту Республики Казахстан (РК), то в главе 2 Особенной части УК РК, именуемой «Уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних», помимо запретов на вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовных правонарушений (ст. 132 УК РК) и антиобщественных действий (ст. 133 УК РК), аналогичных российским, установлена самостоятельная уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией, оказание иных услуг сексуального характера (ст. 134 УК РК) и изготовление, распространение, рекламирование и продажу продукции эротического содержания (ст. 144 УК РК)¹⁰⁴. Следует оценить позитивно наличие подобных уголовно-правовых запретов, что свидетельствует о стремлении казахского законодателя к принятию максимально строгих правовых мер к защите нравственного развития несовершеннолетних.

В заключении резюмируем. Сравнив нормы российского уголовного закона с уголовно-правовыми нормами других стран постсоветского пространства, мы приходим к выводу о том, что меры уголовной репрессии выступают в качестве максимально строгих инструментов защиты несовершеннолетних от вовлечения в преступную либо иную противоправную деятельность. Однако несмотря на наличие в основном совпадающих уголовно-правовых запретов, различия в культурно-исторических и социальных контекстах обуславливают национальные особенности в определении строгости наказания в зависимости от тяжести совершаемого несовершеннолетним преступления (правонарушения), его возраста, применения к нему насилия и других обстоятельств.

И. О. Кропачев,

*аспирант Института права, социального управления и безопасности
ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный Университет»,
г. Ижевск*

Уголовная ответственность близких родственников за заведомо ложные показания по ст. 307 УК РФ

Одним из наиболее распространенных мотивов совершения преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ является стремление облегчить положение обвиняемого или помочь ему избежать уголовной ответственности. Часто лица, выступающие в судебном процессе в роли свидетелей или потерпевших, имеют с обвиняемым родственные или дружеские связи. Как международное, так и отечественное законодательство предусматривает право человека не свидетельствовать против себя и своих близких родственников. При этом, как вопрос о степени реализации этого права, так и сам круг близких родственников остаются предметом дискуссии в научном сообществе. В связи с этим, интересным представляется рассмотреть ответственность близких родственников как лиц, дающих заведомо ложные показания в различных ситуациях.

В уголовном судопроизводстве близкие родственники обвиняемого могут выступать в качестве свидетелей, потерпевших и законных представителей. Согласно УПК РФ, в случае если эксперт, специалист или переводчик являются близкими родственниками любого из участников производства, это служит основанием для их отвода.

Часть 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет, что «никто не может быть принужден давать показания против самого себя»¹⁰⁵. Статья 51 Конституции РФ расширяет этот принцип, добавляя, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»¹⁰⁶.

Статья 5 УПК РФ содержит определение свидетельского иммунитета, под которым понимается право лица не давать показания против себя и своих близких родственников. В этой же статье перечислены лица, включенные в понятие близкие родственники. К ним относятся: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушки, бабушки, внуки.

¹⁰⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2026) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&sub_id=1440000&pos=2616;-54#pos=2616;-54 (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁰⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г., резолюция 2200 (XXI)) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 1. С. 3–6.

¹⁰⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Статья 14 Семейного кодекса РФ уточняет, что «под родными понимаются как полнородные так и неполнородные (имеющие одного общего родителя) братья и сестры»¹⁰⁷.

Статья 5 УПК РФ также определяет понятия родственники и близкие лица. «К родственникам относятся все лица, состоящие в родстве, за исключением близких родственников. Под близкими лицами понимаются лица, состоящие в свойстве, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие дороги человеку в силу сложившихся личных отношений»¹⁰⁸.

Пункт 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ предоставляет потерпевшему право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. Статья 56 УПК РФ предоставляют аналогичные права свидетелю.

Нередки ситуации, когда ложные показания, в попытке избавить обвиняемого от уголовной ответственности, дают сожители.

Так, например, приговором Дульдургинского районного суда Забайкальского края от 20.09.2023 установлено, что «К. дала заведомо ложные показания потерпевшего в суде о том, что в указанный день, в процессе распития спиртных напитков, между ней и Ш. произошла ссора, в ходе которой она ударила его по спине металлической трубой. Ш. пытался забрать у нее трубу, и она сама ударила себя по голове. Ш. ей ударов не наносил, угроз убийством не высказывал. Синяки К. получила в результате драки с М. в другой день.

Однако, в ходе следствия было установлено, что в указанный день во время распития спиртных напитков, между К. и Ш. произошла ссора и Ш. нанес потерпевшей несколько ударов кулаком и металлической трубой в область головы и лица, а также высказывал угрозы убийством, которые К. восприняла реально.

Объясняя свои действия, К. заявила, что дала заведомо ложные показания потерпевшего в попытке помочь своему сожителю Ш. избежать уголовной ответственности»¹⁰⁹.

Представленный в ст. 5 УПК РФ перечень близких родственников не включает сожителей, проживающих в так называемом «гражданском браке», а также бывших супругов.

Вопрос о том, стоит ли расширять свидетельский иммунитет, включая в него указанных и других лиц, остается в науке дискуссионным.

«По мнению Л. М. Карнеевой и И. Кертэс, только при допросе близких родственников возникают нравственные проблемы, разрешению которых служит свидетельский иммунитет. Распространение свидетельского иммунитета на неоправданно широкий круг лиц (на бывших сожителей, их родственников и т. п.) не только осложняет установление истины по делу, но и неправильно по существу»¹¹⁰.

Сторонники расширения свидетельского иммунитета в свою очередь предлагают предоставить свидетелю право не свидетельствовать против близких лиц т. к. близкие лица иногда могут быть более дороги человеку, чем кровные родственники.

«В. В. Николук и В. В. Кальницкий полагают, что в тех ситуациях, когда следователь или судья убеждены, что отношения между людьми, длительное время проживающими в незарегистрированном браке, могут именоваться супружескими, они вправе разъяснить таким лицам положения ст. 51 Конституции. И. В. Смолькова, соглашаясь с представленным мнением, дополняет, что кроме близких родственников, свидетельский иммунитет следует распространить и на особо близких лиц, для которых дача свидетельских показаний может носить характер нравственной драмы (жених и невеста; лица, состоящие в фактических брачных отношениях; лица, ранее состоявшие в браке).

В. Г. Даев также полагает, что в силу сложившихся нравственно-бытовых отношений в свидетельский иммунитет необходимо включить родителей супруга»¹¹¹.

Наиболее целесообразными представляются предложения В. В. Николука, В. В. Кальницкого и В. Г. Даева о распространении свидетельского иммунитета на родителей супругов и на лиц, длительное время проживающих в незарегистрированном браке.

Несмотря на то, что согласно статье 51 Конституции РФ, супруги и близкие родственники обвиняемого имеют право отказаться от дачи свидетельских показаний против него, в соответствии

¹⁰⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁹ Приговор Дульдургинского районного суда Забайкальского края от 20 сентября 2023 г. по делу № 1-91/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

¹¹⁰ Литвинцева Н. Ю. К вопросу о свидетельском иммунитете близких родственников // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. С. 62–70.

¹¹¹ Там же.

с позицией Конституционного Суда РФ, наличие подобного свидетельского иммунитета не исключает права указанных лиц дать показания в тех случаях, когда они сами заинтересованы в оглашении тех или иных сведений, а также при согласии тех лиц, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются полученные сведения.

«В подобных случаях суды не вправе отказывать указанным лицам в даче свидетельских показаний. Соответственно, при даче ими заведомо ложных показаний они подлежат уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ»¹¹².

Так например, приговором Задонского районного суда Липецкой области установлено, что «П. будучи согласной давать показания в отношении близкого родственника и предупрежденной в установленном законом порядке об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний, пытаясь помочь своему мужу избежать уголовной ответственности по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, дала заведомо ложные показания свидетеля заявив о том, что в указанный день за рулем автомобиля была она, а не её муж.»¹¹³.

Еще одним примером может служить приговор Дульдургинского районного суда Забайкальского края от 19.09.2023, которым установлено, что «К. М. Б., с целью помочь своему брату К. Р. Б. избежать уголовной ответственности, дал заведомо ложные показания потерпевшего в суде о том, что в указанный день он с братьями распивал алкогольные напитки. В ходе ссоры К. Р. Б. прижал его к земле, надавливая в области шеи, но угроз убийством не высказывал. Нехватки воздуха К. Р. Б. не испытывал, не испугался.

Однако из показаний потерпевшего, данных в ходе расследования, следует, что в указанный день между К. М. Б и К. Р. Б. произошла ссора, в ходе которой К. Р. Б. душил брата в течение примерно пяти минут, не отпуская его, когда тот пытался вырваться, вел себя агрессивно. К. М. Б. испытал страх за свою жизнь.»¹¹⁴.

Потерпевшими по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, могут быть признаны близкие родственники погибшего с предоставлением всех прав, предусмотренных процессуальным законодательством. Если такое лицо, признанное в установленном порядке потерпевшим, сообщает в ходе допроса заведомо ложные сведения, оно подлежит уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ.

Помимо потерпевшего и свидетеля, близкие родственники в уголовном судопроизводстве могут выступать в качестве законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого.

Статья 5 УПК РФ определяет законных представителей как «родителей, усыновителей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства»¹¹⁵.

В соответствии со статьей 428 УПК РФ законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого может быть допрошен в качестве свидетеля при его на то согласии. При допросе законный представитель из числа лиц, указанных в пункте 4 статьи 5 УПК РФ, предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Вопрос о том, какие сведения должны составлять содержание показаний законного представителя является дискуссионным. Как правило, законные представители допрашиваются как по вопросу характеристики личности несовершеннолетнего, так и об известных им обстоятельствах совершенного несовершеннолетним преступления. Причем в большинстве случаев акцент делается именно на последнем.

Тем не менее верной представляется позиция О. В. Качаловой, А. А. Рытькова и др., согласно которой «обязанность законных представителей давать показания об обстоятельствах совершенного несовершеннолетним преступления вступает в противоречие с их функцией по обеспечению защиты интересов несовершеннолетнего»¹¹⁶. В связи с этим предлагается ограничить обязательное содержание

¹¹² Радченко А. А. Уголовно-правовая характеристика субъектов лжесвидетельства (ст. 307 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3 (74). С. 103–109.

¹¹³ Приговор Задонского районного суда Липецкой области от 09.03.2023 по делу № 1-29/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

¹¹⁴ Приговор Дульдургинского районного суда Забайкальского края от 19.09.2023 по делу № 1-95/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

¹¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁶ Столбина Л. В., Чурсин А. В., Рытьков А. А., Малыхин И. В. Может ли законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) быть субъектом свидетельского иммунитета? // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 1. С. 81–85.

показаний законных представителей характеристикой личности и условий жизни несовершеннолетнего. Сохранив, однако, за ними право давать показания об обстоятельствах дела при их на то согласии.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, из числа субъектов статьи 307 УК РФ близкими родственниками других участников уголовного процесса могут быть только свидетели и потерпевшие. В случае эксперта, специалиста и переводчика такое родство является основанием для отвода.

Во-вторых, ст. 51 Конституции РФ, а также соответствующие статьи УПК наделяют свидетеля и потерпевшего правом не свидетельствовать против себя и своих близких родственников. Однако в случае их согласия на дачу показаний, указанные лица несут ответственность за ложные показания по ст. 307 УК РФ на общих основаниях.

В-третьих, вопрос расширения перечня лиц, наделенных свидетельским иммунитетом, остается дискуссионным, но наиболее верным в сложившихся социально-бытовых условиях представляется включение в него родителей супруга и лиц, длительное время проживающих в фактическом, но не зарегистрированном браке.

В-четвертых, в уголовном судопроизводстве близкие родственники могут также выступать законными представителями несовершеннолетнего обвиняемого, выступая на стороне защиты и выполняя функцию двойного представительства. С учетом указанной роли представляется целесообразным ограничить содержание показаний, получаемых от законного представителя, сведениями о личности и условиях жизни несовершеннолетнего.

Представленные предложения о внесении изменений в законодательство позволят решить некоторые практические проблемы, связанные с участием близких родственников в уголовном процессе и с дачей ими показаний.

А. Н. Лебедев,

магистрант Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: С. Д. Бунтов, канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

Правовые основы введения налога на бездетность (малодетность) в РФ

Семья, как социальный институт, выполняет одну из функций в государстве, а именно репродуктивную (воспроизводство населения).

По данным Росстата на 1 января 2024 года численность населения России составляла 145,15 млн человек, при этом, начиная с 2019 года, она уменьшается. Суммарный коэффициент рождаемости в России в декабре 2025 г. составил 1,374 против 1,4 в предыдущем году¹¹⁷. По прогнозу Института демографии им. А. Г. Вишневого Национального исследовательского института «Высшая школа экономики» численность населения России к 2100 г. составит 137,5 млн человек¹¹⁸. Таким образом, наша страна вошла в демографический кризис, он имеет длительный характер, и необходимо предпринимать активные действия, чтобы исключить негативные тенденции.

Одной из причин снижения численности населения России является ослабление репродуктивной функции семьи.

Вместе с тем правовые основы как система актов, находящихся в устойчивой динамической связи в целях обеспечения социально важного результата – увеличение численности населения России, в таком виде общественных отношений, как семейные, регулируются не только семейным правом, но и налоговым, а также другими нормативно-правовыми актами.

В определенной юридической форме правовые основы выражают социально полезные цели, например, такие как многодетная семья должна стать не единичным явлением в обществе, а массовым. Тем самым правовые основы определяют средства правового регулирования, обеспечивают работу системы правовых актов, исключая логические противоречия и коллизии. Каждый правовой акт в такой

¹¹⁷ Демография. Численность и состав населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 26.01.2026).

¹¹⁸ Научно-учебная лаборатория социально-демографической политики [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ : [официальный сайт]. URL: <https://www.hse.ru/demo/sdp/publications/705009928.html> (дата обращения: 26.01.2026).

системе должен органично встраиваться в систему действующих актов и, дополняя друг друга, оказывать воздействие на общественные отношения с целью преодоления демографической ямы в России.

Государство прилагает огромные усилия, выделяет значительные финансовые ресурсы для повышения рождаемости в стране. Так, с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. реализовывался национальный проект «Демография». Ему на смену с 1 января 2025 г. пришел национальный проект «Семья», со сроком действия до 31 декабря 2030 г., в рамках которого осуществляется Федеральный проект «Многодетная семья». Одной из целей данных проектов является увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных.

Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» сохранение населения определена как одна из национальных целей развития страны за этот промежуток времени. Установлены целевые показатели и задачи, выполнение которых необходимо для достижения данной национальной цели, а именно повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г., в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей.

Распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р утверждена «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» (далее – Стратегия). Целью данной Стратегии является в том числе сохранение населения за счет повышения уровня рождаемости. Для достижения этой цели предполагается решить такую задачу, как выработка дополнительных стимулирующих мер для рождения детей.

Таким образом, налицо правовые основания введения налога на бездетность (малодетность) в РФ, через стимулирующую (регулирующую) функцию налогов. Эта функция ориентирована на содействие развитию определенных экономических, социальных процессов и проявляется через систему налоговых инструментов, которые создают условия как для ускоренного развития отраслей и производств, так и способствуют решению актуальных общественных проблем, каковой является демографическая в России. В нашем случае задача стимулирующей функции – это решить социально-экономическую задачу повышения рождаемости в стране. Механизм реализации стимулирующей функции осуществляется через предоставление налогоплательщикам налоговых вычетов, льгот (преференций), дифференциации налоговых ставок. Государство имеет возможность как освобождать от уплаты налогов, так и устанавливать пониженную или увеличенную ставку налога.

Российская Федерация, как правопреемник СССР, обладает опытом применения налога на бездетность. Он был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» и просуществовал до 1 января 1992 г. Согласно его норме налогом облагались одинокие и семейные, не имеющие детей, граждане: мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины в возрасте от 20 до 45 лет. Величина налога связывалась с социальным положением физического лица и составляла:

- для рабочих и служащих при месячном заработке до 150 руб. – 5 руб. в месяц;
- для рабочих и служащих при месячном заработке свыше 150 руб. – 5 % от заработка;
- для литераторов и работников искусства – 5 % заработной платы;
- для граждан, привлекаемых к обложению подоходным налогом – 5 % дохода;
- для граждан, входящих в состав хозяйств колхозников и единоличных крестьянских хозяйств – 100 руб. в год.

Делая анализ налога на бездетность в СССР по налогоплательщикам, налоговой базе и налоговой ставке, автор этих строк приходит к выводу, что он выполнял в большей своей части фискальную функцию, увеличивал доходы государства за счет тех граждан, кто не имел детей и, следовательно, не нес ответственности за будущее общества. Говорить о сугубо положительном действии данного налога на стимулировании рождаемости и эффективности не приходится. Тем не менее как инструмент косвенного воздействия на демографическую ситуацию в стране он выполнял.

В России регулярно политики и общественные деятели поднимают вопрос о введении налога на бездетность как инструмента повышения рождаемости в стране. В 2017 г. заместитель председателя Мосгордумы Николай Губенко предлагал вернуться к данному налогу, а собранные деньги направлять семьям с детьми. Татьяна Буцкая, председатель правления общероссийской общественной организации «Совет матерей», в 2020 г. высказывала мнение о взимании такого налога с фиксированной ставкой в 500 рублей. Депутат Государственной думы Федерального Собрания РФ Евгений Федоров, входящий в комитет по бюджету и налогам, в 2023 г. высказывался о целесообразности возвращению к опыту СССР по введению налога на бездетность.

Во всех этих предложениях и высказываниях налог на бездетность рассматривается как налог, выполняющий фискальную функцию, то есть деньги, изымаемые из бюджета семьи, или холостого

гражданина (гражданки), не имеющих детей, обратно в том виде, в котором они изымались, обратно в бюджет семьи не вернутся. Это говорит о неэффективности его регулирующего (стимулирующего) воздействия и доказано историческим опытом в силу того, что собранные таким образом средства будут направлены в доходную часть бюджета для финансирования значимых национальных проектов, таких как, например, «Семья».

Необходимо изменить подход к рассматриваемому налогу, и вместо фискальной функции предать ему регулируемую (стимулирующую) функцию.

Предлагается ввести налог на бездетность с 18 лет для граждан, не имеющих детей, вне зависимости от того, находятся они в браке или нет. Ставку налогообложения просчитать по кривой Лаффера. Налогооблагаемой базой определить доход физических лиц.

Налог уплачивается до момента рождения первого ребенка. При появлении первенца, граждане перестают платить налог на бездетность.

При рождении второго ребенка начинает работать налоговый вычет с налога на доходы физических лиц, но возвращаемая сумма должна быть не больше той, что физическое лицо уплатило в качестве налога до рождения первого ребенка.

Таким образом, финансовые средства, уплаченные в качестве налога на бездетность, возвращаются в бюджет семьи или граждан в качестве налогового вычета при рождении второго ребенка.

При этом государство не несет финансовых расходов, задействована регулирующая (стимулирующая) функция налогов, граждане будут стараться, во-первых, раньше заводить первого ребенка, чтобы избежать налога на бездетность, во-вторых, чтобы вернуть уплаченные деньги, необходимо будет заводить второго ребенка.

Если за весь период семейных отношений у супругов не было детей, или воспитывали только одного, то уплаченные по налогу деньги через социальные программы поддержки пожилых людей в будущем косвенно им будут возвращены. У государства будет возможность формировать финансовый резерв на солидарной основе для выполнения своих социальных обязательств перед людьми преклонного возраста, в том числе за счет тех, кто в молодости не обременял себя узами содержания и воспитания детей.

Важен и экономический аспект. Чтобы вернуть через налоговый вычет ранее уплаченные деньги, необходимо иметь доход физического лица, а это, как правило, доход от полученной заработной платы. Тем самым будет мотивация более раннего выхода на работу, что, в свою очередь, послужит снижением напряженности на рынке труда в стране.

А. А. Максуров,

*канд. юрид. наук, доцент, преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»,
г. Ярославль*

Бенефициарная собственность в семейных правоотношениях: возможности защиты прав детей и супругов в соответствии с Семейным кодексом РФ

Бенефициарная собственность с участием российских граждан остается достаточно распространенной формой инвестиций, несмотря на сложившуюся геополитическую ситуацию. Анализ количественных данных существенно затруднен ввиду изначальной конфиденциальности такого механизма размещения капиталов. Тем не менее исследования специальных вопросов, проведенные в последние 10–25 лет, свидетельствуют о популярности учреждения трастов, о чем говорят, например, исследования экономических начал разрешения семейных и имущественных споров посредством медиации¹¹⁹, а также сведения государственных европейских систем мониторинга доходов¹²⁰.

Отношение к бенефициарной собственности со стороны органов власти в России сложно назвать позитивным. Траст не согласуется с отечественным механизмом правового регулирования¹²¹.

¹¹⁹ Таланова М. В. Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. 2011. № 11. С. 32–39.

¹²⁰ Maksurov A. A. Coordination in legal systems of the countries of Europe. Part I : монография. М. : Русайнс, 2018. Р. 89.

¹²¹ Карташов В. Н. Механизм координационного регулирования // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып. 3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П. А. Кабанов. Нижнекамск, 2001. С. 21–25.

Не соответствующий российскому гражданскому законодательству концепт «расщепленной собственности» противоречит не просто отдельным нормам гражданского права, но и принципам согласованного правового регулирования¹²². Акты-соглашения об условиях траста конфиденциальны и не могут быть оценены органами власти с точки зрения законности вне рамок правового спора¹²³.

Юридическая практика органов государственной власти говорит о непрозрачности бенефициарной собственности для фискальных органов¹²⁴, а также органов контроля и надзора¹²⁵. Возникают существенные проблемы с исполнением судебных актов, по которым предметом исполнения является переданное в траст имущество или доход от него¹²⁶. Нередко учреждение траста рассматривается как криминальный способ уклонения от исполнения обязательств¹²⁷. Более того, отдельные исследователи указывают на исходящую от трастов угрозу экономической безопасности государства¹²⁸.

Вместе с тем данный институт в семейно-имущественной сфере остается достаточно эффективным средством использования норм частного права и прежде всего норм о получении выгоды от собственности¹²⁹.

Семейные финансы как разновидность финансов домохозяйств нуждаются в защите от рисков и эффективных инструментах управления не в меньшей степени, чем, например, корпоративные финансы. Одной из основных бенефициарных структур в данном случае выступают семейные трасты, которые получают все большее распространение и в континентальной Европе как способ согласования различных имущественных интересов¹³⁰. Такие трасты выполняют социальные функции¹³¹ и являются своего рода элементом юридической тактики¹³², обеспечивая координацию интересов собственника и лиц, которых собственник хочет видеть бенефициарами¹³³. Не нарушающие нормы права и субъективные права граждан, трасты способны выступить формой координации имущественных интересов¹³⁴.

Семейные трасты сегодня популярны вследствие их пригодности в целях долгосрочного планирования для, например, передачи имущества в траст, призванный обеспечить образование ребенку, что проявляется в согласовании накопительно-распорядительных начал с возможностью передачи имущества следующему поколению с обходом запретов, характерных для наследования или дарения, а также в условиях стремления к минимизации налогового бремени¹³⁵. Нередко в таких ситуациях семейный траст выступает и в роли офшорной структуры. В этой связи отдельные исследователи называют семейный траст эффективным средством уклонения от налогообложения и юридической ответственности по обязательствам одного из супругов¹³⁶.

¹²² Фролов С. Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Владимир : ВГПУ, 2002. Вып. 3. С. 59–64.

¹²³ Кивленок Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Владимир : ВГПУ, 2002. Вып. 3. С. 54–58.

¹²⁴ Карташов В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V-й межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 89–94.

¹²⁵ Постнов А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ : материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов, г. Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г. Н. Новгород, 2005. Вып. 6: Ч. 1. С. 64–67.

¹²⁶ Гражданское исполнительное право / под ред. А. А. Власова. М. : Экзамен, 2004. С. 109.

¹²⁷ Уколова Ю. А. При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность? // Юридический справочник руководителя. 2009. № 11. С. 17–23.

¹²⁸ Баранов В. М., Карташов В. Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения ; Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 11–15.

¹²⁹ Таланова М. В. Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. 2011. № 11. С. 32–39.

¹³⁰ Максуров А. А. Координационные юридические технологии в странах Европы. М. : Инфра-М, 2019. С. 83.

¹³¹ Бриль Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V-й межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 121–125.

¹³² Карташов В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сб. науч. тр. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. интернет-конф., 15 мая 2011 г. Тамбов, 2011. С. 50–55.

¹³³ Макаров И. И. Координация в праве. Ярославль : ЯФ МФЮА. 2012. С. 90.

¹³⁴ Мельников Ю. И. Формы координационного взаимодействия в праве : координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция / под ред.: Ю. И. Мельникова, А. А. Максурова, Г. В. Семеновой. Ярославль, 2003. Вып. 1. С. 15–18.

¹³⁵ Пеппер Дж. Практическая энциклопедия международного налогового и финансового планирования. М. : Инфра. 2018. С. 18.

¹³⁶ Крохина Ю. А. Становление концепции бенефициарного собственника в международных актах: от правового дуализма к унификации // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6, № 2 (26). С. 7–11.

По сути, семейный траст отличается от структуры классического траста только двумя чертами: как правило, особой связью учредителя и бенефициаров (в качестве бенефициаров выступают близкие родственники учредителя) и спецификой целей (защита интересов членов семьи)¹³⁷. Это особый правовой проект, предполагающий передачу имущества в управление для достижения цели, значимой для собственника этого имущества¹³⁸. Данный правовой проект способствует, с одной стороны, наилучшему, с точки зрения собственника, использованию переданного в траст имущества, а с другой стороны, наибольшей защите бенефициара – другого супруга или их несовершеннолетних детей¹³⁹.

Именно в механизме траста возможна реализация требования о доверительности имущественных отношений, в которых заинтересованы и учредитель траста, и управляющий трастом, и его бенефициар¹⁴⁰.

В российском гражданском праве семейные (равно как и любые другие) трасты в качестве возможного механизма обеспечения дохода бенефициара прямо не предусмотрены. Между тем представляется, что его применение оказалось бы полезным даже не для самых обеспеченных слоев населения и в том числе с точки зрения эффективного расходования бюджетных средств. Например, нередко получившие в связи с рождением детей значительные социальные выплаты родители тратят по собственному усмотрению на отличные от воспитания детей цели. Передача этих денежных средств не родителям, а в трастовое управление позволило бы сохранять и приумножать доходы, которые в будущем потребовались бы на образование ребенка, приобретение для него недвижимости и т. п.

Интересно, что в приложении к письму Центрального банка Российской Федерации от 02.06.2015 № 014-12-4/4780 «О вопросах определения бенефициарных владельцев»¹⁴¹ указано, что если речь идет о предпринимателе, создающем траст в интересах своей супруги или несовершеннолетних детей, то «бенефициарным владельцем» является предприниматель-учредитель, называемый «источником денежных средств». Несмотря на то, что в соответствии с требованиями законодательства о трастах супруга и дети имеют бенефициарный интерес в трасте (более того, для таких целей может оказаться уместным назвать их «бенефициарными владельцами»), их не следует относить к «бенефициарным владельцам» с точки зрения противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Тем не менее отечественные суды признают бенефициарами семейных трастов именно лиц (супруги, дети, родители, иные родственники), которые становятся выгодоприобретателями трастов, пусть даже они и не всегда приобретают полномочия по контролю за корпоративной структурой, осуществляющей трастовое управление активами в их интересах.

Так, по одному из дел о разделе совместно нажитого в браке имущества за истицей была признана ½ доли на акции трастовых компаний. Свою позицию суд мотивировал тем обстоятельством, что ответчик (бывший супруг) был бенефициаром траста, а значит это имущество, в силу статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ¹⁴² (далее – СК РФ), находится в совместной собственности супругов¹⁴³.

Таким образом, «бенефициарная собственность» была признана имуществом, которое может быть общим для супругов и по этим причинам подлежать разделу при расторжении брака, хотя мотивировку суда нельзя считать развернутой и снимающей все вопросы в этой связи. По отмеченным причинам, поддерживая в целом сделанный судом вывод, В. А. Канашевский, например, указывает, что суд без достаточных к тому оснований как бы «приравнял» права на спорные акции и бенефициарные права на акции трастов – офшорных компаний (собственников спорных акций), которыми владел ответчик¹⁴⁴. С таким выводом стоит согласиться, поскольку такие права, очевидно, являются различными, хоть и тесно связанными.

¹³⁷ McLoughlin P., Rendell C. Law of Trusts. London, 1992. P. 14.

¹³⁸ Таланова М. В. Юридическое проектирование координационных процессов // Право и бизнес : сб. ст. I ежегодной Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию со дня рождения проф. В. С. Мартемьянова / М. Ю. Абрамкина, М. Г. Абрамова, А. А. Алпатов и др. ; под ред. И. В. Ершовой. М. : Юрист, 2012. С. 80–87.

¹³⁹ Макуров А. А. Проектирование – новый метод координационной юридической деятельности // Современные концепции научных исследований : сб. науч. тр. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 августа 2014 г., г. Москва ; Евразийский союз ученых. 2014. № 5, Ч. 5. М., 2014. С. 19–28.

¹⁴⁰ Чернецов В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : доклады и сообщения VII Междунар. науч. конф., 17 апреля 2007 г., г. Москва. М. : РГГУ, 2007. С. 89–94.

¹⁴¹ О вопросах определения бенефициарных владельцев : письмо Центрального банка Российской Федерации от 02.06.2015 № 014-12-4/4780 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180926/

¹⁴² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

¹⁴³ Определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 5-КГ15-34 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=434069#3n3kRhUwjiGdz4tU1>

¹⁴⁴ Канашевский В. А. Коллизионные вопросы раздела между супругами совместно нажитого имущества, находящегося за рубежом // Закон. 2020. № 2. С. 178–185.

Общая логика суда, по всей видимости, в данном деле заключалась в том, что когда собственник имущества, создавая «скрытую», внешне отдаленную от себя как субъекта права систему владения имуществом, фактически «отделяя» от себя титул его собственника, получает в качестве равнозначного некоторые имущественные права («бенефициарные права»), то такие права, безусловно, относятся, в силу положений статей 34 СК РФ и 128 ГК РФ, к общему имуществу супругов, а значит, требуют своего раздела. Надо сказать, что такая позиция в настоящее время является общим подходом российской судебной системы¹⁴⁵.

При этом нельзя сказать, что подход российских судов к самой категории «бенефициарная собственность» в части возможности признания ее последствий при разрешении споров является однообразным.

Так, по одному из дел бывшая супруга требовала признать за ней право на 50 % акций двух компаний, права на которые, по ее мнению, были зарегистрированы за находящимися в офшорной юрисдикции (Республика Кипр) компаниями «в целях сокрытия общего имущества супругов от раздела», причем данные компании были привлечены к участию в деле в качестве соответчиков.

Сначала суд отказал в иске несмотря на то, что ранее решением окружного суда г. Лимасол (Кипр) от 27.10.2014 был установлен факт владения компаниями – ответчика по иску в российском суде теми же акциями. Суд не только не оценил указанное решение в качестве некоторой преюдиции, но и высказался в том смысле, что не видит оснований для применения в данном случае иностранных норм в принципе.

Наиболее развернутая мотивировка сделанных выводов по этому спору была приведена в апелляционном определении Московского городского суда от 22.01.2016 № 33-2311/2016, которым решение районного было поддержано в полном объеме¹⁴⁶. В числе прочего суд указал на невозможность отнесения прав бенефициарной собственности на акции к подлежащему разделу при расторжении брака общему имуществу супругов, так как это не соответствует смыслу положений о подлежащем разделу имуществе супругов, закрепленных в статьях 128 ГК РФ и 34, 38 СК РФ. Таким образом, фактически суд установил, что правоотношения, которые возникают из применения зарубежной конструкции «бенефициарной собственности», не повлекут требуемых юридических последствий для появления возможности раздела такого рода имущественного права (имущества).

Необходимо отметить, однако, что в юридической литературе указанное решение и мотивация его принятия судом подвергнуты обоснованной критике, в том числе в части не предоставления правовой защиты истцу в случае, когда регистрация активов за другими лицами в форме передачи их в траст способна лишить одного из супругов права претендовать на долю в общем имуществе¹⁴⁷. Также указывалось и на недопустимость оставления без внимания положений статей 1186 и 1187 ГК РФ – коллизионных принципов регулирования в ситуации такого рода¹⁴⁸.

В целом анализ рассмотрения российскими судами указанной категории дел показывает, что примерно до 2013–2015 гг. суды, сталкиваясь с концепцией бенефициарной собственности, отказывали в признании бенефициарного имущества общим супружеским имуществом, ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15, ориентирующего суды на строгое следование нормам семейного законодательства как гарантию соблюдения прав обоих участников процесса расторжения брака, а также детей. Пленум ВС РФ толковал семейное законодательство буквально в том смысле, что разделу подлежит лишь то имущество, которое принадлежит им на момент рассмотрения спора¹⁴⁹, тогда как, очевидно, имущество в траст обычно передается до возникновения спора в суде.

Тем не менее за последние десять лет, как было показано в работе выше, практика существенно изменилась.

Представляется, что совместным имуществом супругов, подлежащим разделу, а также учету при взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей должно быть признано любое имущество, в том числе переданное одним из супругов в траст, указание на что необходимо внести в пункт 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации.

¹⁴⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.04.2017 № 60-КГ17-1 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴⁶ Определение Московского городского суда от 22.01.2016 № 33-2311/2016 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴⁷ Волков Д. С. Раздел семейной собственности при наличии траста // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10. С. 177–178.

¹⁴⁸ Тимофеева В. В. К вопросу о разделе общего имущества супругов при наличии бенефициарной собственности // Вопросы студенческой науки. 2022. Вып. № 12 (76). С. 121–122.

¹⁴⁹ О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/

И. О. кызы Мамедова,

д-р философии по педагогике (Ph. D.), старший преподаватель кафедры педагогики начального образования Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку

Актуальные проблемы реализации прав и законных интересов несовершеннолетних детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в Азербайджане: правовые и социальные механизмы защиты

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей является одним из приоритетных направлений государственной политики Азербайджанской Республики и важнейшим показателем уровня социального развития общества. Особое внимание в данном контексте уделяется детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, поскольку именно эта категория наиболее уязвима к нарушениям прав, социальной изоляции и ограничению доступа к базовым социальным благам.

В Азербайджане вопросы защиты прав ребёнка регулируются Конституцией Азербайджанской Республики, Законом Азербайджанской Республики «О правах ребёнка», а также рядом нормативно-правовых актов и государственных программ, направленных на обеспечение социальной защиты, образования и охраны здоровья несовершеннолетних. Вместе с тем, несмотря на сформированную правовую базу, в современной практике сохраняется ряд проблем, связанных с реализацией прав и законных интересов детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, что обусловлено как социально-экономическими факторами, так и институциональными ограничениями системы защиты.

В Азербайджанской Республике защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей имеет конституционно-правовое закрепление и осуществляется на основе комплексного нормативно-правового регулирования. Базовым актом в данной сфере является Конституция Азербайджанской Республики, которая провозглашает охрану детства одним из приоритетных направлений государственной политики. В частности, Конституция закрепляет право каждого ребёнка на жизнь, образование, охрану здоровья, социальное обеспечение и защиту со стороны государства, а также возлагает на государственные органы обязанность создавать условия для всестороннего развития личности ребёнка. Конституция прямо устанавливает, что семья и дети находятся под особой охраной государства, а также что государство обязано заботиться о детях, не имеющих родителей или оставшихся без попечения. Это фундаментальная гарантия защиты прав ребёнка на уровне Основного закона. Конституция Азербайджанской Республики, закрепляя охрану детства как государственную обязанность и гарантируя защиту детей, включая тех, кто лишён родителей, служит фундаментальной основой для правового регулирования защиты несовершеннолетних в стране¹⁵⁰.

Ключевым отраслевым нормативным актом является Закон Азербайджанской Республики «О правах ребёнка», который определяет правовой статус ребёнка, основные гарантии реализации его прав и законных интересов, а также обязанности родителей, законных представителей и государственных институтов. Закон закрепляет принципы приоритета интересов ребёнка, недопустимости дискриминации, обеспечения социальной защиты и особого внимания к детям, находящимся в уязвимом положении, включая детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Этот закон является основным отраслевым актом, конкретизирующим права детей, их равенство перед законом, свободу выражения мнения, право на образование, информацию и защиту от дискриминации. В рамках законодательства Азербайджанской Республики Закон «О правах ребёнка» закрепляет основные права несовершеннолетних, обеспечивая их защиту и недопустимость дискриминации. Так, в статье о равенстве прав установлено, что все дети имеют равные права без какой-либо дискриминации по социальному, имущественному, по признаку здоровья или иному признаку, что является фундаментальной гарантией соблюдения принципа приоритета интересов ребёнка. Закон закрепляет право несовершеннолетних на свободу выражения мнения, предоставляя каждому ребёнку возможность свободно выражать свои мысли, совесть, слова, а также получать необходимую информацию, что обеспечивает участие ребёнка в вопросах, затрагивающих его интересы.

Особое внимание уделяется вопросам усыновления. Согласно статье 21 Закона усыновление допускается только в интересах ребёнка и с соблюдением всех законных процедур, что направлено на защиту прав ребёнка и обеспечение приоритетного принципа его благополучия при передаче под опеку или в приёмную семью. Данные положения закона формируют правовую основу для реализации

¹⁵⁰ Конституция Азербайджанской Республики: Основной Закон Республики. Баку, 1995.

и защиты прав детей, включая тех, кто находится в трудной жизненной ситуации, и создают механизмы контроля за соблюдением этих прав на практике. Закон АР «О правах ребёнка» устанавливает основные права несовершеннолетних, включая право на равенство, свободу совести и выражения мнения, а также формирует правовые гарантии для защиты интересов ребёнка в различных ситуациях¹⁵¹.

Помимо вышеуказанных ключевых нормативных актов, в Азербайджане действуют и другие важные законы, регулирующие различные аспекты защиты прав несовершеннолетних. Так, Закон Азербайджанской Республики «О социальной защите детей, потерявших родителей и лишённых родительской опеки», устанавливает правовые гарантии для детей, находящихся без попечения родителей, обеспечивая их социальное сопровождение и защиту интересов¹⁵². Закон «О профилактике беспризорности и правонарушений несовершеннолетних» направлен на предотвращение социального сиротства, предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних, а также на организацию мер поддержки и реабилитации детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации¹⁵³. Особое значение имеет Закон «О питании младенцев и детей раннего возраста», который регулирует вопросы охраны здоровья и полноценного питания самых маленьких граждан, что является важной составляющей защиты их права на жизнь и развитие¹⁵⁴. Закон «Об образовании» закрепляет право каждого ребёнка на доступное и качественное образование, включая меры поддержки для детей, находящихся в социально уязвимом положении. Этот закон является основой реализации права на обучение и создания условий для всестороннего развития личности ребёнка¹⁵⁵.

Вышеперечисленные нормативно-правовые акты формируют комплексную правовую основу для защиты прав несовершеннолетних в Азербайджане, охватывая вопросы социальной защиты, образования и охраны здоровья, а также обеспечивая реализацию прав детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Дополняют указанную правовую базу иные нормативно-правовые акты, регулирующие отдельные аспекты защиты прав несовершеннолетних, в том числе в сферах образования, здравоохранения, социальной защиты, опеки и попечительства. Существенную роль играют также государственные программы и стратегии, направленные на поддержку семьи, женщин и детей, развитие инклюзивного образования, профилактику социального сиротства и защиту детей от насилия и эксплуатации.

Вместе с тем, несмотря на наличие разветвлённой и формально выстроенной нормативно-правовой базы, в современной практике Азербайджана сохраняется ряд проблем, связанных с реализацией прав и законных интересов несовершеннолетних детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Эти проблемы во многом обусловлены социально-экономическими факторами, такими как уровень доходов семей, региональные диспропорции в доступе к социальным услугам, а также институциональными ограничениями системы защиты, включая недостаточную межведомственную координацию, дефицит специализированных социальных услуг и ограниченные механизмы индивидуального сопровождения детей из уязвимых групп.

Анализ нормативно-правовых основ защиты прав ребёнка в Азербайджане свидетельствует о необходимости не только совершенствования законодательства, но и повышения эффективности правоприменительной практики, ориентированной на реальные потребности несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Трудная жизненная ситуация несовершеннолетних в условиях современного азербайджанского общества может быть связана с семейным неблагополучием, бедностью, ограниченными возможностями здоровья, социальным сиротством, миграционными процессами и другими обстоятельствами, затрудняющими полноценное развитие ребёнка и реализацию его прав. В этих условиях особую значимость приобретают правовые и социальные механизмы защиты, обеспечивающие комплексный подход к поддержке несовершеннолетних и координацию деятельности государственных и негосударственных институтов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа существующих проблем реализации прав и законных интересов несовершеннолетних детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в Азербайджане, а также оценки эффективности действующих правовых и социальных механизмов их защиты. Научное осмысление данных вопросов позволяет

¹⁵¹ О правах ребёнка : Закон Азербайджанской Республики. Акт от 1998 г.

¹⁵² О социальной защите детей, потерявших родителей и лишённых родительской опеки : Закон Азербайджанской Республики. Баку, 2005.

¹⁵³ О профилактике беспризорности и правонарушений несовершеннолетних : Закон Азербайджанской Республики. Баку, 2006.

¹⁵⁴ О питании младенцев и детей раннего возраста : Закон Азербайджанской Республики. Баку, 2008.

¹⁵⁵ Об образовании : Закон Азербайджанской Республики. Баку, 2009.

не только выявить существующие пробелы в правоприменительной практике, но и определить перспективные направления совершенствования системы защиты прав ребёнка в национальном контексте.

Несмотря на наличие развитой нормативно-правовой базы, в современной практике Азербайджана наблюдаются определённые трудности с реализацией прав несовершеннолетних, особенно тех детей, которые находятся в трудной жизненной ситуации. Одной из ключевых проблем реализации прав несовершеннолетних в Азербайджане являются социально-экономические ограничения, напрямую влияющие на доступ детей к базовым социальным благам. Низкий уровень доходов семей, проживающих в сельской местности, горных или малообеспеченных районах, создаёт значительные препятствия для полноценного развития ребёнка.

В первую очередь ограниченные финансовые возможности семьи сказываются на доступе к качественному образованию. Несмотря на законодательное право на бесплатное общее образование, дети из малообеспеченных семей часто сталкиваются с трудностями при приобретении учебников, школьной формы, техники для дистанционного обучения и доступа к дополнительным образовательным ресурсам. В ряде случаев родители вынуждены привлекать детей к трудовой деятельности, что ограничивает время для учёбы и нарушает право ребёнка на полноценное образование.

Во-вторых, социально-экономические ограничения влияют на доступ к медицинским услугам. Для семей с низким доходом посещение медицинских учреждений, приобретение лекарств и прохождение профилактических осмотров могут стать серьёзной финансовой нагрузкой. Это особенно критично для детей, нуждающихся в регулярной медицинской поддержке, включая детей с ограниченными возможностями здоровья и хроническими заболеваниями¹⁵⁶.

Низкий уровень доходов ограничивает право детей на полноценное питание, что негативно сказывается на их физическом и психическом развитии. Дефицит питательных продуктов может привести к замедлению роста, ослаблению иммунитета, повышенной утомляемости и снижению концентрации внимания, что дополнительно затрудняет обучение и социализацию¹⁵⁷.

Социально-экономические ограничения создают многоуровневый барьер, влияющий на образование, здоровье и общее развитие ребёнка, и требуют комплексной поддержки со стороны государства. В контексте Азербайджана это предполагает не только материальные меры помощи малообеспеченным семьям, но и доступ к социальным и образовательным программам, направленным на снижение социального неравенства и обеспечение равных возможностей для всех детей, независимо от места проживания и уровня доходов семьи.

Одной из существенных проблем реализации прав несовершеннолетних в Азербайджане является недостаточная межведомственная координация. Органы образования, здравоохранения и социальной защиты часто действуют разрозненно, что затрудняет комплексное сопровождение детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. На практике это проявляется в том, что дети, нуждающиеся одновременно в медицинской, образовательной и социальной поддержке, могут сталкиваться с задержками предоставления услуг или отсутствием своевременного взаимодействия между ответственными учреждениями. Например, школа может выявить учащегося, испытывающего психологические трудности, однако отсутствие согласованной работы с социальными службами и медучреждениями замедляет оказание необходимой помощи. Аналогично социальные службы, проводя мониторинг семей в сложной жизненной ситуации, могут не иметь оперативного доступа к данным образовательных и медицинских учреждений, что снижает эффективность поддержки. Отсутствие единой системы обмена информацией между ведомствами также ограничивает возможность раннего выявления уязвимых детей, что особенно критично для профилактики социального сиротства, правонарушений среди несовершеннолетних и других рисков.

Для повышения эффективности защиты прав детей в трудной жизненной ситуации в Азербайджане необходима разработка и внедрение координационных механизмов, которые обеспечат взаимодействие всех заинтересованных органов. Это может включать создание межведомственных рабочих групп, интегрированных информационных систем и стандартов совместной работы, направленных на комплексное сопровождение каждого ребёнка и обеспечение своевременной помощи в различных сферах.

Значимой проблемой в реализации прав несовершеннолетних в трудной жизненной ситуации является дефицит специализированных социальных услуг. В Азербайджане ограничено количество центров психологической поддержки, социальных работников, реабилитационных учреждений и кризисных центров снижает эффективность защиты прав детей и препятствует комплексной помощи¹⁵⁸.

¹⁵⁶ О медицинском страховании : Закон Азербайджанской Республики. Баку, 1999 (с изм. и доп. по состоянию на 05.12.2023).

¹⁵⁷ О питании младенцев и детей раннего возраста : Закон Азербайджанской Республики. Баку, 2008.

¹⁵⁸ Агентство устойчивого и оперативного социального обеспечения (DOST) – деятельность и социальные услуги, предоставляемые для населения, включая уязвимые группы. Баку, 2025.

На практике это выражается в том, что дети, подвергшиеся насилию, столкнувшиеся с семейными конфликтами, социальным сиротством или психологическими трудностями, не всегда получают своевременную и квалифицированную помощь. Дефицит профессионально подготовленных социальных работников и психологов особенно заметен в сельских и отдалённых регионах, где доступ к государственным учреждениям ограничен.

Недостаток специализированных учреждений также затрудняет реализацию программ социальной реабилитации и сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей или находящихся под опекой. В результате многие дети не получают полноценной поддержки для восстановления психологического, социального и образовательного равновесия, что повышает риск усугубления их уязвимого положения.

Для преодоления вышеперечисленных ограничений необходимо развитие сети специализированных учреждений, повышение квалификации социальных работников, внедрение программ дистанционной поддержки и расширение возможностей для межведомственного сотрудничества. Только комплексная система специализированных социальных услуг способна обеспечить реальную защиту прав и законных интересов детей в трудной жизненной ситуации¹⁵⁹.

Актуальной проблемой в реализации прав несовершеннолетних в Азербайджане является неполнота мониторинга и контроля за соблюдением этих прав. Несмотря на активную работу Уполномоченного по правам человека и Государственного комитета по делам семьи, женщин и детей, системного и комплексного анализа случаев нарушения прав детей в стране пока недостаточно. На практике это выражается в ограниченной доступности статистических данных о правонарушениях, социальном сиротстве, насилии и других формах угроз детству. Существующие отчёты и мониторинговые материалы часто носят фрагментарный характер и не позволяют оценить эффективность мер защиты прав детей на национальном и региональном уровнях. Недостаточный контроль за соблюдением прав несовершеннолетних приводит к тому, что многие нарушения остаются незамеченными или не получают своевременного реагирования. Это особенно критично для детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, так как отсутствие системного мониторинга снижает эффективность профилактических мер, поддержки семей и реабилитационных программ¹⁶⁰.

Для улучшения ситуации необходима разработка единых стандартов мониторинга и отчётности, создание интегрированных информационных систем, позволяющих отслеживать все случаи нарушения прав детей, а также укрепление взаимодействия между уполномоченным по правам человека, государственными органами и социальными службами. Такой подход обеспечит системную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних и позволит своевременно выявлять и устранять нарушения.

Эти проблемы создают реальный разрыв между формальным закреплением прав ребёнка в законодательстве и их практической реализацией.

Для решения проблем, связанных с реализацией прав несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, в Азербайджане функционирует ряд правовых и социальных механизмов, обеспечивающих комплексную защиту их интересов.

Правовые механизмы включают нормы Конституции Азербайджанской Республики, Закон «О правах ребёнка», Семейный кодекс и специализированные законы, регулирующие социальную защиту детей, профилактику беспризорности, охрану здоровья и доступ к образованию. Эти нормативные акты закрепляют права несовершеннолетних на жизнь, образование, охрану здоровья, свободное выражение мнения, равенство перед законом, а также регулируют институты опеки, попечительства и усыновления, создавая правовую основу для защиты детей в уязвимых ситуациях.

Социальные механизмы реализуются через государственные программы поддержки семьи, женщин и детей, а также через деятельность государственных и негосударственных организаций, включая социальные службы, центры психологической поддержки, приёмные семьи и реабилитационные учреждения. Эти меры направлены на обеспечение комплексной помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, включая материальную поддержку, психологическое сопровождение, образовательную помощь и социальную реабилитацию.

Важную роль играет и институциональная поддержка, обеспечиваемая Уполномоченным по правам человека, Государственным комитетом по делам семьи, женщин и детей, местными органами социальной защиты, образовательными и медицинскими учреждениями. Эффективность защиты прав детей зависит от согласованности действий всех этих институтов и своевременного реагирования на индивидуальные потребности каждого ребёнка.

¹⁵⁹ О социальной службе : Закон Азербайджанской Республики. Баку, 2011.

¹⁶⁰ Государственный комитет по делам семьи, женщин и детей Азербайджанской Республики. Центры поддержки детей и семей в регионах. Баку, 2025.

Превентивные меры, такие как программы раннего выявления уязвимых детей, профилактика социального сиротства и правонарушений среди несовершеннолетних, а также мониторинг исполнения их прав, являются важной составляющей системы защиты. Комплексное сочетание правовых норм и социальных механизмов позволяет обеспечить как юридическую, так и практическую защиту детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и создавать условия для их всестороннего развития и социальной интеграции.

Эффективность этих механизмов зависит от согласованности работы всех институтов и своевременного реагирования на индивидуальные потребности детей.

Пути совершенствования системы защиты прав несовершеннолетних включают укрепление межведомственного взаимодействия, расширение сети специализированных социальных услуг, совершенствование мониторинга и контроля за соблюдением прав, повышение правовой и социальной грамотности населения, а также развитие профессиональной подготовки специалистов.

Анализ современного состояния системы защиты прав несовершеннолетних в Азербайджане позволяет выделить основные направления её совершенствования:

Для повышения эффективности системы защиты прав несовершеннолетних в Азербайджане важно реализовать несколько взаимосвязанных направлений.

Укрепление межведомственного взаимодействия предполагает создание совместных рабочих групп, объединяющих органы образования, здравоохранения, социальной защиты и правозащитные структуры. Такой подход позволит обеспечить комплексное сопровождение детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, ускорить обмен информацией между учреждениями и согласовать действия при оказании помощи. В результате дети смогут получать своевременную и всестороннюю поддержку, учитывающую все аспекты их развития и безопасности.

Расширение сети социальных услуг включает развитие специализированных центров психологической поддержки, приёмных семей, кризисных центров и реабилитационных учреждений. Эти меры позволят оказывать индивидуализированную помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, обеспечивать их психологическую реабилитацию, поддержку в образовательной и социальной сферах, а также снизить нагрузку на семьи и опекунов.

Мониторинг и оценка эффективности системы защиты прав требуют внедрения систематического контроля за соблюдением прав несовершеннолетних. Это включает регулярные отчёты Уполномоченного по правам человека, анализ статистики нарушений, оценку деятельности социальных служб и образовательных учреждений, что позволит выявлять проблемные зоны и своевременно корректировать меры поддержки¹⁶¹.

Повышение правовой и социальной грамотности населения является ещё одним ключевым направлением. Проведение информационных кампаний для родителей, педагогов и детей о правах несовершеннолетних, доступных государственных услугах и механизмах защиты создаёт условия для профилактики нарушений и формирует у населения понимание ответственности за благополучие ребёнка.

Развитие профессиональной подготовки специалистов предполагает обучение социальных работников, педагогов, медицинских работников и психологов современным методам комплексной поддержки уязвимых детей. Повышение квалификации специалистов обеспечит индивидуальный подход к каждому ребёнку, повысит качество предоставляемых услуг и эффективность реализации программ социальной поддержки.

Реализация всех перечисленных мер позволит создать в Азербайджане интегрированную систему защиты прав несовершеннолетних, которая сочетает правовые гарантии, социальные механизмы и институциональную поддержку, обеспечивая комплексную защиту и всестороннее развитие детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, является одной из приоритетных задач государства и общества в целом. В Азербайджане сформирована комплексная нормативно-правовая база, включающая Конституцию, Закон «О правах ребёнка», Семейный кодекс и специализированные законы, а также государственные программы и стратегии, направленные на обеспечение социальной защиты, охрану здоровья и доступ к образованию.

Вместе с тем на практике сохраняются определённые проблемы, связанные с социально-экономическими ограничениями, недостаточной межведомственной координацией, дефицитом специализированных социальных услуг и неполным мониторингом соблюдения прав несовершеннолетних. Эти трудности создают разрыв между формальным закреплением прав ребёнка и их реальной реализацией, особенно для детей, находящихся в уязвимом положении.

¹⁶¹ Azerbaijan Ombudsman Institution elected as full member of European network of Ombudspersons for Children (EnOC). Баку : Report. az, 2025.

Совершенствование системы защиты прав несовершеннолетних требует комплексного подхода, включающего укрепление межведомственного взаимодействия, расширение сети социальных и реабилитационных услуг, внедрение систем мониторинга и оценки эффективности, повышение правовой и социальной грамотности населения, а также развитие профессиональной подготовки специалистов.

Интеграция правовых норм, социальных механизмов и институциональной поддержки позволит обеспечить комплексную защиту интересов ребёнка, создать условия для его всестороннего развития и интеграции в общество, а также повысить эффективность профилактики социальных рисков. Таким образом, дальнейшее совершенствование системы защиты прав детей является ключевым условием реализации принципа приоритета интересов ребёнка и формирования в Азербайджане социально справедливой и безопасной среды для всех несовершеннолетних.

О. Г. Масленникова,

обучающаяся Института права,

социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: Е. А. Ходырева, д-р юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

Семейно-правовые аспекты статуса детей, рожденных при использовании методов постмортальной репродукции

На сегодняшний день под постмортальной репродукцией понимается зачатие и рождение ребенка после смерти одного или обоих родителей.

Развитые медицинские технологии делают это возможным посредством установленного Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) права на криоконсервацию и последующее применение вспомогательных репродуктивных технологий в форме экстракорпорального оплодотворения, суррогатного материнства¹⁶².

В современном российском законодательстве содержится ряд норм, регламентирующих вопросы установления происхождения детей, родившихся после смерти родителя.

Так, подп. 1 п. 5 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) гласит о том, что лица, давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка, могут быть, с согласия этой женщины, записаны родителями также и в случае смерти одного из супругов на момент рождения ребенка¹⁶³. Пункт 2 ст. 48 Семейного кодекса РФ устанавливает действующую в течение трехсот дней после смерти супруга матери презумпцию его отцовства в отношении родившегося ребенка.

В связи с тем, что наша позиция заключается в запрете на применение технологий постмортальной репродукции с использованием биоматериала лиц, которые при жизни не состояли между собой в браке, за исключением случая, когда речь идет о единственном потенциальном родителе (одиноким матери, одиноким отце), нами не упоминается порядок установления отцовства лица, не состоявшего в браке с матерью ребенка.

В настоящий момент вышеуказанные нормы не распространяются на детей, которые были не только рождены, но и зачаты после смерти одного или обоих родителей.

Таким образом, семейно-правовые нормы должны быть дополнены следующим образом: после смерти одного из родителей – в отношении умершей матери факт родительства должен устанавливаться в порядке подп. 1 п. 5 ст. 51 Семейного кодекса РФ, так как рождение в этом случае, очевидно, будет осуществляться по договору суррогатного материнства; а в отношении умершего отца должна распространяться презумпция отцовства с указанием на то, что между лицами был зарегистрированный брак и ребенок родился при использовании методов экстракорпорального оплодотворения из генетического материала мужчины^{164, 165}.

¹⁶² Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

¹⁶³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

¹⁶⁴ Аманжанов А. К. Правовые и морально-этические основы постмортальной репродукции // Сибирские юрид. студ. чтения : материалы XXI Междунар. науч. конф. студентов, посвящ. 25-летию Сибирского юрид. ун-та. 2024. С. 44–47.

Срок действия презумпции отцовства в таком случае, на наш взгляд, должен составлять 1 год и 300 дней, где 1 год – это период, в течение которого должен быть решен вопрос об использовании генетического материала умершего лица. Аналогичный срок на проведение процедур постмортальной репродукции известен зарубежному законодательству¹⁶⁶.

Что касается установления происхождения детей, зачатых и родившихся после смерти обоих родителей (единственного родителя), то тут должны быть внесены дополнения в п. 5 ст. 51 Семейного кодекса РФ в виде закрепления возможности признания родителями ребенка лиц, давших свое согласие на посмертное использование своего генетического материала, в том числе посредством имплантации эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка, при согласии суррогатной матери, в случае смерти обоих биологических родителей (аналогично и с признанием единственного родителя).

Отсутствие указания в законе на возможность признания родителями (единственным родителем) ребенка умерших лиц, давших в соответствующем порядке свое согласие на посмертное использование их генетического материала, особенно негативно отражается на правах детей, зачатых и родившихся после смерти обоих родителей (единственного родителя)¹⁶⁷. И в этом можно убедиться, обратившись к судебным решениям, где родительницами постмортальных детей признаются их бабушки, а не биологические родители.

Примерами таких судебных актов являются решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга по гражданскому делу № 2-3927/10 от 6 октября 2010 г., решение Прикубанского районного суда города Краснодара от 1 ноября 2016 г. по делу № 2-13109/2016^{168, 169}.

Эти решения были приняты при схожих обстоятельствах. У истиц по обоим делам умерли сыновья, при жизни сдавшие свой генетический материал на криоконсервацию с оформлением согласия на предоставление права распоряжения этим материалом после их смерти своим матерям. После смерти сыновей женщины оформили договоры суррогатного материнства, родились дети, а на этапе регистрации их рождения в органах записи актов гражданского состояния обе женщины получили отказы. Их они впоследствии успешно обжаловали в соответствующие суды, которые также указали на то, что женщины должны быть признаны матерями своих внуков.

В сложившейся ситуации практического отсутствия законодательного регулирования такой подход к регистрации детей, действительно, представляется единственно возможным, однако по своей сути неправильным.

Неправильным по той причине, что он лишает детей тех гарантий, которые они могли бы получить, если бы их статус был приравнен к статусу детей, у которых умер один, в том числе после их зачатия и до рождения, или соответственно оба родителя.

В частности, над детьми, у которых нет обоих родителей, должна устанавливаться опека (ст. 145 Семейного кодекса РФ). Они не должны быть лишены гарантий, предусмотренных Федеральным законом от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ред. 31.07.2025), в числе которых дополнительные медицинские, образовательные, имущественные и иные социальные гарантии¹⁷⁰. Также таким детям должна назначаться страховая пенсия по случаю потери кормильца, они должны быть приравнены к насцитурусам в наследственных отношениях.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что нормы семейного законодательства о признании родителями должны быть дополнены соответствующими положениями, учитывающими возможности постмортальной репродукции, в целях соблюдения прав и предоставления корреспондирующих им социальных гарантий родившимся посредством применения соответствующих технологий детям.

¹⁶⁵ Краснова Т. В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 34. С. 426–439.

¹⁶⁶ Филимонова И. В. Проблемы правового регулирования постмортальной репродукции в семейном законодательстве России [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. 2015. № 2. URL: <https://politika.snauka.ru/2015/02/2333> (04.04.2025).

¹⁶⁷ Волков К. В. К вопросу о дискриминации постмортальных детей в их наследственных правах в России [Электронный ресурс] // СП. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-diskriminatsii-postmortalnyh-detey-v-ih-nasledstvennyh-pravah-v-rossii> (23.10.2025).

¹⁶⁸ Решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-3927/10 от 6 октября 2010 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁹ Решение Прикубанского районного суда города Краснодара по делу № 2-13109/2016 от 1 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

¹⁷⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 52, ст. 5880.

Е. Д. Мухаметгалеева,

*канд. мед. наук, руководитель – главный эксперт по медико-социальной экспертизе
ФКУ «ГБ МСЭ по Удмуртской Республике» Минтруда России,*

Н. М. Попова,

*д-р мед. наук, профессор, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,*

Е. Г. Ажмякова,

*врач по медико-социальной экспертизе Экспертного состава № 1
ФКУ «ГБ МСЭ по Удмуртской Республике» Минтруда России,
г. Ижевск*

Роль родителей (законных или уполномоченных представителей) в реализации мероприятий, рекомендованных в индивидуальной программе реабилитации или абилитации ребенка-инвалида

Согласно статьям 67.1 и 38 Конституции Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей.

В соответствии со статьей 7 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ государство признает охрану здоровья детей как одно из важнейших и необходимых условий физического и психического развития детей. Дети, независимо от их семейного и социального благополучия, подлежат особой охране, включая заботу об их здоровье и надлежащую правовую защиту в сфере охраны здоровья, и имеют приоритетные права при оказании медицинской помощи.

В соответствии со статьей 9 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ комплексная реабилитация и абилитация инвалида – оптимальное для каждого инвалида сочетание мероприятий и услуг по основным направлениям комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, которые направлены на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности инвалида в целях его социальной адаптации, в том числе достижения им материальной независимости, и интеграции в общество. Комплексная реабилитация и абилитация обеспечиваются преемственностью реализации мероприятий и оказания услуг по основным направлениям на основе межведомственного взаимодействия всех участвующих в данном процессе федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъекта Российской Федерации, реабилитационных организаций.

Комплексная реабилитация и абилитация инвалидов, в том числе детей-инвалидов, включает в себя следующие основные направления:

- 1) медицинская реабилитация, санаторно-курортное лечение, осуществляемые в соответствии с установленным законодательством Российской Федерации порядком;
- 2) протезно-ортопедическая помощь инвалидам (протезирование, ортезирование, слухопротезирование);
- 3) профессиональная реабилитация и абилитация инвалидов – с 14 лет (профессиональная ориентация, содействие в получении общего образования и профессионального образования, прохождении профессионального обучения, трудоустройстве (в том числе на специальных рабочих местах), производственная адаптация, сопровождаемая трудовая деятельность);
- 4) социальная реабилитация и абилитация инвалидов (социально-средовая, социально-педагогическая, социально-психологическая, социально-бытовая реабилитация и абилитация и социальная занятость);
- 5) социокультурная реабилитация и абилитация инвалидов, осуществляемые в соответствии с настоящим Федеральным законом и Основами законодательства Российской Федерации о культуре;
- 6) физическая реабилитация и абилитация инвалидов с использованием средств физической культуры и спорта (физкультурно-оздоровительных мероприятий, спорта, средств и методов адаптивной физической культуры и адаптивного спорта), осуществляемые в соответствии с настоящим Федеральным законом и законодательством о физической культуре и спорте;
- 7) ранняя помощь детям и их семьям;
- 8) обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации.

Перечень рекомендованных реабилитационных мероприятий инвалиду (ребенку-инвалиду) определен индивидуальной программой реабилитации и абилитации (далее – ИПРА) ребенка-инвалида.

Индивидуальная программа реабилитации и абилитации ребенка-инвалида – комплекс оптимальных для инвалида мероприятий и услуг по основным направлениям реабилитации, который предусматривает сроки и порядок реализации таких мероприятий и оказания таких услуг. Цель направлена на восстановление, компенсацию нарушенных функций организма, формирование, восстановление, компенсацию способностей инвалида к выполнению определенных видов деятельности. ИПРА является обязательной для исполнения соответствующими органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности.

В соответствии со статьей 11 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ ИПРА имеет для инвалида рекомендательный характер, он вправе отказаться от того или иного вида, формы и объема реабилитационных мероприятий, а также от реализации программы в целом, но в соответствии со статьей 65 Семейного кодекса Российской Федерации родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей, что может свидетельствовать о недопущении отказов родителей (законных или уполномоченных представителей) детей-инвалидов от мероприятий и услуг по основным направлениям комплексной реабилитации и абилитации инвалидов.

Дети-инвалиды являются одной из наиболее уязвимых категорий и с возрастом с большим трудом приспособляются к неблагоприятным социальным изменениям. При этом нередко уход за детьми-инвалидами занимает у родителей (законных, уполномоченных представителей) основную часть времени, вследствие чего они не могут трудоустроиться, а у самих детей отмечаются проблемы при получении необходимых услуг, в том числе по реабилитации и образованию. Остаются актуальными вопросы профилактики детской инвалидности, организации их комплексной реабилитации и абилитации, направленных на устранение или компенсацию ограничений жизнедеятельности в целях их социальной адаптации, включая интеграцию в общество, а также оценки эффективности реабилитационных мероприятий на каждом этапе.

Отказываясь от реабилитационных мероприятий, родители (законные или уполномоченные представители) не учитывают высокий реабилитационный потенциал у детей, отказываются от возможности восстановления или компенсации нарушенных функций, снижения степени имеющихся у ребенка-инвалида ограничений жизнедеятельности, что может привести к прогрессированию заболевания и развитию осложнений. Кроме вреда здоровью наносится социальный вред, ребенка с тяжелыми нарушениями функций помещают в специализированный дом-интернат на государственное обеспечение. Согласно статье 1073 Гражданского кодекса РФ за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим четырнадцати лет (малолетним), отвечают его родители (усыновители) или опекуны. Умышленное причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью наказуется в соответствии со статьями 111–112 Уголовного кодекса РФ.

При повторном проведении МСЭ детям-инвалидам специалистами бюро и экспертных составов производится оценка эффективности проведенных реабилитационных или абилитационных мероприятий, рекомендованных в ИПРА ребенка-инвалида.

Использование механизма межведомственного взаимодействия между учреждениями медико-социальной экспертизы и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации позволяет получить информацию об исполнении рекомендованных реабилитационных мероприятий в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» (далее – ГИС ЕЦП) без участия инвалида.

Проведен анализ исполнения основных направлений реабилитационных или абилитационных мероприятий, рекомендованных в ИПРА ребенка-инвалида за 2025 год.

По данным ГИС ЕЦП в 2025 г. переосвидетельствовано 1469 детей-инвалидов, результаты исполнения мероприятий ИПРА от органов исполнительной власти субъекта РФ представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Показатели исполненных реабилитационных мероприятий органами исполнительной власти за 2025 год

Органы исполнительной власти УР	Исполнено мероприятий (%)
Министерство здравоохранения	24,2
Министерство социальной политики и труда (по профессиональной реабилитации)	36,3
Министерство образования и науки	8,9
Министерство социальной политики и труда (по социальной реабилитации)	1,1
Министерство спорта и молодежной политики	0,7
Министерство культуры	0

Причиной невыполнения мероприятий ИПРА явилось отсутствие обращений родителей (законных или уполномоченных представителей), а также отказы от исполнения тех или иных реабилитационных мероприятий.

1 января 2025 года в Удмуртской Республике стартовал пилотный проект по оказанию услуг по комплексной реабилитации и абилитации (далее – пилотный проект) детям в возрасте 4–17 лет, впервые признанным инвалидами, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2021 № 2339 «О реализации пилотного проекта по оказанию услуг по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов».

Реализация пилотного проекта осуществляется путем приобретения услуг по комплексной реабилитации и абилитации в пользу детей-инвалидов в стационарной и полустационарной форме, с использованием электронного сертификата. Реабилитационные организации оказывают данные услуги в соответствии со стандартами, разработанными для детей-инвалидов с определенными нарушениями функций организма. Стандарты предоставления услуг по КРА детей-инвалидов утверждены приказами Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 февраля 2025 г. № 58н, № 59н, № 60н. Все реабилитационные организации, участвующие в пилотном проекте, соответствуют критериям и условиям для предоставления услуг по КРА, имеют соответствующий штат специалистов и оборудование.

За 2025 год количество детей в возрасте от 4 до 17 лет, впервые признанных инвалидами, составило 647 человек, из них количество детей-инвалидов, имеющих показания к КРА и не имеющих противопоказаний – 601 человек. Дети-инвалиды, которым при проведении МСЭ были установлены противопоказания, составили 7 % (46 человек).

Несмотря на то, что специалисты МСЭ при очном освидетельствовании совместно с представителями реабилитационных организаций разъясняют механизм получения реабилитационных услуг, выдают памятки, предоставляют возможность выбора реабилитационных организаций и времени прохождения реабилитации (в течение 11 месяцев), 11 % родителей (законных или уполномоченных представителей) отказались от участия в пилотном проекте на этапе проведения МСЭ. 8,5 % – на этапе предварительной записи на курс реабилитации, 5,9 % не явились на реабилитацию.

Среди детей-инвалидов, родители (законные или уполномоченные представители) которых отказались от участия в пилотном проекте, доля детей старше 10 лет составила 56,3 %. Возможно, родители (законные или уполномоченные представители) отказываются от услуг по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов в рамках пилотного проекта, не учитывая мнение ребенка, что идет в разрез со статьей 57 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которой учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

На 31.12.2025 Учреждением получены и проанализированы данные на 186 детей-инвалидов, завершивших курс реабилитации в рамках пилотного проекта (30,9 %). В 184 случаях (98,9 %) услуга по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов эффективна, в 2 случаях (1,1 %) – не эффективна. Из 601 ребенка-инвалида, имеющего показания к реабилитации, 184 ребенка (30,6 %) завершили курс реабилитации с положительными результатами.

Также важным механизмом управления пилотным проектом стала обратная связь от родителей (законных представителей) детей-инвалидов. Мониторинг удовлетворенности родителей (законных представителей) детей-инвалидов услугой позволил оценить ожидания и требования потребителей по таким критериям, как открытость и доступность информации об услуге, комфортность и доступность получения услуги, своевременность и полнота оказанной услуги, качество оказанной услуги, удовлетворенность использованием электронного сертификата.

Такой подход к реабилитации обеспечил достижение положительных социальных эффектов. 100 % родителей (законных представителей) детей-инвалидов удовлетворены качеством оказанной услуги в рамках реализации пилотного проекта, практически все выразили желание повторно обратиться в реабилитационные организации для получения услуги по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов.

Данный факт свидетельствует о том, что эти услуги являются важными с точки зрения достижения социальной адаптации и интеграции детей-инвалидов, востребованными со стороны родителей (законных представителей) детей-инвалидов и эффективными.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в реализации мероприятий по исполнению ИПРА проблемным моментом является отсутствие обращаемости родителей (законных или уполномоченных представителей) детей-инвалидов, а в случае реализации мероприятий пилотного проекта – большое количество отказов родителей (законных или уполномоченных представителей) от услуг по комплексной реабилитации и абилитации.

М. В. Ожиганова,

*канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
г. Екатеринбург*

Правовые аспекты профилактики буллинга в школе

Законодательство Российской Федерации в настоящий момент не использует термины «буллинг» или «травля», хотя в общественном дискурсе регулярно поднимается тема буллинга и обсуждаются вопросы его правового регулирования, прежде всего в отношении ребёнка. Защита ребенка от любых форм насилия и давления напрямую вытекает из общих обязанностей родителей.

В силу части 2 статьи 54 Семейного кодекса РФ ребенок имеет права на обеспечение его интересов и уважение его человеческого достоинства. Статья 56 Семейного кодекса РФ фиксирует право ребёнка на защиту прав и законных интересов, возлагая соответствующую обязанность на родителей. Последующие нормы закрепляют названные позиции: родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (ст. 63 СК РФ). Буллинг напрямую угрожает психическому и (или) физическому здоровью ребёнка, поэтому прямая законная обязанность родителей выступать в защиту прав и интересов своего ребёнка перед любыми физическими и юридическими лицами (включая школы, учителей и родителей обидчиков) без специальных полномочий. Причинение вреда психическому и физическому здоровью ребёнка и самими родителями недопустимо, включая ситуации игнорирования травли (буллинга), бездействия или избрания жестоких методов «закалки и воспитания личности».

Буллинг в образовательной среде представляет собой серьёзное нарушение прав ребенка, в том числе на защиту от всех форм жестокого обращения и пренебрежения (статья 19 Конвенции о правах ребенка), на безопасные условия жизнедеятельности и сохранения здоровья в образовательных организациях, обеспечение защиты от насилия и травли. Под безопасными условиями обучения и воспитания важно понимать не только физическую безопасность, но и психическое здоровье ребёнка, необходимое для полного и гармоничного развития личности. В настоящее время не утратил свою актуальность фильм Р. Быкова «Чучело», который вышел на экран около сорока лет назад. Проблемы, раскрываемые в фильме, не теряют свою актуальность и на сегодняшний день. В центре внимания – буллинг! С нашей точки зрения, буллинг и травля представляются синонимами и предполагают длительное физическое или психологическое насилие.

Сложившаяся ситуация требует как психолого-педагогической подготовки, так и правового просвещения взрослых. Учебные программы подготовки педагогов, психологов содержат вопросы, необходимые для формирования компетенций для работы с детьми разного возраста. В свою очередь, полностью отсутствует подготовка к родительству, родители используют привычный стиль воспитания. В ситуации, когда родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей (ст. 63 СК РФ), без психолого-педагогической подготовки мы из поколения в поколение можем воспроизводить негативные тенденции в воспитании детей. Иногда приходится слышать, что дети всегда ведут себя достаточно жестоко, что со временем всё уляжется, и иные конформистские утверждения. Представленная позиция указывает на педагогическую и правовую неготовность взрослых брать ответственность за негативные явления, включая буллинг. В то же время социологические опросы и иные исследования указывают на то, что не менее 70 % школьников не понаслышке знают, что это такое, жертвы буллинга приходят, могут прийти к самоубийству и (или) шуттингу, что указывает на необходимость внимательного изучения этого явления и придания ему правовой оценки.

Оказание помощи родителям (законным представителям) несовершеннолетних обучающихся в воспитании детей, охране и укреплении их физического и психического здоровья, развитии индивидуальных способностей и необходимой коррекции нарушений их развития (ст. 44 ФЗ-273) должно читаться как обязанность соответствующих субъектов. Например, и родители, и сотрудники школы не всегда осознают разницу и важность реагирования на насилие, которое должно рассматриваться как уголовное преступление, и насилие, с которым должна бороться сфера образования. С другой стороны, не всегда и родители, и педагоги различают буллинг (травлю) и конфликт. Конфликт можно попробовать разрешить через применение медиативных технологий, как рекомендуется письмами Минпросвещения России от 28.04.2020 № ДГ-375/07, от 19.12.2025 № ВЖ-2479/08. В свою очередь, психологи настаивают на недопустимости применения медиативных технологий и (или) примире-

тельных бесед в ситуации буллинга. При травле этот подход только придаст силы зачинщику и обострит травму жертвы и иных участников, в том числе и потому, что травля приобретает систематический характер, одно лицо становится объектом противоправного насилия регулярно, находясь в уязвимом положении, чем ему причиняется психологический и физический вред. Специалисты отмечают, что зачинщик травли, как правило, сам находится в зоне унижения, в семье является жертвой и терпит издевательства от старших. Агрессорами могут стать подростки-одиночки, обделенные вниманием со стороны взрослых. Ребенок чувствует себя никому не нужным, накапливаются обида и злость, которые он потом вымещает на других детях. Поэтому важно работать и с этой категорией семей. Юридическое закрепления понятия «буллинг» и ограничение его от любого гражданского, административного или уголовного конфликта позволит использовать соответствующие меры реагирования, пресечения противоправной ситуации. Закрепление запрета буллинга на нормативном уровне будет иметь и превентивное значение. Родители должны осознавать важность выявления и установления соответствующей ситуации, школу необходимо обеспечить организационно-правовыми инструментами не только предотвращения, но и пресечения насилия как со стороны педагогов, так и между всеми участниками образовательных отношений, на что были направлены поправки в законодательстве об образовании от 19.12.2023 № 618-ФЗ, например. На современном этапе развития мы понимаем, что буллинг не допустим в образовательной среде, и в силу закона образовательная организация обязана создать необходимые условия по обеспечению безопасности ребёнка. Негативные последствия буллинга отмечает Н. Г. Супрун¹⁷¹: ученики не могут сконцентрироваться на учебе, пропускают занятия, избегают социальной активности, что негативно сказывается на здоровье и благополучии учащихся и делает учебные заведения небезопасными.

Несмотря на отсутствие нормативного закрепления понятия, Министерство просвещения РФ несколько лет назад фактически официально признало существование проблемы и предприняло попытку сформулировать данное понятие в распоряжении от 25.12.2019 № Р-145: буллинг – проявление агрессии, в том числе физическое насилие, унижение, издевательства в отношении обучающегося образовательной организации со стороны других обучающихся и/или учителей. Формы школьного буллинга могут быть различными: социальный, вербальный, физический и психический и др. Ребёнок имеет право приходить в школу без страха и ожидания регулярного насилия и оскорблений. Возможно, пришло время признать наличие проблемы на законодательном уровне и принять юридические нормы, направленные прежде всего на предотвращение такой формы поведения. Решение рассматриваемой проблемы в настоящий период видится и в возможной реализации носящих профилактический характер комплекса мероприятий для всех участников образовательного процесса. В данном контексте образовательная организация становится организатором соответствующей группы правоотношений, и нормы закона об образовании (п. 3 ч. 1 ст. 3, п. 2 ч. 6, ч. 7 ст. 28, п. 9 ч. 1 ст. 34, п. 8 ч. 1 ст. 41, ст. 43, п. 4 ч. 1 ст. 48) позволяют школе осознать ответственность и использовать предусмотренные полномочия без ожидания изменения законодательства. Хорошие результаты может дать введение «разговоров о важном» для родителей (основание ч. 2 ст. 44 ФЗ-273), развитие реального самоуправления в школе, когда ребятам предоставляется возможность самостоятельно сформулировать правила поведения и взаимодействия в коллективе, а также общее повышение правовой грамотности всех участников образовательных отношений.

В определённом объёме предусмотрена ответственность за те или иные формы буллинга: наказание за оскорбление в статье 5.61, побои в статье 6.1.1. КоАП РФ, ст. 110 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Возраст привлечения к ответственности по данным статьям начинается с 16 лет, но вспомним фильм... Нередко первый опыт буллинга психологи фиксируют уже в начальной школе. Понятно, что юристы работают с последствиями травли и только по достижении предусмотренного законом возраста. Может быть, стоит привлекать к административной ответственности тех участников отношений, которые несут ответственность за воспитание и обеспечение условий безопасности при организации учебного процесса (родителей и школу), чтобы вовремя и должным образом реагировали при выявлении проблемы, а не пытались от неё спрятаться. Например, если отец и мать «агрессора» явно не справляются со своими обязанностями, их можно привлечь за неисполнение родителями обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних.

¹⁷¹ Супрун Н. Г., Гурьянова И. В. Общешкольный подход по предотвращению буллинга // Вестник НЦБЖД. 2023. № 3 (57). С. 75–80.

Проблема буллинга должна заинтересовать всех взрослых, которые напрямую взаимодействуют с детьми. Предотвращение травли становится гораздо эффективнее при работе с родителями и учителями, – отмечают Н. Е. Водопьянова и А. В. Глебова¹⁷². Иногда сами взрослые неосознанно создают условия, способствующие ситуации травли, например, создавая конкурентную среду, забыв обучить взаимоуважению и поддержке. В области психологии уже разработаны модели профилактики и эффективной работы с участниками травли, пришло время обсуждения механизма правового регулирования профилактики насилия среди детей, поиска правового инструмента пресечения буллинга, что неизбежно потребует юридического понимания буллинга как явления, его различных форм, юридической процедуры выявления и фиксации события, оперативного принятия решения, ответственных субъектов. Исходя из опыта Казахстана, М. О. Жолдыбаева¹⁷³ отмечает, что «такой законодательный акт должен быть структурирован из достаточно сформулированной гипотезы, не исключая ни единого случая, при которых правонарушение может быть совершено». Участие в школьных издевательствах может быть предиктором будущего антисоциального и криминального поведения, поэтому профилактика школьного насилия и травли должна рассматриваться в контексте профилактики правонарушений в целом. Также подобный опыт может стать причиной формирования зависимости от алкоголя, никотина и наркотических веществ. Профилактика травли направлена на обеспечение безопасного детства, гарантируемого государством. При этом не только руководители в образовании, учителя, воспитатели, но и родители (законные представители) должны понимать соответствующую обязанность.

Основой профилактики травли является информирование о проблеме, изучение её причин и следствий. Профилактика необходима для создания безопасной обстановки в школах, для гармоничного развития ребёнка и привития ему положительных качеств для взаимодействия в обществе. Родители в сотрудничестве со школой, не дожидаясь специального регулирования, могут использовать потенциал действующего законодательства. Через локальное нормотворчество можно поддерживать дисциплину на основе уважения человеческого достоинства и обучающихся, и педагогических работников, а также транслировать внедрение общешкольной политики недопустимости буллинга в любой его форме, грамотное и безопасное поведение в социальных сетях. Школа располагает потенциалом формирования навыков ненасильственного поведения, усвоения моделей взаимного уважения и поддержки. Школы также имеют хорошие возможности и ресурсы для обучения детей и подростков навыкам, необходимым им для общения, ведения переговоров и мирного разрешения проблем. Актуальным становится концепция реальной жизни ребёнка, а не подготовка к будущей, ребёнок должен осознавать риски и ответственность за принимаемые решения и выбор формы поведения, что может быть реализовано в трудовой деятельности, волонтерской, туристических походах и др.

Все участники образовательных отношений (сотрудники, обучающиеся и их законные представители) реализуют совместные практики по обеспечению понимания и совершенствования навыков здорового межличностного общения, развития общих ценностей культуры поведения. Ведь культура означает преемственность, историческую память, сохранение цивилизационного опыта, как писал академик Ю. М. Лотман, она всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. На фоне разрешения задачи исключения буллинга из сферы образования обязательными для исследования становятся и сущностные вопросы: цель, задачи образования и деятельности образовательных организаций, правового статуса педагога, законного представителя и формирования концепции ответственности обучающегося в образовательной организации (возможно, ювенальной ответственности). При этом детей нельзя прятать в мифический мир, создавая максимально «условную» безопасность, в условиях которой сложно социализироваться и адаптироваться в окружающем мире. Последние изменения в законодательстве, направленные на развитие навыков самообслуживания и общественно полезного труда, выглядят как рациональные, но не смогут обеспечить заложенный в них потенциал без пересмотра вышеназванных позиций, связанных с развитием чувства ответственности у всех участников образовательных отношений. Не менее важным является необходимость разработки и внедрения ясных и конкретных законодательных рамок, определяющих понятие буллинга и наказание за его проведение.

¹⁷² Водопьянова Н. Е., Глебова А. В. Психологические причины и технологии противодействия девиантным формам поведения в молодежной субкультуре (буллинг и кибер-буллинг) // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020) : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 100–105.

¹⁷³ Жолдыбаева М. О. Школьный буллинг в Казахстане: сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 8-1 (76). С. 106–110.

В. С. Палевич,

*обучающийся ФГНИУ «Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».
Научный руководитель: Н. В. Петрухина, канд. экон. наук, доцент,
г. Москва*

Сравнительно-правовой анализ договора суррогатного материнства в Российской Федерации и зарубежных странах

Исследуемый метод вспомогательных репродуктивных технологий – суррогатное материнство получил широкое применение не только в России, но и в других зарубежных государствах. В последние годы количество случаев применения суррогатного материнства имеет тенденцию к значительному росту, что связано как с совершенствованием методик репродуктивной медицины, так и с широкой оглаской в средствах массовой информации перспектив использования данной процедуры.

Стоит отметить, что мировое сообщество к процедуре суррогатного материнства относится крайне неоднозначно. Проанализировав законодательство стран как романо-германской, так и англосаксонской правовых систем, было выделено несколько подходов к вопросу существования института суррогатного материнства. Например, государства, в которых на законодательном уровне запрещено суррогатное материнство, которыми являются Германия, Нидерланды и Франция. Также были выделены государства, позволяющие использовать процедуру суррогатного материнства только на некоммерческой основе, например: Израиль, Дания и Канада. Помимо этого, необходимо отметить государства, предусматривающие возможность применения процедуры суррогатного материнства как на возмездной, так и на безвозмездной основе, к ним относятся Казахстан и Белоруссия. И, наконец, государства, в которых суррогатное материнство имеет место быть, но законодательством не регулируется, например: Бельгия, Греция, Ирландия.

Господствующий в той или иной стране подход к возможности использования института суррогатного материнства сформировался в том числе путем воздействия национальных традиций, устоев и обычаев.

В некоторых государствах, в отличие от Российской Федерации, приняты специализированные законы, регулирующие применение вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства. В Республике Беларусь данные отношения регулируются Законом от 7 января 2012 года «О вспомогательных репродуктивных технологиях»¹⁷⁴. Также особого внимания заслуживает Израильский Закон «О договорах по вынашиванию ребенка»¹⁷⁵, отличающийся качественной юридической техникой. В нем дается дефиниция договора суррогатного материнства, определен его альтруистический характер, четко регламентирован статус ребенка и процесс его передачи потенциальным родителям, а также данный акт содержит положения об ответственности суррогатной матери в случае нарушения условий договора.

Тем не менее данные законодательные акты зарубежных государств не являются совершенными и не регулируют все вопросы, которые могут возникнуть при применении процедуры суррогатного материнства. Однако при возникновении споров существует достаточное количество норм, к которым можно апеллировать при решении конфликтных ситуаций.

Довольно интересным представляется тот факт, что немецкое законодательство относится к суррогатному материнству крайне категорично. В 1991 году вступил в законную силу Акт о защите эмбрионов¹⁷⁶. Названным документом было запрещено использование процедуры суррогатного материнства, нарушение данного запрета рассматривается как уголовное преступление, так как суррогатное материнство в немецком законодательстве представляется как нарушение моральных и этических принципов. Аргументы в подтверждение столь радикальной позиции состоят в следующем: недопустимо разделение биологического и социального материнства, ведь оно в подавляющем большинстве случаев может приводить к проблеме идентичности ребенка и возникновению спорных ситуаций между сторонами данного соглашения. Данный запрет порождает такое явление как «репродуктивный туризм», в связи с которым возможно рождение ребенка путем использования процедуры суррогатного материнства в другом государстве.

¹⁷⁴ О вспомогательных репродуктивных технологиях : Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2012. № 8, 2/1893.

¹⁷⁵ О договорах по вынашиванию ребенка : Закон Израиля [Электронный ресурс]. URL: <http://main.knesset.gov.il/ru/activity/Pages/BasicLaws.aspx> (дата обращения: 20.04.2024).

¹⁷⁶ Gesetz zum Schutz von Embryonen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/> (дата обращения: 20.04.2024).

Стоит отметить, что в современном международном обществе распространяется практика заключения договоров суррогатного материнства между гражданами разных государств. Данное явление порождает возникновение коллизий, ответ на которые не удастся найти в действующем законодательстве одной страны. Поэтому представляется целесообразным разработку унифицированного международного акта, который позволит регулировать подавляющее большинство спорных вопросов, возникающих при заключении договора суррогатного материнства и имеющих правовую составляющую.

На основе анализа нормативных правовых актов разных государств и научной литературы был сделан вывод, что мировое сообщество действительно по-разному относится к институту договора суррогатного материнства. В тех странах, где разрешено применение вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства, выработан комплексный подход к регулированию данного института, приняты специализированные законодательные акты. Стоит отметить, что изучение зарубежной практики регулирования института суррогатного материнства заслуживает особого внимания и изучения в целях поиска возможных решений для преодоления проблем отечественного законодательства в области суррогатного материнства.

Тем не менее нельзя не выделить наиболее развитое государство в области применения суррогатного материнства, которым является Соединенные Штаты Америки (далее – США). В данном государстве нет единого федерального законодательства, которое регулирует вопросы суррогатного материнства, каждый штат устанавливает свои правовые нормы¹⁷⁷. На данный момент 47 штатов разрешают гестационное суррогатное материнство¹⁷⁸. Флорида, Виргиния и Вашингтон допускают традиционное суррогатное материнство. Причем в части штатов разрешается применение процедуры суррогатного материнства в связи с тем, что отсутствует прямой законодательный запрет.

Наибольший интерес представляют правовые нормы, регламентирующие вопросы суррогатного материнства в штате Калифорния. В первую очередь по сравнению с российским законодательством субъектами договора суррогатного материнства в данном штате может быть наиболее обширный перечень лиц, к которым относятся физические лица как состоящие, так и не состоящие в браке, в том числе и однополые пары, существование которых легализовано.

Законодательство Калифорнии также содержит положения о существенных условиях данного договора, которые нормативно не определены в Российской Федерации. К таким условиям относятся следующие: дата заключения соглашения; лица, от которых произошли гаметы или имя донора, тип заимствованного материала; личностная характеристика инициатора процедуры суррогатного материнства; данные о материальном обеспечении рожденного ребенка и суррогатной матери. Несомненно, наличием данной информации не ограничивается содержание договора суррогатного материнства, стороны по соглашению между собой могут предусмотреть и иные условия. Причем после согласования всех существенных условий данный договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению.

Наиболее значимым отличием, выявленным при анализе законодательства Калифорнии, посвященного суррогатному материнству, является процедура регистрации ребенка и запись лиц в качестве потенциальных родителей или родителя в свидетельстве о рождении.

В Российской Федерации при регистрации ребенка, рожденного благодаря применению процедуры суррогатного материнства, в органы ЗАГС необходимо предоставить также письменное согласие женщины, родившей ребенка. При отсутствии данного волеизъявления запись в органах записи актов гражданского состояния не может быть осуществлена, и ребенок может остаться у суррогатной матери. Такие ситуации порождают различные судебные разбирательства, в которых будет рассматриваться дальнейшая судьба рожденного по договору суррогатного материнства ребенка.

В США, в частности штате Калифорния, данный вопрос решается иным путем. Прецедентом для выработки такого подхода было судебное решение Калифорнийского суда 1993 года по делу «Джонсон против Кальверта»¹⁷⁹. Данным решением суд постановил, что предполагаемые родители являются законными родителями новорожденного, потому что имеют с ним генетическую связь. Суррогатная мать Джонсон в данном случае получила правовой статус «няни», которой на время был доверен ребенок. Названное судебное решение кардинально изменило правовую ситуацию не только в Калифорнии, но и во всех штатах. С этого момента естественной матерью считается та женщина, которая намеревалась произвести на свет ребенка. В таком случае исключается возможность оставления новорожденного у суррогатной матери, ведь ей не принадлежат никакие права по отношению к нему.

¹⁷⁷ Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / пер. с англ. ; сост. В. И. Лафитский ; под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидков. М. : Прогресс-Универс. 1993.

¹⁷⁸ Запольский С. В., Пестрикова А. А. Российское и зарубежное законодательство о суррогатном материнстве – сравнительно-правовой анализ: конституционные и организационно-правовые аспекты // Журнал юридических исследований. 2021. № 1. С. 55.

¹⁷⁹ Johnson v. Calvert – 5 Cal. 4th 84, 19 Cal. Rptr. 2d 494, 851 P.2d 776 (1993) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-johnson-v-calvert> (дата обращения: 07.04.2024).

Также стоит отметить, что в Калифорнии предусмотрено осуществление регистрации ребенка, появившегося на свет благодаря процедуре суррогатного материнства, в судебном порядке. Причем такая регистрация возможна как до рождения ребенка, так и после. Данное судебное решение устанавливает отношения между предполагаемыми родителями или родителем и детьми, которые должны родиться в связи с применением суррогатного материнства. Важно отметить, несмотря на возможность вынесения решения о регистрации до появления новорожденного на свет, эти решения не вступают в законную силу до момента рождения ребенка¹⁸⁰. Данная возможность регистрации ребенка в судебном порядке способствует установлению дополнительной гарантии его передачи потенциальным родителям.

Таким образом, в США не существует единообразного законодательства, регулирующего вопросы суррогатного материнства, не выработана единая общенациональная правовая политика в отношении этого института. В зависимости от штата суррогатное материнство может быть как запрещено вовсе, так и разрешено, причем даже детально урегулировано. Наибольший интерес при исследовании данного вопроса вызвало законодательство штата Калифорния. Благодаря судебной практике был выработан важнейший прецедент, который позволяет решить проблему определения естественной матери, которой является генетическая мать. Соответственно, правовое регулирование договора суррогатного материнства в штате Калифорния представляется довольно удачным и соответствующим современным тенденциям развития мирового сообщества в данной области.

Действительно, в настоящее время область вспомогательных репродуктивных технологий, в частности суррогатного материнства, активно развивается, разрабатываются новые методы преодоления бесплодия, медицинские учреждения оснащаются новым оборудованием, применение данных процедур становится более доступным. Возможность применения процедуры суррогатного материнства позволяет семьям и одиноким женщинам, не имеющим возможности иметь детей по медицинским показаниям, обрести статус родителей. Но тем не менее правовое регулирование института суррогатного материнства и лежащего в его основе договора не отвечает потребностям практического применения.

В Российской Федерации не существует специального нормативного акта, в полной мере регулирующего правоотношения между сторонами договора суррогатного материнства. Существующие положения устанавливают порядок регистрации детей, рожденных при использовании методов искусственного оплодотворения, а также включают медицинские аспекты, но практически не охватывают содержание договорных отношений между сторонами соглашения. Институт суррогатного материнства широко распространен не только в Российской Федерации, но и за рубежом. В одних государствах заключение договора суррогатного материнства строго запрещено, а в других существует обширная правовая база, регулирующая отношения, возникающие между сторонами заключаемого соглашения. Поэтому изучение зарубежной практики нормативного регулирования договора суррогатного материнства заслуживает существенного внимания для определения перспектив совершенствования российского законодательства в данной сфере.

Г. М. Певзнер,

обучающийся Института права,

социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: О. А. Сегал, канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

Правовой статус эмбриона и репродуктивная автономия

Российская Федерация является правовым государством, в котором на законодательном уровне гарантирована защита прав и свобод каждого человека и гражданина. Данный принцип реализуется без какой бы то ни было дискриминации, независимо от пола, возраста и иных обстоятельств или личных характеристик¹⁸¹.

¹⁸⁰ Ярцева Д. Д. Договор суррогатного материнства: сравнительно-правовой аспект // Эволюция российского права: Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. С. 755.

¹⁸¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63e80946702f/ (дата обращения: 25.12.2025).

Эта правовая парадигма была заложена в фундамент современного российского законодательства с момента его становления и является одной из его основополагающих ценностей.

Тем не менее в наш прогрессивный век наблюдается парадоксальная ситуация. Существует ряд конкретных сфер и вопросов, где декларируемые права на практике не получают полноценной защиты. В этих областях они либо подвергаются определённым правовым ограничениям, либо, что случается чаще, их реализация остаётся проблематичной и зачастую игнорируется.

Одной из таких сложных и дискуссионных сфер является область репродуктивных прав, а именно правовой статус эмбриона (плода) и соотношение с ним прав и обязанностей мужчины (биологического отца), где возникает очевидный правовой дисбаланс, является вопрос о юридических правах мужчины в контексте беременности. Речь идёт о его правовом статусе и возможностях влиять на решения, касающиеся эмбриона и плода, выношенного в результате совместного зачатия.

В частности, в действующем правовом поле существует значительный пробел в регулировании так называемого «права мужчины на эмбрион и плод». Этот комплексный вопрос охватывает целый спектр ситуаций: от права быть информированным о факте беременности и права участвовать в принятии решения о её сохранении или прерывании до потенциальных прав и обязанностей в случае, если беременность протекает против воли мужчины или, наоборот, прерывается против его воли. В настоящее время эти аспекты либо не имеют чёткого законодательного закрепления, либо их трактовка целиком и полностью ставит решение в зависимость от волеизъявления женщины, что и формирует область правовой неопределённости и ограничения как и для мужчины, так и для не родившегося человека.

Мы же решили рассмотреть последнюю часть вопроса, а именно сферу определения правового статуса эмбриона и плода, а также права мужчины на сохранение ребёнка в случае несогласия женщины на продолжение беременности и право совершить «мужской аборт» на ранних стадиях беременности.

Рассмотрим всё по порядку, в первую очередь в Российском законодательстве не указан конкретный вопрос о становлении эмбриона и плода и фактическое обозначение временного промежутка. Единственное максимально приближенное к этому вопросу – так это Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», статья 56 (Искусственное прерывание беременности) которого указывает только максимальный срок, то есть 12 недель¹⁸². Если сослаться на медицинскую часть вопроса, то она говорит следующее: эмбрион становится плодом с момента начала формирования мозга, то есть с 7–8 недели беременности¹⁸³.

Из-за этого исходит, что с точки зрения медицины человек в период с момента зачатия по 7–8 неделе беременности является эмбрионом, а после этого временного промежутка он уже является плодом. С точки зрения же закона период нахождения человека в состоянии эмбриона продлевается до 12 недель, и то это фактическая трактовка, и мы не можем вообще иметь понятия, на каком основании в законе написана именно эта временная часть.

С этой проблемой относительно просто справиться, нужно лишь разработать законодательное объяснение периода, когда человек переходит из стадии эмбриона в плод, чтобы не мучиться с этим вопросом, можно взять медицинские-акушерские обоснования стадий развития человека в матке¹⁸⁴.

Закончив с текущим вопросом, перейдём к вытекающему из него вопросу, а именно права мужчины на сохранение ребёнка в случае несогласия женщины на продолжение беременности и право, так сказать, совершить «мужской аборт» на ранних стадиях беременности.

Сошлёмся также на ранее упомянутый федеральный закон и его статьи. В первом пункте этой статьи указано: «Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия», то есть женщина фактически самолично решает вопрос о жизни будущего человека, и отец вообще не имеет право как-либо препятствовать или «отказаться», как может делать это женщина¹⁸⁵. Это создаёт проблему в сфере насилия, например того, что женщина может насильно

¹⁸² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Статья 56. Искусственное прерывание беременности [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/5e5a1accf6b1df97f5fcb684e12cab5fee05e25/ (дата обращения: 25.12.2025).

¹⁸³ Тургунова М. Б. Хурсаной М. Анатомо-физиологические особенности развития плода в матке [Электронный ресурс] // САЖАР. 2025. № 4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anatomo-fiziologicheskoe-osobennosti-razvitiya-ploda-v-utrobe-materi> (дата обращения: 25.12.2025).

¹⁸⁴ Еремеева О. И., Сайфуллина Н. А. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека [Электронный ресурс] // Инновационная наука. 2016. № 3-2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-pravovom-polozhenii-embriona-cheloveka> (дата обращения: 25.12.2025).

¹⁸⁵ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Статья 56. Искусственное прерывание беременности [Электронный

принудить мужчину к незащищенному половому акту, следствием которого является беременность (что случается достаточно часто и также часто игнорируется органами правопорядка)¹⁸⁶.

Я согласен, ответственность за ребёнка должны нести оба родителя, но тогда и оба родителя должны в равной степени иметь то же право на отказ от него или право на его сохранение. Хотя эта идея отчасти является фантастичной, но всё же в международной практике она присутствует, как пример можно привести страны Скандинавии, частично такой закон был пропущен в чтение местным законодательным органом. В Швеции предлагалось мужчинам наравне с женщиной, с которой они не состоят в заключённом браке, отказаться от ребенка на сроке, равном женскому, то есть 18 недель, с возмещением на воспитание ребенка в сумме равной 50 кратной сумме средней годовой заработной плате отца, совершающего подобную «процедуру». Закон не прошёл дальше в чтении из-за действий радикально-феминистических организаций и радикально правых организаций¹⁸⁷.

Разобрав эту часть, переходим к последнему вопросу, а именно – право на так называемое «Вето» на решение сделать аборт, принятое женщиной. С точки зрения закона также только женщина имеет право распоряжаться правом на ребёнка, но стоит помнить и про мужчину, который непосредственно участвует в процессе зачатия. Стоит дать возможность участвовать мужчине в судьбе не рождённого ребёнка. К сожалению, нет нормативного акта ни в одной из стран, где подобное бы использовалось, но исходя из логики, морали и закона, стоит создать право, на основе которого, если женщина не желает продолжать беременность, а биологический отец ребенка хочет этого ребёнка оставить, то он до окончания беременности будет обязан содержать женщину, оплачивать все необходимые для здорового развития ребёнка медицинские счета и расходы, а по его появлению – полностью взять на себя опеку и материальное обеспечение ребёнка. Мать же, воспользовавшаяся этим правом отца на «вето», юридически отчуждается от родительских прав и обязанностей, теряя в будущем как право на общение, так и право на алименты или иные претензии к отцу ребёнка. Это создало бы не просто формальное, а реальное и тяжелое бремя ответственности, которое мужчина должен быть готов нести, чтобы его право «вето» не было актом произвола, а стало осознанным принятием всей полноты родительства в одиночку. Такой механизм балансировал бы абсолютное право женщины на аборт правом мужчины на спасение жизни зачатого ребёнка ценностью собственной свободы и пожизненных обязательств.

Исходя из изложенного, реализация предлагаемых изменений в российских правовых реалиях требует системного законодательного подхода. Он должен быть направлен на устранение выявленных правовых пробелов и создание сбалансированного механизма, учитывающего права, обязанности и интересы всех сторон: женщины, мужчины и нерожденного ребенка. И мы бы хотели предложить следующие варианты:

1. Легализация статуса эмбриона и плода. В первую очередь необходимо внести изменения в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», закрепив однозначные юридические определения понятий «эмбрион» и «плод» на основе современной медицинской науки. Целесообразно установить, что эмбриональный период развития человека продолжается до окончания 8-й недели беременности с момента зачатия, после чего наступает плодный период. Эта правовая определенность станет фундаментом для последующего регулирования.

2. Введение института «юридического отказа от отцовства» («мужского аборта»). Для этого требуется модификация Семейного кодекса РФ и федерального законодательства. Мужчине (биологическому отцу), не состоящему в браке с беременной женщиной, должно быть предоставлено право в течение срока, равного сроку, разрешенному для искусственного прерывания беременности по желанию женщины (12 недель), заявить в установленном порядке (нотариально или через органы ЗАГС) об отказе от всех будущих родительских прав и обязанностей в отношении выношенного ребенка. Данный акт должен быть необратимым.

Для предотвращения злоупотреблений и в качестве компенсации материнству такое заявление должно влечь за собой единовременную финансовую солидарную обязанность. Мужчина обязан выплатить женщине фиксированную компенсацию, размер которой должен быть существенным, например, кратной величине его среднегодового дохода или установленному законом минимальному размеру

ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/5e5a1accfe61df97f5fcb684e12cab5fee05e25/ (дата обращения: 25.12.2025).

¹⁸⁶ Осипян Н. Б. Женское насилие в отношении мужчин: анализ зарубежных и отечественных исследований [Электронный ресурс] // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-nasilie-v-otnoshenii-muzhchin-analiz-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-issledovaniy> (дата обращения: 25.12.2025).

¹⁸⁷ Richards P. Liberal Swedes Call for Legal Abortion for Men [Электронный ресурс] // Observer. 2016. 22 марта. URL: <https://observer.com/2016/03/equality-or-irresponsibility-liberal-swedes-call-for-legal-abortion-for-men/> (дата обращения: 25.12.2025).

(по аналогии с алиментами за несколько лет). После осуществления данной выплаты и вступления решения в силу, мужчина полностью освобождается от дальнейших алиментных и иных родительских обязательств. Право на такой отказ должно быть абсолютным и не требующим согласия женщины.

3. Введение права мужчины на «вето» в отношении аборта с принятием полной ответственности. Данный институт требует наиболее детальной и взвешенной регламентации. Если женщина изъявляет желание прервать беременность, а биологический отец (в том числе и состоящий с ней в браке) против этого решения, он должен иметь право в судебном порядке заявить о своем желании сохранить жизнь ребенку.

Суд, установив отцовство (в том числе и посредством предварительных генетических экспертиз), может предоставить мужчине такое право при одновременном возложении на него всей полноты материальной ответственности. Это включает:

- обязанность полностью компенсировать все расходы, связанные с ведением беременности, родами и восстановительным периодом женщины.

- обязанность с момента рождения ребенка взять на себя исключительную опеку и материальное обеспечение.

- юридическое оформление полного и бесповоротного отказа матери от родительских прав в отношении данного ребенка с освобождением ее от алиментных обязательств. Соответственно, мать лишается в будущем каких-либо прав на общение с ребенком или получение содержания от него.

Этот механизм уравнивает право женщины на физическую автономию правом мужчины на сохранение жизни зачатого ребенка, но делает это право условным и обремененным немедленной и пожизненной ответственностью. Реализация такого «вето» должна быть исключительно судебной процедурой, гарантирующей проверку добросовестности и платежеспособности отца.

Таким образом, предлагаемый комплекс мер направлен на формирование более справедливой и ответственной правовой модели в сфере репродуктивных отношений. Он не отменяет ключевого права женщины на принятие решения о своем теле, но вводит симметричные, обремененные серьезными финансовыми и социальными обязательствами, права для мужчины, что в целом соответствует принципам равенства прав и обязанностей родителей, заложенным в Конституции РФ¹⁸⁸.

Д. В. Пятков,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права

Юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,

г. Барнаул

Особенности правового регулирования предпринимательской деятельности лиц, состоящих в браке

Гражданское законодательство плохо структурировано в том, что касается предпринимательской деятельности. Далеко не все, даже основные вопросы регулирования предпринимательской деятельности, являются предметом внимания со стороны законодателя. Достаточно сказать, что в Гражданском кодексе Российской Федерации¹⁸⁹ (далее – ГК) более или менее четко не решен вопрос о том, с какого возраста можно заниматься предпринимательской деятельностью. Самоустранилось гражданское право от всего, что связано с регулированием деятельности так называемых «самозанятых»: это вид предпринимателей или вид субъектов, осуществляющих «иную экономическую деятельность». Гражданское законодательство не стало реализовывать на отраслевом уровне закрепленную в Конституции Российской Федерации¹⁹⁰ идею множественности видов экономической деятельности, закрепив лишь право на предпринимательскую деятельность, не показывая ее родовидовые связи с иными проявлениями экономической активности участников имущественных отношений.

¹⁸⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) СК РФ Статья 61. Равенство прав и обязанностей родителей [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ec3c0efbe59b8523466fa966ea33bb208ccafd4/ (дата обращения: 25.12.2025).

¹⁸⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2026).

В подобном положении оказалось не только гражданское право, но и его дочерние образования, например право семейное. В том смысле, что во всем Семейном кодексе Российской Федерации¹⁹¹ (далее – СК) ничего не сказано о специфике имущества супругов и его раздела в ситуации, когда кто-то один из них или они оба занимаются предпринимательской деятельностью, владеют акциями или долями участия в уставных капиталах хозяйственных обществ. С позиций СК поделить предприятие – это принципиально такой же процесс, как разделить мебельный гарнитур.

Но не только о разделе имущества идет речь. Представим ситуацию: индивидуальный предприниматель женат и владеет на праве собственности несколькими нежилыми помещениями, постоянно сдает их в аренду. Для него такие хозяйственные операции образуют основу его бизнеса. Жена этого предпринимателя – обычный человек, работает воспитателем в детском саду. Но сдать в аренду нежилое помещение означает распорядиться недвижимостью и совершить сделку с общим имуществом супругов. Согласно ст. 35 СК для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации (права на нежилые помещения подлежат регистрации), необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга под угрозой признания такой сделки недействительной. А теперь вновь представим нашего индивидуального предпринимателя, который ради скорейшего совершения выгодной сделки в самые неподходящие для всех моменты делает набег на детский сад, забирает супругу, ведет ее к нотариусу... Есть, конечно, вариант – объяснять и убеждать арендаторов, что супруга никаких претензий по поводу сдачи в аренду имущества иметь не будет. Но аренда – это самый простой вариант. А если индивидуальный предприниматель специализируется на продаже недвижимости. Здесь слов будет недостаточно для успешного формирования и исполнения договорных обязательств без участия супруги. Конечно, супругам можно заключить брачный договор и перейти к раздельной собственности. Но это совершенно новый правовой режим отношений в семье. Супруга, быть может, не против самостоятельности мужа в его бизнесе, но не хотела бы прекращения общей собственности на имущество.

Режим совместной собственности на имущество, если его применять к любым вещам, приобретенным супругами в период брака, дает все основания супругу, не осуществляющему предпринимательскую деятельность, вмешиваться в деятельность супруга-предпринимателя.

Кроме всего прочего, такое положение дел противоречит тому же ГК, который определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную деятельность (ст. 2). Разве совместимы два обстоятельства: общность имущества супругов и самостоятельность одного из них при ведении деятельности с использованием общего имущества?

Выход видится в заключении брачного договора или серьезной корректировке действующего законодательства, которое должно изменить режим бизнес-активов. Но уже сейчас можно творчески подойти к толкованию СК и ГК, исключив из совместной собственности имущественный комплекс, используемый одним из супругов в предпринимательской деятельности.

Согласно п. 1 ст. 34 СК общим имуществом признается имущество, нажитое супругами в период брака. Слово «нажитое» весьма настораживает, от него веет какой-то нерасторопностью, бытом, чем-то далеким от предпринимательской гиперактивности и суеты. Ведь это слово легко можно было заменить нейтральным термином «приобретенное», но законодатель этого не сделал. Обратим внимание, в ст. 34 СК говорится, что имущество не просто должно быть нажито в период брака, а нажито супругами, то есть сообща. Но ведь предпринимательская деятельность как раз исключает общность дел, поскольку по определению является самостоятельной деятельностью того, кто предприниматель. Нельзя нажить что-то вместе, если при этом действует кто-то один самостоятельно. Если принять во внимание эти наблюдения, то можно допустить, что сырье, купленное предпринимателем для производственных нужд, партия товаров для продажи в розницу, токарный станок, приобретенный предпринимателем для расширения ассортимента производимой продукции, – это имущество, не нажитое супругами, а приобретенное одним из них самостоятельно, а потому оно не может считаться общим имуществом.

Сделанный выше акцент на термине «нажитое имущество» нечасто можно встретить на страницах юридической литературы. Все же нельзя сказать, что никто из специалистов не обращает на него внимание. Например, в одном учебном пособии по семейному праву авторы пишут: «Возникает вопрос о правовом режиме имущества, приобретаемого супругом – индивидуальным предпринимателем. Определяя правовой режим супругов, ст. 34 СК РФ говорит о том, что это имущество нажито, то есть составило своеобразную казну семьи... Имущество, приобретаемое и реализуемое супругом – индивидуальным предпринимателем для осуществления предпринимательской деятельности, необ-

¹⁹¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2026).

ходимо в целях получения прибыли от такой деятельности. Его нельзя назвать «нажитым», поскольку цель его приобретения иная – получение прибыли от его реализации»¹⁹². Более того, авторы справедливо отмечают, что «вся имущественная сфера предпринимательской деятельности лица должна обособляться от имущества предпринимателя как физического лица»¹⁹³.

Примечательно, что в судебной практике отмеченная идея обособленности имущественной сферы предпринимателя в некоторой мере реализуется, но происходит это непоследовательно, фрагментарно, а потому не всегда справедливо. Например, очень широко распространен такой подход к разрешению споров о разделе общего имущества, когда обязательства, связанные с предпринимательской деятельностью, объявляются отдельными, то есть обязанность их исполнения возлагается только на супруга-предпринимателя, а используемое в предпринимательской деятельности имущество признается общей собственностью. Так, в п. 46 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 года говорится, что по общему правилу долги, возникшие в связи с предпринимательской и иной экономической деятельностью должника, являются его личным обязательством¹⁹⁴. Невовлеченность супруга в предпринимательскую деятельность должника делает обязательство личным, но почему-то не делает приобретенное имущество отдельным: «Получение должником дохода от использования приобретенного на кредитные средства имущества и поступление такого дохода формально в общую собственность супругов само по себе не свидетельствует о предоставлении и расходовании должником денежных средств исключительно или в том числе на поддержание необходимого уровня жизни семьи, а не в интересах развития бизнеса». Справедливости ради надо отметить, что такое противоречие обусловлено различным решением вопроса об имуществе и обязательствах самим законодателем в статьях 34 и 45 СК. Но исправить несовершенство законодательных формулировок можно было бы более справедливым пониманием «расходования денежных средств исключительно или в том числе на поддержание необходимого уровня жизни семьи», когда инвестиции в предпринимательскую деятельность супруга считались бы условием поддержания необходимого уровня жизни семьи, благосостояние которой зависит от предпринимательской деятельности супруга-предпринимателя.

Другим способом исправить ситуацию было бы не только признание обязательств личными, но и признание имущества, используемого в предпринимательской деятельности, отдельным имуществом, то есть принадлежащим на праве собственности только супругу-предпринимателю.

Максимально возможное размежевание супругов как участников имущественных отношений можно увидеть в постановлении Федерального арбитражного суда Уральского округа от 1 апреля 2008 года по делу № Ф09-1981/08-С5¹⁹⁵. При рассмотрении спора, вытекающего из договора поставки, заключенного между супругами, каждый из которых самостоятельно осуществляет предпринимательскую деятельность по оптовой продаже товаров, суд отметил, что поскольку участниками спорной сделки являлись субъекты предпринимательской деятельности, и сложившиеся между сторонами отношения являются гражданско-правовыми и обязательственными, то нормы семейного законодательства, в том числе регулирующие имущественные отношения супругов, к ним не применяются.

Весьма интересный в контексте настоящей статьи пример можно найти в практике судов общей юрисдикции. В решении от 16 июля 2020 года по делу № 2-432/2019 Благовещенский районный суд Алтайского края отметил, что к разделу может быть заявлена только стоимость чистых активов индивидуального предпринимателя на день прекращения супружеских отношений... «Поскольку товары, находящиеся в обороте <...> не подлежат разделу между супругами по смыслу закона, то правовых оснований для удовлетворения требований Федорова А. Н. о разделе медицинских препаратов, находящихся в аптеке, не имеется»¹⁹⁶. Для понимания позиции суда важен и этот фрагмент решения: «товар, реализуемый в аптеке, брался на реализацию, доходы от реализации товара использовались на оплату кредитных обязательств, что подтверждено справками и банковскими выписками, в связи с чем суд полагает, что режимом совместной собственности могли быть только доходы (денежные средства) от его реализации, а не сам товар (медицинские препараты)».

¹⁹² Права, обязанности и ответственность супругов : учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / Ом. юрид. ин-т ; сост.: В. А. Цветков, И. В. Попов. Омск : [б. и.], 2011. URL: <https://www.siblu.ru/sites/default/files/employees/popov-gp-16.pdf> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹⁵ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e2248eda-a61c-4d0a-b73b-0cfee1e30e99> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹⁶ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OtgL7bT52v6R/> (дата обращения: 28.02.2026).

Заметно, что суд как бы поясняет, что стоимость товаров компенсирует обязательства супруги-предпринимателя. То есть ситуацию можно было бы представить так: если делить товары в обороте, тогда надо делить и обязательства по кредитному договору. То есть надо считать общими не только товары, но и долги. А поскольку долги погашены за счет средств от продажи товаров, то было бы несправедливо признавать товары общим имуществом, а долги считать личными обязательствами предпринимателя. Можно допустить, что если бы раздел имущества пошел по этому несправедливому сценарию, то факт погашения супругой-предпринимателем кредитов, взятых на покупку медикаментов, мог быть не учтен при определении стоимости общего имущества, а бывший муж смог бы претендовать на денежную компенсацию проданных медикаментов, которые он считает общими. Может быть, по этой причине, как бы упрощая ситуацию в целях справедливого разрешения спора, суд просто вывел товары в обороте за рамки общей собственности.

Е. В. Рудина,

магистрант Института права,

социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: Е. А. Ходырева, д-р юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

Постмортальный ребенок: коллизии правосубъектности, доказывания и реализации наследственных прав

Развитие постмортальной репродукции опережает развитие нормативной регламентации в данной сфере, что создает определенные сложности в урегулировании юридических вопросов и требует внимания законодателя. Существует проблема определения статуса постмортальных детей, заключающаяся в отсутствии норм, в том числе регулирующих наследственные отношения. Вместе с тем, по мнению ученых, идеология российского наследственного права допускает признание постмортальных детей наследниками¹⁹⁷.

Конституционный суд РФ (далее – КС РФ) в постановлении № 6-П указал на наличие пробелов и коллизий в законодательстве, невозможность автоматического распространения прав и обязанностей, несоответствие ряда норм конституционным принципам; отметил необходимость защиты прав постмортальных детей, уравнивая их в правах с другими детьми; показал необходимость развивать данную область права¹⁹⁸. КС РФ также подчеркнул «социально-психологическое значение» для постмортального ребенка в подтверждении наличия в прошлом родителя (родителей), создавших основу для его материального благополучия. Причина несформированности правовой основы для реализации прав постмортальных детей и их родителей может заключаться в широком перечне отраслей, подотраслей и институтов права, затрагивающих данные отношения. Внесение изменений в законодательство может быть начато с формирования основных дефиниций и устранения существующих коллизий. Хотелось бы обратить внимание на некоторые из них.

Коллизии правосубъектности постмортального ребенка в наследственном праве. В Конституции РФ указано на необходимость создания условий для достойной жизни граждан (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ¹⁹⁹), заботу государства о воспитании и развитии детей (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Внимание уделяется поддержке всех детей, особенно оставшихся без попечения родителей или одного из них. Вместе с тем в настоящее время «постмортальные дети», зачатые после смерти одного или обоих родителей с использованием биоматериала, взятого при жизни или после смерти родителя (родителей), не упоминаются в нормах, регулирующих наследственные отношения. В ст. 1116 ГК РФ²⁰⁰ в части определения круга наследников обозначены живые дети и дети, зачатые

¹⁹⁷ См., напр., Алейникова В. В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «Быть или не быть, вот в чем вопрос...» // Закон. 2023. № 4. С. 137.

¹⁹⁸ По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щанниковой : постановление Конституционного суда РФ от 11.02.2025 № 6-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁹⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм. 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2026).

²⁰⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации ч. 3. ФЗ от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 237-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2026).

при жизни наследодателя, при этом дети, зачатые после смерти наследодателя, законодателем из списка исключены. Следовательно, постмортальные дети не могут быть наследниками своих умерших биологических родителей, что влечет нарушение прав постмортального ребенка как наследника в сравнении с другими детьми наследодателя. Таким образом, требует решения проблема определения статуса постмортальных детей. Ее решение можно начать с включения в нормы права дефиниции «постмортальный ребенок» и внесения изменений в п. 1 ст. 1116 ГК РФ, который бы сохранил следующую формулировку: «К наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, зачатые при жизни, а также после смерти наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства».

Коллизии доказывания наследственных прав постмортального ребенка. Ученые, рассматривая вопрос самостоятельного волеизъявления биологических родителей при зачатии ребенка, приходят к выводу об отсутствии законодательно установленных способов определения воли умерших относительно их желания иметь детей²⁰¹.

В судебных разбирательствах по признанию отцовства (материнства) постмортальных детей истцы предоставляют суду более десятка разнообразных письменных документов. Данные документы в том числе содержат волю умершего на распоряжение его биоматериалом после его смерти, однако не содержат волю умершего быть родителем ребенка, зачатого и рожденного с использованием его биоматериала²⁰². Этот факт может быть связан с отсутствием предложенной законом типовой формулировки для договора. Это замедляет судебные процедуры и не исключает совершения ошибки при определении истинной воли умершего: быть только донором биоматериала или быть признанным родителем постмортального ребенка.

В своем постановлении № 6-П КС РФ указал, что при установлении отцовства в судебном порядке необходимо письменное согласие умершего супруга на постмортальную репродукцию. Речь идет о выраженном при жизни человека намерении иметь детей с использованием репродуктивных технологий после собственной смерти.

Решением данной проблемы будет установление необходимости оформления документа, подтверждающего волю человека, сдавшего биоматериал на криоконсервацию, быть родителем после своей смерти.

Включение в договор условия о передаче права распоряжения биоматериалом пережившему супругу не противоречит действующему законодательству (а именно ФЗ № 323²⁰³), поскольку прямо не указан запрет на включение данного условия в договор между супругами и репродуктивным центром. В письме Минздрава РФ № 803-н представлена типовая форма договора, не содержащая данного согласия²⁰⁴. Однако принцип свободы договора (п. 2 ст. 421 ГК РФ²⁰⁵) заключается в возможности заключения любых договоров, предусмотренных и непредусмотренных ГК РФ, а поскольку содержание условия о передаче права на биоматериал не регламентировано законом или иным правовым актом (ст. 422 ГК РФ), его включение в договор является легальным, но необязательным. Таким образом, чтобы доказать факт выражения воли умершим супругом, достаточно внести данное условие в договор. В типовой договор можно добавить пункт в следующей редакции: «в случае смерти одного из супругов право распоряжения криоконсервированным биоматериалом переходит другому супругу с целью зачатия ребенка и дальнейшего установления отцовства в судебном порядке». Не исключена и альтернативная формулировка: «в случае смерти одного из супругов право распоря-

²⁰¹ См., напр., Чечурин А. М. Использование половых клеток (тканей) человека для целей деторождения post mortem. Часть первая: к вопросу о критериях допустимости // Академия права. 2025. № 2 (8). С. 80 или Стрепетов А. Д. Суррогатная и биологическая матери: юридическая и социальная коллизии // Конституции РФ 30 лет: история и новые вызовы современной юридической науке : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов с международным участием, Омск, 16 октября 2023 г. Омск : Сибирский юрид. ун-т, 2024. С. 175.

²⁰² См., напр., апелляционное определение Московского областного суда (Московская область) от 02.02.2022 № 33-4577/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://stgkrf.ru/apellyacionnoe-opredelenie-33-45772022-ot-02-02-2022-moskovskogo-oblastnogo-suda-moskovskaya-oblast>?ysclid=mm2kv03u6t91527283; решение Долгопрудненского городского суда (Московская область) от 06.10.2021 № 2-1464/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qj7f2wU9Fn6W/>?ysclid=mm2kshz1a400079401; решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 01.11.2016 по делу № 2-13109/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W9DbYb2HFHrb/>?ysclid=mm2kq2071z807568413 (дата обращения: 15.01.2026).

²⁰³ Об основах охраны здоровья граждан в РФ : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025 № 261-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.01.2026).

²⁰⁴ О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению : приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 308-н (рег. 19.10.2020 № 60457) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.01.2026).

²⁰⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации ч. 1. ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.25) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2026).

жения криоконсервированным биоматериалом переходит другому супругу с целью использования только в качестве донорского биоматериала, в том числе для зачатия ребенка без установления отцовства», что будет означать необходимость утилизации биоматериала. Подписанный супругами договор, как прямое волеизъявление, закрепленное в письменной форме, упростит процедуру доказывания, сократив до минимума необходимое количество документов и обозначив истинную волю относительно рождения постмортального ребенка. При установлении отцовства в судебном порядке потребуются договор с медицинским репродуктивным центром и письменное подтверждение от данного центра об использовании биоматериала умершего супруга, полученного в рамках данного договора.

В настоящее время распоряжение генетическим материалом не ограничено во времени. Законодатель может ограничить сроки для реализации права умершего супруга на постмортальную репродукцию. Это может быть сделано с целью психологического и материального благополучия постмортального ребенка и пережившего супруга. Как отмечено в постановлении КС № 6, «решение о зачатии является самостоятельным волеизъявлением <...> совершенным при конкретных обстоятельствах...». Ряд обстоятельств может влиять на волеизъявление. Ученые отмечают, что потеря супруга является тяжелой кризисной психотравмирующей ситуацией, сопровождающейся изменением личности, ценностно-смысловой сферы на фоне необходимой адаптации в новой семейной системе²⁰⁶. Психологи указывают на необходимость психологического сопровождения, отмечая, что только спустя один год после потери близкого человека боль становится более терпимой²⁰⁷. Решения, принимаемые в кризисной ситуации, впоследствии могут быть переосмыслены. Учитывая психологическую сторону, можно рассмотреть введение запрета на право распоряжения репродуктивным материалом в течение года после смерти супруга. Дополнительно, возрастное ограничение для потенциального родителя постмортального ребенка может быть введено законодателем в связи с необходимостью воспитания ребенка до совершеннолетия в благоприятных материальных и психологических условиях. Решением вопроса может быть указание в ГК РФ на то, что право распоряжения криоконсервированным биоматериалом умершего супруга может быть реализовано по истечении одного года со дня смерти и до достижения 45 лет.

Коллизии реализации наследственных прав постмортального ребенка. Согласно действующему законодательству, при установлении отцовства (материнства) у ребенка до 18 лет, рожденного или зачатого при жизни наследодателя, как у нетрудоспособного лица появляется обязательная доля в наследстве (ст. 1149 ГК РФ). В отношении постмортальных детей такой нормы нет. И в случае признания отцовства постмортальные дети не могут быть наследниками, так как они не входят в круг наследников по закону (ст. 1116 ГК РФ). Вместе с тем постмортальный ребенок со дня принятия судом решения о признании умершего его родителем должен являться наследником первой очереди (ст. 1142 ГК РФ) и должен иметь право на обязательную долю в наследстве (ст. 1149 ГК РФ). Подтверждением этого тезиса служит ч. 4 ст. 67 Конституции РФ, в которой показана необходимость заботы обо всех детях, на что указано и в постановлении КС РФ № 6-П.

Реализация права на обязательную долю осложняется вопросом ее истребования из ранее распределенной между наследниками наследственной массы, так как закон не предусматривает какого-либо периода ожидания появления постмортального ребенка на свет. Согласно ГК РФ наследники ожидают рождения только «наситуруса», ребенка, зачатого при жизни наследодателя (ст. 1166 ГК РФ). Ожидание зачатия и появления на свет постмортального ребенка может длиться годы. Для решения данного вопроса может быть предложено ограничение срока зачатия постмортального ребенка относительно момента открытия наследства.

Для упрощения процедур истребования обязательной доли для постмортального ребенка и его законного представителя можно внести изменения в части оставления данной обязательной доли за постмортальным ребенком. Данная «замороженная» доля будет выделена из наследственной массы и передана наследнику после его рождения. В таком случае также возможно сократить срок для зачатия ребенка (например, до 5 лет с момента открытия наследства).

Если переживший супруг своим правом на распоряжение криоконсервированным биоматериалом не воспользуется, и ребенок не будет зачат в установленный законом срок (например пять лет), данная доля будет поделена между наследниками так, как была бы поделена до ее «заморозки». Формулировка в ГК РФ может иметь следующий вариант редакции: «По истечении указанного срока не востребованная доля направляется наследникам по закону. Если постмортальных наследников

²⁰⁶ Козырева В. В., Николаева О. Ю. Особенности переживания утраты супруга женщинами разных возрастных категорий // Вестник университета. 2023. № 3. С. 195.

²⁰⁷ Сирота Н. А., Видерман Н. С., Ялтонский В. М. Психологические аспекты горевания // Паллиативная медицина и реабилитация. 2022. № 1. С. 42.

оказалось больше одного – выделенная ранее доля распределяется пропорционально между всеми наследниками по истечении срока на репродукцию и дополнительных трехсот дней для рождения зачатого в эти сроки ребенка».

Таким образом, по результатам проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы:

1) постмортальный ребенок не упоминается в нормах, регулирующих наследственные отношения, что противоречит Конституции РФ, устанавливающей равные права для всех детей, поэтому необходимо расширить круг наследников за счет введения в него постмортальных детей;

2) при установлении отцовства в судебном порядке, как правило, отсутствует документ, подтверждающий волеизъявление умершего супруга быть признанным родителем рожденного постмортального ребенка, но соответствующее условие может стать частью типового договора для репродуктивного центра;

3) при установлении отцовства постмортальный ребенок не может реализовать наследственные права, что влечет необходимость ограничения срока для зачатия и «замораживание» обязательной доли из наследственной массы до истечения установленного срока.

В. П. Скобелев,

*канд. юрид. наук, доцент, заместитель декана по учебной работе
и образовательным инновациям юридического факультета
Белорусского государственного университета,
г. Минск*

О некоторых вопросах применения обеспечительных мер по делам о возвращении детей и об осуществлении прав доступа

В целях имплементации положений Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей, заключенной в Гааге 25 октября 1980 г. (далее – Конвенция), и в связи с появлением в практике отечественных судов общей юрисдикции все большего количества дел соответствующей категории Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З «Об изменении законов» Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) был дополнен новой главой 28-2 «Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа».

Положения главы 28-2 ГПК получили почти дословное отражение в главе 54 «Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа» Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), начавшего действовать с 1 января 2026 года (текстуальные расхождения между главой 54 КГС и главой 28-2 ГПК единичны и принципиального характера не имеют).

К сожалению, при разработке текста главы 28-2 ГПК был допущен целый ряд нормотворческих огрехов, в том числе не вполне удачно урегулированы вопросы о применении обеспечительных мер по делам о возвращении детей и об осуществлении в отношении детей прав доступа. При этом в белорусской правовой доктрине соответствующие проблемы практически не исследованы, т. к. процессуальные особенности разбирательства названных дел освещаются преимущественно на уровне учебной литературы²⁰⁸.

В ст. 334-10 «Обеспечительные меры» ГПК было закреплено: «В необходимых случаях наряду с другими мерами в соответствии с главой 25 настоящего Кодекса суд может запретить ответчику до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа изменять место жительства (место пребывания) ребенка и временно ограничить право ответчика и (или) ребенка на выезд из Республики Беларусь». Статья с идентичным наименованием и практически таким же содержанием (разница только в номере главы, на которую имеется ссылка в тексте статьи) присутствует сейчас и в КГС – ст. 550. По поводу данных статей хотелось бы высказать следующие замечания.

Во-первых, наименование ст. 334-10 ГПК являлось не совсем точным, потому что такое понятие, как «обеспечительные меры», ГПК не было известно. ГПК оперировал понятиями «меры

²⁰⁸ Таранова Т. С. Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа // Гражданский процесс. Особенная часть / Т. А. Белова [и др.]; под общ. ред.: Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд. Минск, 2022. С. 107–118.

по обеспечению иска» (см. главу 25) и «средства обеспечения жалобы» (см. ч. 2 ст. 340). Помимо этого, использование понятия «обеспечительные меры» значительно усложняет уяснение правовой природы дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, а именно к какому виду гражданского судопроизводства относятся данные дела. Поскольку, как мы ранее отмечали²⁰⁹, данные дела являются по своей сущности исковыми, то в ст. 334-10 ГПК речь должна была бы идти не об обеспечительных мерах, а о мерах по обеспечению иска.

Что касается ст. 550 КГС, то ее наименование с формальной точки зрения соответствует терминологии данного Кодекса, поскольку глава 19 КГС, аналогичная главе 25 ГПК, называется «Обеспечительные меры». Вместе с тем анализ содержания главы 19 КГС показывает, что понятие «обеспечительные меры» является собирательным и охватывает собой меры по обеспечению иска и меры по обеспечению заявления. При этом в тексте ст. 550 КГС прямо не написано, о каких именно обеспечительных мерах там идет речь – по обеспечению иска или по обеспечению заявления, что сохраняет неопределенность в вопросе правовой природы дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа (т. е. являются данные дела по своей сущности исковыми или какими-то еще).

Использование в ст. 334-10 ГПК, ст. 550 КГС термина «обеспечительные меры», а не «меры по обеспечению иска» тем более удивительно в свете того, что в ст. 334-10 ГПК, ст. 550 КГС присутствует термин «ответчик», однозначно намекающий на исковую природу соответствующих дел. Хотя не исключено, что причины наличия в ст. 334-10 ГПК, ст. 550 КГС термина «ответчик» кроются в другом и банально просты: содержание ст. 334-10 ГПК было сформировано путем воспроизведения в нем мер, предусмотренных пп. 2, 6 ч. 1 ст. 255 ГПК²¹⁰, а поскольку пп. 2, 6 ч. 1 ст. 255 ГПК были рассчитаны на дела искового производства, в том числе оперировали термином «ответчик», то, как следствие, данный термин оказался перенесен (вне какого-либо смыслового контекста) и в ст. 334-10 ГПК, текст которой затем был почти дословно скопирован в ст. 550 КГС.

Во-вторых, используемая в ст. 334-10 ГПК, ст. 550 КГС фраза «наряду с другими мерами» порождает вопрос, а какие другие обеспечительные меры, помимо прямо названных в данных статьях, могут быть еще применены судом по делу о возвращении ребенка или об обеспечении прав доступа. Обращение к положениям главы 25 ГПК показывает, что меры по обеспечению иска, предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 255 ГПК (наложение ареста на имущество, в том числе на денежные средства в пределах цены иска, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или у других лиц), п. 3 ч. 1 ст. 255 ГПК (запрещение другим лицам передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства), п. 4 ч. 1 ст. 255 ГПК (приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении его от ареста) и п. 5 ч. 1 ст. 255 ГПК (приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке), к анализируемой категории дел явно не подходили.

Мера по обеспечению иска, о которой говорилось в п. 6 ч. 1 ст. 255 ГПК (временное ограничение права ответчика на выезд из Республики Беларусь на срок, установленный судом, но не более чем до окончания производства по делу), была прямо упомянута в тексте ст. 334-10 ГПК. Еще оставалась обеспечительная мера, закрепленная п. 2 ч. 1 ст. 255 ГПК (запрещение ответчику совершать определенные действия), однако указание на одно из ее конкретных проявлений тоже присутствовало в ст. 334-10 ГПК – запрещение ответчику изменять место жительства (место пребывания) ребенка, представить же какие-то другие действия, совершение которых в порядке п. 2 ч. 1 ст. 255 ГПК могло быть запрещено ответчику по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, достаточно сложно.

Перечень обеспечительных мер, предусмотренных главой 19 КГС, несколько шире. Однако большая часть этих мер, подобно мерам по обеспечению иска из главы 25 ГПК, к делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа однозначно не подходит. Это такие обеспечительные меры, как наложение ареста на денежные средства (электронные деньги) (в том числе денежные средства (электронные деньги), которые будут поступать на банковский счет (в электронный кошелек)) или иное имущество, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или у других лиц (п. 1 ч. 1 ст. 158 КГС), запрещение другим лицам передавать имущество ответчику или исполнять по отношению к нему иные обязательства (п. 4 ч. 1 ст. 158 КГС), запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора (п. 5 ч. 1 ст. 158 КГС), приостановление

²⁰⁹ Скобелев В. П. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел о возвращении ребенка и об осуществлении прав доступа // Юстиция Беларуси. 2025. № 11. С. 31–33.

²¹⁰ В п. 2 ч. 1 ст. 255 ГПК была закреплена такая обеспечительная мера, как «запрещение ответчику совершать определенные действия», а в п. 6 ч. 1 ст. 255 ГПК – как «временное ограничение права ответчика на выезд из Республики Беларусь – на срок, установленный судом, но не более чем до окончания производства по делу».

реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении его от ареста (п. 6 ч. 1 ст. 158 КГС), приостановление взыскания по исполнительному или иному документу, по которому взыскание производится в бесспорном порядке, в случае предъявления требований о признании такого документа не подлежащим исполнению (п. 7 ч. 1 ст. 158 КГС).

Обеспечительные меры, закрепленные пп. 2 и 8 ч. 1 ст. 158 КГС, соответствуют мерам по обеспечению иска, указанным в пп. 2 и 6 ч. 1 ст. 255 ГПК, а потому здесь сохраняют свою актуальность все замечания, изложенные нами выше по поводу двух последних мер. Наконец, п. 3 ч. 1 ст. 158 КГС допускает возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, а п. 9 ч. 1 ст. 158 КГС – принятие иных мер, предусмотренных КГС и иными законодательными актами. Однако сложно сказать, обязанность по совершению каких именно действий может быть возложена на ответчика (иных лиц) по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа согласно п. 3 ч. 1 ст. 158 КГС (ведь обязанность по совершению определенного рода действий может быть возложена на ответчика по результатам рассмотрения дела, но не в качестве меры по обеспечению заявленных требований), принятия же иных мер (помимо прямо оговоренных в ст. 550 КГС) по анализируемой категории дел КГС, равно как и иные законодательные акты, не предусматривают.

В-третьих, коль скоро запрещение ответчику изменять место жительства (место пребывания) ребенка до вступления в законную силу решения суда охватывается содержанием меры, предусмотренной п. 2 ч. 1 ст. 255 ГПК, п. 2 ч. 1 ст. 158 КГС, а временное ограничение права ответчика на выезд из Республики Беларусь прямо дублирует меру, закрепленную п. 6 ч. 1 ст. 255 ГПК, п. 8 ч. 1 ст. 158 КГС, возникает вопрос, насколько целесообразно присутствие в ст. 334-10 ГПК, ст. 550 КГС еще одного (помимо имеющегося в пп. 2, 6 ч. 1 ст. 255 ГПК, пп. 2, 8 ч. 1 ст. 158 КГС) указания на возможность применения подобного рода запрещений и ограничений.

В-четвертых, наличие в ст. 334-10 ГПК упоминания про возможность временного ограничения права ребенка на выезд из Республики Беларусь не согласовывалось с содержанием п. 6 ч. 1 ст. 255 ГПК, который позволял временно ограничивать в праве на выезд из Республики Беларусь только ответчика, между тем как в делах о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа ребенок ответчиком не является. А поскольку установленный ч. 1 ст. 255 ГПК перечень мер по обеспечению иска являлся закрытым, то допустимость применения судом такой меры, как временное ограничение права ребенка на выезд из Республики Беларусь, оказывалось под большим вопросом.

Что касается КГС, то его п. 8 ч. 1 ст. 158 тоже упоминает о временном ограничении лишь права ответчика на выезд из Республики Беларусь. Однако ввиду того, что закрепленный ч. 1 ст. 158 КГС перечень мер по обеспечению иска, заявления не является исчерпывающим (перечень завершается п. 9, указывающим на «иные меры, предусмотренные настоящим Кодексом и иными законодательными актами»), то оговоренную в ст. 550 КГС меру по временному ограничению права ребенка на выезд из Республики Беларусь вполне возможно трактовать как охватываемую логическим объемом п. 9 ч. 1 ст. 158 КГС, т. е. как иную меру, предусмотренную КГС.

Правда, стоит сказать, что в анализируемых делах более правильно применять меру по обеспечению иска не в виде временного ограничения права ребенка на выезд из Республики Беларусь, а в виде запрещения ответчику совершать определенные действия – осуществлять вывоз ребенка из Республики Беларусь (п. 2 ч. 1 ст. 255 ГПК, п. 2 ч. 1 ст. 158 КГС), потому что в силу своего несовершеннолетнего возраста и иных обстоятельств (отсутствия собственных денежных средств и пр.) ребенок не может осуществить свое право на выезд из страны самостоятельно, реализация данного права обеспечивается лицом, под контролем которого ребенок находится, т. е. ответчиком. Причем применительно к ГПК использование такого подхода позволяло также решить обозначенную выше проблему, связанную с тем, что временное ограничение права ребенка на выезд из Республики Беларусь не вписывалось в установленный ч. 1 ст. 255 ГПК закрытый перечень мер по обеспечению иска.

В-пятых, из буквального смысла ст. 334-10 ГПК, ст. 550 КГС следует (из-за используемого в них соединительного союза «и»), что по любому из анализируемых нами дел (как по делу о возвращении ребенка, так и по делу об обеспечении прав доступа) судом всегда применяется сразу две обеспечительные меры – запрещение ответчику изменять место жительства (место пребывания) ребенка и временное ограничение на выезд из Республики Беларусь ответчика и (или) ребенка. Однако, по нашему мнению, применение данных мер все же более характерно для дел о возвращении ребенка (потому что в этом случае ребенок находится с ответчиком неправоммерно, и для продления такого неправоммерного нахождения ответчик может решиться на переезд с ребенком, в том числе в другую страну), нежели для споров об осуществлении прав доступа (поскольку в такой ситуации ребенок проживает с ответчиком правоммерно, и скрываться от истца им обоим, по сути, не нужно, отказывать в осуществлении прав доступа ответчик может истцу и без изменения места жительства ребенка).

Кроме того, в делах о возвращении ребенка может отсутствовать потребность в применении одновременно сразу двух указанных мер, достаточным может оказаться использование и только какой-то одной из них.

В-шестых, из содержания ст. 334-10 ГПК, ст. 550 КГС вытекает, что вероятность изменения как места жительства, так и места пребывания ребенка существует в равной мере и в делах о возвращении ребенка, и в делах об осуществлении прав доступа. Однако в действительности это не так.

Как видно из содержания Конвенции, дела о возвращении ребенка – это дела о возвращении ребенка из государства, на территорию которого он неправомерно перемещен или на территории которого он неправомерно удерживается, в государство его постоянного места проживания. Если такое дело возбуждается в суде Республики Беларусь, то это значит, что на территорию Республики Беларусь ребенок был неправомерно перемещен или на территории Республики Беларусь ребенок неправомерно удерживается (об этом свидетельствует и наименование заявления, употребляемое в ч. 1 ст. 334-8 ГПК, чч. 1, 2 ст. 548 КГС, – «заявление о возвращении неправомерно перемещенного в Республику Беларусь или неправомерно удерживаемого в Республике Беларусь ребенка»). А коль скоро это так, то нельзя считать, что ребенок на территории Республики Беларусь имеет место жительства. Ребенок в такой ситуации имеет на территории Республики Беларусь только место пребывания.

О месте жительства ребенка может идти речь только применительно к делам об осуществлении прав доступа, потому что такого рода спор, как вытекает из смысла Конвенции, предполагает, что ребенок находится на территории государства правомерно (т. е. на территории государства находится его постоянное место жительства, в нашем случае – на территории Республики Беларусь), но лицо, которое проживает с ребенком и осуществляет над ним опеку, чинит находящемуся за границей другому родителю (иному правомочному субъекту) препятствия в осуществлении прав доступа.

Значит, поскольку в делах о возвращении ребенка то место, где он находится, является не местом жительства, а местом пребывания ребенка, применяемая по такому делу обеспечительная мера должна звучать как запрещение ответчику изменять место пребывания (не жительства) ребенка. В делах же об осуществлении прав доступа все наоборот: место нахождения ребенка является местом его жительства (не пребывания), поэтому и соответствующую обеспечительную меру нужно определять как запрещение ответчику изменять место жительства (не пребывания) ребенка.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что от ст. 550 КГС, как страдающей целым рядом недостатков, вполне допустимо отказаться и исключить ее из КГС.

М. А. Стрижаков,

*и. о. заместителя главного эксперта по экспертной работе, врач по МСЭ
ФКУ «Главное бюро МСЭ по г. Санкт-Петербургу» Минтруда России,
г. Санкт-Петербург,*

М. В. Горяйнова,

*к.м.н., доцент, доцент кафедры организации здравоохранения и МСЭ
Института ДПО ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г. А. Альбрехта,
г. Санкт-Петербург,*

А. В. Софронов,

*заместитель руководителя по информационной работе и организации обработки
персональных данных ФКУ «Главное бюро МСЭ по республике Татарстан» Минтруда России,
г. Казань*

Особенности нормативно-правового регулирования медико-социальной экспертизы граждан в возрасте до 18-ти лет в опыте работы ФКУ «ГБ МСЭ по г. Санкт-Петербургу» Минтруда России

В настоящее время наращиваются усилия всех уровней государственной власти по совершенствованию процесса оказания услуг и внедрению лучших практик взаимодействия между государством, гражданами и бизнесом (а также теми организациями, которые в восприятии людей связаны с властными структурами).

Рассмотрим поэтапные изменения организации деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы (бюро МСЭ) на примере опыта работы в Санкт-Петербурге.

Данные изменения затронули не только порядок направления граждан в том числе в возрасте до 18 лет, а также порядок проведения МСЭ, но и обеспечили включение бюро МСЭ в число организаций, активно внедряющих принципы федерального проекта «Государство для людей»²¹¹.

С вступлением в силу с июля 2022 года (за исключением отдельных положений) новых Правил признания лица инвалидом²¹² (далее – Правила) внесены изменения в порядок направления на МСЭ.

Так, впервые введена четкая регламентация срока подготовки направления на МСЭ – в течение 30 рабочих дней со дня принятия решения врачебной комиссией медицинской организации о подготовке такого направления, ранее определенного срока закреплено не было.

Кроме этого, до вступления в силу Правил направлять на МСЭ имели право, помимо медицинских организаций, органы, занимающиеся пенсионным обеспечением и социальной защитой населения. Сейчас же право направлять на МСЭ граждан, находящихся на территории РФ (независимо от гражданства РФ), сохранили за собой лишь медицинские организации. На граждан, проживающих за пределами страны, по-прежнему распространяют свое действие международные договоры, заключаемые РФ с государствами-контрагентами о сотрудничестве в области социального обеспечения.

Наряду с этим новыми Правилами предусмотрено, что при решении вопроса о форме проведения МСЭ учитывается волеизъявление гражданина, которое прописывается на уровне медицинской организации в согласии на направление на МСЭ и непосредственно в регламентированной форме такого направления (Форма № 088/у)²¹³, выдаваемой поликлиниками по месту жительства граждан.

Следует обратить внимание, что мнение гражданина может быть учтено не всегда. Так, в случаях, указанных в пункте 32 Правил, медико-социальная экспертиза проводится с личным присутствием гражданина при невозможности удостовериться в полноте и достоверности сведений, содержащихся в представленных документах; если выявлены несоответствия между данными исследований и заключениями специалистов, направляющих гражданина на медико-социальную экспертизу, о степени выраженности стойких нарушений функций организма, обусловленных заболеваниями, последствиями травм и дефектами; необходимости обследования гражданина с применением специального диагностического оборудования, специальных медико-социальных экспертных методик и технологий для уточнения структуры и степени выраженности ограничений жизнедеятельности, функциональных нарушений, реабилитационного потенциала.

Однако в практической деятельности неявка гражданина не является основанием для отказа в проведении МСЭ – после неоднократных приглашений и отправки уведомлений на ЕПГУ, экспертиза проводится заочно (без личного участия гражданина), исключительно пострадавшие на производстве или лица, имеющие профессиональные заболевания, освидетельствуются только с личным участием. Последний пострадавший на производстве ребенок в возрасте старше 14 лет освидетельствовался в бюро МСЭ Санкт-Петербурга в 2008 году.

Включение медико-социальной экспертизы в единое цифровое пространство началось с 2021 г. посредством внедрения Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) в практику деятельности бюро МСЭ и обеспечило взаимодействие с гражданами непосредственно через их личный кабинет.

В настоящее время действующим законодательством предусмотрена обработка электронных форм № 088/у. Бюро МСЭ обрабатывают электронные направления, которые поступают от медицинских организаций, и создают уведомления для граждан, включая их передачу в личный кабинет граждан на ЕПГУ.

С 1 февраля 2023 г. Правилами утверждено использование портала как основного инструмента передачи уведомлений о дате и результатах проведения МСЭ, о сроках переосвидетельствования и статусе оказания услуги по обжалованию её результатов.

Ведомственное нормативное закрепление получили и особенности организации и проведения освидетельствования детей с целью установления инвалидности дистанционно с применением информационно-коммуникационных технологий. Регламентировано взаимодействие специалистов бюро МСЭ с гражданином (его законным или уполномоченным представителем) с использованием

²¹¹ Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2026).

²¹² О признании лица инвалидом : постановление Правительства Российской Федерации от 05.04.2022 № 588 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026).

²¹³ Об утверждении формы направления на медико-социальную экспертизу медицинской организацией и порядка ее заполнения : приказ Минтруда России и Минздрава России от 12 августа 2022 года № 488н/551н [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2026).

государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа» (ЕЦП) и ЕПГУ. Осуществлена возможность выбора даты и времени проведения экспертизы через реализацию услуги «Запись на медико-социальную экспертизу».

В настоящее время портал «Госуслуги» используется в деятельности учреждений МСЭ для подачи заявлений на проведение экспертизы в электронном виде (таблица 1). Гражданин может подать заявление на проведение МСЭ, например, на установление инвалидности, определение степени утраты профессиональной трудоспособности, обжалование решения бюро МСЭ. В заявлении нужно указать паспортные данные, полис ОМС, адрес, место обследования (можно выбрать «по месту проживания») и другие сведения.

Таблица 1

Динамика структуры заявлений на внесение изменений в ИПРА ребенка-инвалида за 2022–2024 гг.

Год	Всего заявлений				Из них с использованием ЕПГУ					
	взрослые		дети		доля заявлений, поданных с использованием ЕПГУ	взрослые		дети		
	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%	
2022	463	58,9	323	41,1	1,4	5	45,6	6	54,5	
2023	722	62,3	437	37,7	10,9	63	50	63	50	
2024	867	71,5	345	28,5	20,5	169	68,1	79	31,9	

Рост общего количества заявлений обусловлен необходимостью внесения изменений в индивидуальную программу реабилитации и абилитации инвалида/ребенка-инвалида (ИПРА), что связано с изменением действующего законодательства, в т. ч. в части сроков пользования технических средств реабилитации (ТСР), а также с появлением в их перечне урологических протекторов²¹⁴.

Вместе с тем отмечается неуклонное увеличение доли подобных заявлений, поданных в электронном виде с использованием ЕПГУ – с 1,4 до 20,5 %. Данный показатель свидетельствует о росте «электронной грамотности» населения Санкт-Петербурга в различных возрастных категориях. Чаще заявления поступают в связи с ростом ребенка и необходимостью изменения параметров ТСР или их количества (например изменения размеров подгузников в зависимости от возраста ребенка), но встречаются также заявления на обжалование решений бюро МСЭ в части ИПРА в отношении пересмотра с определенными категориями ограничений жизнедеятельности.

Эта особенность носит региональный характер ввиду того, что в соответствии с Социальным кодексом Санкт-Петербурга²¹⁵ при третьей степени ограничения по одной из основных категорий жизнедеятельности гарантировано ежемесячное пособие на ребенка-инвалида, имеющего регистрацию по месту жительства либо по месту пребывания в Санкт-Петербурге в возрасте от рождения до 18 лет.

При использовании электронного взаимодействия в сфере МСЭ через ЕПГУ соблюдаются требования законодательства в области защиты персональных данных.

Согласно нововведениям, в Правилах на учреждения МСЭ возложена совершенно новая задача – определение целевых реабилитационных групп (ЦРГ). Главная цель определения ЦРГ – перейти к эффективной, адресной реабилитации, которая направлена на достижение максимальной социальной адаптации инвалидов и интеграции их в общество.

Перечень ЦРГ для детей-инвалидов включает 12 пунктов (для взрослых – 13). Если у инвалида (ребенка-инвалида) есть стойкие нарушения различных функций организма и ограничения жизнедеятельности, которые относятся к критериям для определения разных ЦРГ, то ему устанавливается несколько ЦРГ.

Установленная ЦРГ учитывается при разработке индивидуальной программы реабилитации и абилитации инвалида.

Решение о присвоении ЦРГ может быть пересмотрено комиссией МСЭ через три года с даты проведения последнего освидетельствования.

²¹⁴ Об утверждении сроков пользования техническими средствами реабилитации, протезами и протезно-ортопедическими изделиями : приказ Минтруда России от 14.07.2025 № 438н (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2026).

²¹⁵ Социальный кодекс Санкт-Петербурга : Закон Санкт-Петербурга от 22.11.2011 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.assembly.spb.ru> (дата обращения: 17.02.2026).

ЦРГ определяется ребенку-инвалиду в соответствии с классификацией стойких расстройств функций организма и ограничений жизнедеятельности в целях комплексной реабилитации и абилитации. Указанные классификации и критерии утверждены Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации приказом от 26.07.2024 № 374н²¹⁶ (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ЦРГ в зависимости от нарушенных функций организма у детей

№ ЦРГ	Значение	абс.	%
1	с преимущественными нарушениями психических функций	1471	37,7
2	с преимущественными нарушениями языковых и речевых функций	333	8,5
3	с преимущественными нарушениями сенсорных функций	279	7,1
4	с преимущественными нарушениями нейромышечных, скелетных и связанных с движением (статодинамических) функций	924	23,7
5	с преимущественными нарушениями функций сердечно-сосудистой и (или) дыхательной системы (систем)	237	6,1
6	с преимущественными нарушениями функций пищеварительной и (или) эндокринной системы (систем) и метаболизма	441	11,3
7	с преимущественными нарушениями функций системы крови и иммунной системы, в том числе вследствие злокачественных новообразований, а также отдельных инфекционных заболеваний	448	11,5
8	с преимущественными нарушениями мочевыделительной функции	171	4,4
9	с преимущественными нарушениями функций кожи и связанных с ней систем	42	1,1
10	со сложными и (или) множественными нарушениями функций организма, обусловленными хромосомными и генными болезнями	70	1,8
11	с врожденными или приобретенными деформациями (аномалиями развития), последствиями травм лица	112	2,9
12	получивший травму, ранение, контузию, увечье в связи с боевыми действиями	0	0

ЦРГ формируются не по диагнозу, а по основным видам ограничений жизнедеятельности и реабилитационным потребностям (например: «группа с двигательными нарушениями», «группа с нарушениями коммуникации»), для каждой ЦРГ определены ключевые задачи (мобильность, самообслуживание, общение), что помогает ставить конкретные и измеримые цели в индивидуальной программе реабилитации (ИПРА). Распределение по ЦРГ позволяет точнее прогнозировать потребность в технических средствах реабилитации (ТСР), услугах, специалистах и развивать реабилитационную инфраструктуру регионов. Мониторинг результатов покажет, какие методы реабилитации работают лучше всего, и поможет совершенствовать стандарты оказания услуг по основным направлениям комплексной реабилитации и абилитации инвалидов.

На современном этапе в Правилах стали четко прописаны основания для установления категории ребенок-инвалид на 1 год и на 2 года.

Ранее сроки установления категории «ребенок-инвалид» коррелировали в зависимости от степени нарушенных функций со сроками установления групп инвалидности. Сейчас категория ребенок-инвалид при выраженных нарушениях функций организма стала устанавливаться сроком на два года, тогда как ранее устанавливалась сроком на 1 год. Перечень заболеваний, последствий травм и дефектов, согласно которому категория «ребенок-инвалид» устанавливалась сроком до 14 лет (Перечень установления категории сроком до 14 лет) исключен из Правил.

Так, изначально в Перечне для установления инвалидности сроком до 14 лет значились три заболевания: сахарный диабет (СД), фенилкетонурия, тромбоцитопеническая пурпура.

В дальнейшем, пункт по СД перенесен в Перечень установления категории «ребенок-инвалид» сроком до 18 лет.

²¹⁶ Об утверждении классификаций и критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы : приказ Минтруда России от 26.07.2024 № 374н [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026).

В 2020 году в этот перечень внесено заболевание фенилкетонурия, а тромбоцитопеническая пурпура исключена, т. к. лечение при данной нозологии оказалось весьма эффективным, что обусловило необходимость переосвидетельствования и оценки эффективности реабилитационных мероприятий в более ранние сроки (через 1–2 года).

Отмечается устойчивая тенденция к увеличению доли граждан, которым впервые установлена категория «ребенок-инвалид» на срок 2 года. Это связано с тем обстоятельством, что все дети с выраженными нарушениями функций из категории детей, которым инвалидность установлена сроком на 1 год, перешли в категорию детей, с установленной категорией инвалидности сроком на 2 года.

Наряду с этим отмечается уменьшение доли несовершеннолетних граждан, которым категория «ребенок-инвалид» установлена сразу до достижения возраста 18-ти лет, что говорит об эффективности проводимых мероприятий по медицинской реабилитации в Санкт-Петербурге.

Категория детей, которым инвалидность установлена на срок до 14-ти лет, с 2022 года отсутствует, т. к. данный пункт исключен (рис. 1).

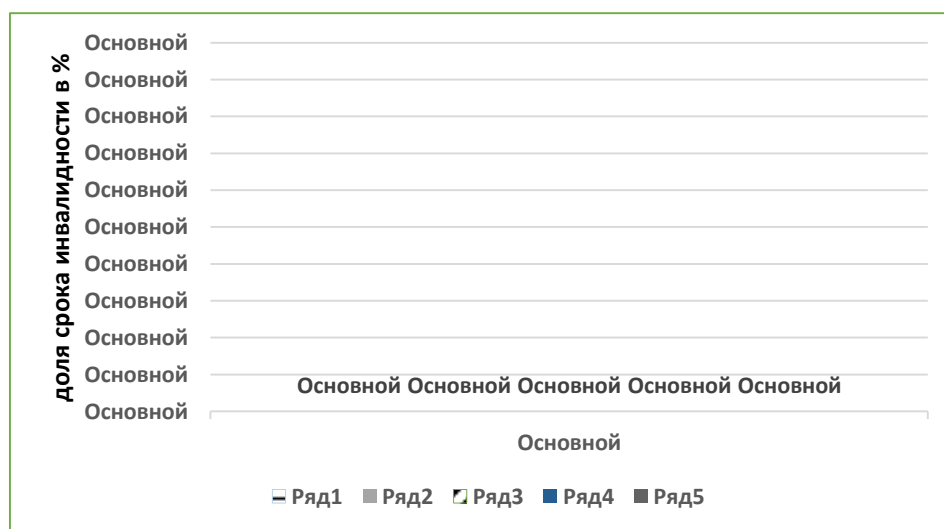

Рис. 1. Динамика структуры первичной детской инвалидности за период 2020–2024 гг. в зависимости от срока инвалидности (%).

Внесение СД в категорию нозологий, при которых инвалидность устанавливается сроком до 18 лет и отсутствие заключений психолого-медико-педагогических комиссий (ПМПК) в перечне обязательных обследований перед направлением на МСЭ привело к тому, что в ИПРА детей крайне редко, в 3,4 % от всех разработанных ИПРА (за последние 2 года), вносятся рекомендации по профессиональной реабилитации, в частности – по получению общего образования. Аналогичная проблема назревает относительно иных нозологий, при которых инвалидность устанавливается сроком до 18 лет (тугоухость, аутизм). Для решения этого вопроса требуется конкретизация и расширение перечня обследований перед направлением на МСЭ. Также, на наш взгляд, важно увеличивать степень вовлеченности специалистов реабилитационных организаций на этапе разработки ИПРА на основе межведомственного взаимодействия, в том числе с использованием информационных систем.

Исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать вывод о поступательном развитии федерального законодательства в области социальной защиты инвалидов, в том числе детей-инвалидов, в Российской Федерации с сохранением приверженности глобальным трендам в области реабилитации, таким как расширение доступа к реабилитационным услугам, комплексность оказания услуг, масштабирование информационного взаимодействия Государства и граждан, что диктует необходимость дальнейшего совершенствования организационных практических мер в субъектах Российской Федерации по обеспечению формирования системы комплексной реабилитации детей-инвалидов, целью которой является повышение уровня обеспеченности реабилитационными услугами, создание необходимых условий для инклюзии, социальной адаптации и максимально возможной интеграции детей-инвалидов во все сферы жизни общества.

С. Ю. Туров,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

Нормативные дефекты правовой защиты несовершеннолетних в стадии возбуждения уголовного дела

Формирование личности ребёнка, его ценностных ориентаций и моделей поведения в решающей степени зависит от среды, включая социальное окружение, воспитание, обучение, влияние взрослых и наследственные предпосылки²¹⁷. Эти факторы действуют в органическом единстве, определяя способность несовершеннолетнего к осознанно-волевому поведению, критическому восприятию информации и полноценному участию в социально-правовых взаимодействиях. Именно в силу незрелости психики и повышенной социальной уязвимости подростки нуждаются в расширенном объёме процессуальных гарантий, призванных не только эффективно защитить их от необоснованного преследования, но и смягчить травмирующее воздействие правоохранительной системы. Особая значимость таких гарантий проявляется уже на начальном этапе, когда решается вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности. Однако начальная стадия процесса – возбуждение уголовного дела – лишена специальных норм, учитывающих возрастные психофизиологические и социальные характеристики несовершеннолетнего. Его права оказываются под угрозой, а сам он воспринимается как пассивный объект властного воздействия, что наглядно подтверждается отсутствием требования о получении его согласия (или согласия его законного представителя) на отказ в возбуждении уголовного дела по такому нереабилитирующему основанию, как недостижение возраста уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ; п. 2 ч. 1 ст. 24, ч. 3 ст. 27, ч. 4 ст. 133 УПК РФ). При этом отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в отношении взрослых лиц по ряду нереабилитирующих оснований, например, за истечением сроков давности или смертью подозреваемого, требуют такого согласия в обязательном порядке²¹⁸, что дополнительно актуализирует создание для несовершеннолетнего процессуальных гарантий в объёме, не уступающем установленному для последующих этапов уголовного процесса.

Стадия возбуждения уголовного дела, претерпевшая за свою историю значительную трансформацию, остается эпицентром оживленных дискуссий ввиду своей двойственной природы. С одной стороны, она призвана обеспечить оперативное реагирование на информацию о преступлении, а с другой – предотвратить необоснованное привлечение граждан к уголовному судопроизводству и неоправданное использование ресурсов правоохранительных органов. Юридическим воплощением задач проверки служит процессуальный акт о возбуждении дела или отказе в нём. Их природа различна: первый допускает вероятностные выводы, второй – только категоричные, исключающие саму возможность производства по делу. Правомерность и обоснованность результата проверки сообщения о преступлении напрямую зависят от строгого соблюдения процедуры вынесения такого решения, включая предписания к его форме и содержанию. Особую актуальность в контексте соблюдения данной процедуры приобретают решения об отказе в возбуждении дела ввиду недостижения возраста уголовной ответственности. Специфика такого отказа предопределяет обязанность следователя (дознателя), в рамках дискреционных полномочий, представленных ему ч. 1 ст. 144 УПК РФ, установить событие преступления и виновность конкретного лица в его совершении. Однако ограниченный процессуальный инструментарий доследственной проверки не позволяет адекватно ни выполнить её задачи, ни обеспечить права вовлеченных в нее лиц. Ключевая причина кроется в процедурном вакууме, в котором формируются материалы, получающие доказательственный статус по ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ: они лишены надлежащей регламентации и базовых гарантий достоверности, свойственных следственным и судебным действиям. Наиболее очевидно данная правовая диспропорция проявляется при сравнительном анализе с главой 50 УПК РФ. Если в ней детально регламентировано производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (включая вызов, особенности проведения следственных и судебных действий, участие законного представителя, педагога и психолога),

²¹⁷ Волков Б. С., Волкова Н. В. Психология развития человека. М. : Академический Проект, 2004. С. 5.

²¹⁸ См. определения Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1309-О, от 23 июня 2015 г. № 1531-О, от 13 октября 2022 г. № 2665-О, от 28 февраля 2023 г. № 478-О; постановления Конституционного Суда РФ от 19 мая 2022 г. № 20-П, от 14 июля 2011 г. № 16-П [Электронный ресурс]. Здесь и далее, если не оговорено иное, ссылка сделана на источники (нормативные и научные, а также на судебные решения), опубликованные в СПС «КонсультантПлюс».

то нормы, регулирующие доследственную проверку, демонстрируют содержательный минимализм, лишённый аналогичной процессуальной насыщенности. Они не гарантируют соблюдения специального правового статуса несовершеннолетнего на этой критически важной начальной стадии. Более того, сам правовой статус несовершеннолетнего, его законных представителей, педагога (психолога), включающий, как правило, определенный набор процессуальных прав, обязанностей и мер ответственности, в стадии возбуждения уголовного дела законодательно не определен. Общий дефицит механизмов защиты прав на данном этапе создаёт существенный перекокс, при котором упрощённая и недостаточно формализованная процедура проверки (ст. 144–145 УПК РФ) порождает для несовершеннолетнего и его законного представителя юридические последствия, сопоставимые с результатами полноценного и детализированного расследования. Будучи нереабилитирующим (ч. 4 ст. 133 УПК РФ), отказ в возбуждении дела ввиду недостижения возраста уголовной ответственности влечет включение несовершеннолетнего в государственную статистику как лицо, совершившее преступление, и сопряжен с негативными социально-правовыми последствиями²¹⁹, предельно схожими при констатации вины судом.

В частности, такое постановление:

- влечет постановку несовершеннолетнего и его законных представителей на учет в подразделении по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в целях проведения индивидуальной профилактической работы²²⁰;

- может использоваться в качестве доказательства по взысканию с несовершеннолетнего и (или) его законных представителей ущерба в гражданско-правовом порядке²²¹;

- создает правовые предпосылки для пересмотра судебных актов по гражданским делам по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку системное толкование позволяет распространить на него по аналогии позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой нереабилитирующий отказ за истечением сроков давности уголовного преследования обладает указанным юридическим значением²²²;

- способно служить основанием для привлечения родителей к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ за нарушение обязанностей по воспитанию и контролю, установленных ст. 63 СК РФ, через комиссию по делам несовершеннолетних (ст. 23.2 КоАП РФ);

- и, самое главное, выступать ключевым документом для помещения несовершеннолетнего в центр временного содержания (ч. 2 ст. 285.6 КАС РФ) и применения к нему принудительных мер профилактического воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого или закрытого типа по решению суда²²³, принимаемому в порядке главы 31.3 КАС РФ. Причем в процессе принятия перечисленных решений постановление об отказе в возбуждении уголовного дела зачастую воспринимается в качестве преюдициального акта, поскольку в административном производстве суд не вправе пересматривать установленные в ходе проверки обстоятельства совершения общественно опасного деяния, включая причастность к нему несовершеннолетнего. Следовательно, ключевое требование ювенальной юстиции – принцип соразмерности, провозглашенный в Пекинских правилах²²⁴, здесь отвергается в самой своей основе, так как строгость государственной реакции теряет связь с тяжестью и обстоятельствами конкретного деяния.

К сожалению, Конституционный Суд РФ в своей практике обошел вопрос о специальных гарантиях для несовершеннолетних на стадии возбуждения дела. Ограничившись отсылкой к общему порядку обжалования (ст. 125 УПК РФ)²²⁵, Суд не оспорил действующую процедуру, не требующую согласия подростка или представителя на отказ в возбуждении уголовного дела ввиду недостижения возраста уголовной ответственности, и не создал для законодателя императива по её изменению. В результате постановление, способное кардинально повлиять на судьбу несовершеннолетнего, выносится без ключевых процессуальных гарантий.

²¹⁹ Синельщиков Ю. П. Освобождение от уголовной ответственности и вопросы прокурорского надзора // *Законодательство*. 2024. № 1. С. 3–8.

²²⁰ См. п. 2, подп. «д» п. 2.1.1, п. 2.1.2. приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (с изм. и доп.).

²²¹ См. постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 года № 39-П, от 13 апреля 2021 года № 13-П, от 15 июня 2021 года № 28-П.

²²² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 2025 года № 1-П.

²²³ См. ч. 2. ст. 5 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 1 апреля 2025 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

²²⁴ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

²²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П.

Изложенные аргументы приводят к выводу о целесообразности реализации в законе научной идеи о наделении лица, в отношении которого осуществляется проверка по ст. 144 УПК РФ, основным комплексом прав, характерных для подозреваемого²²⁶. Предлагаемое решение в отношении несовершеннолетнего уже имеет законодательный прецедент. В соответствии со ст. 437 УПК РФ лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, предоставляются лишь права подозреваемого (обвиняемого), предусмотренные статьями 46 и 47 УПК РФ. Специфика его правового положения заключается именно в отсутствии корреспондирующих процессуальных обязанностей и ответственности, что обусловлено правовой презумпцией наличия психического расстройства, исключающего интеллектуальный и волевой компоненты вменяемости²²⁷. Данная позиция находится в русле правовой доктрины Верховного Суда РФ, согласно которой право на защиту возникает у лица с момента, когда против него осуществляется обвинительная деятельность, существенно затрагивающая его права, включая доследственную проверку²²⁸.

Наряду с этим модель требует дополнения, включающего: предоставление лицу, в отношении которого из материалов проверки (заявления, явки с повинной, иных данных) следует предположение о причинении вреда, правами, присущими потерпевшему с учетом особенностей данного этапа; установление для законного представителя, педагога (психолога) прав, обязанностей и ответственности, аналогичных предусмотренным для предварительного расследования; наделение очевидцев процессуальным статусом свидетелей, исходя из положений ч. 1.2 ст. 144 и п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, допускающих использование объяснений в качестве доказательств. Соответствующие показания, а также показания законных представителей, специалистов и экспертов должны оформляться по правилам, установленным для допроса, что позволит нивелировать процессуальную сложность, связанную с двойственной природой сведений, получаемых на данной стадии, и обеспечит правоприменителям единообразные критерии их оценки. Между тем правовое положение участников проверки должно определяться в объеме, адаптированном к условиям стадии возбуждения уголовного дела. Фундаментом для такой регламентации служит выработанная Конституционным Судом РФ доктрина о приоритете фактического положения лица над формальным решением при определении статуса потерпевшего²²⁹.

Выводным элементом предлагаемой конструкции является внедрение судебного санкционирования для всех нереабилитирующих решений, принимаемых на досудебной стадии (отказа в возбуждении и прекращения уголовного дела), по аналогии с порядком избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Для повышения эффективности данного механизма его целесообразно дополнить обязательным согласованием решения с прокурором до обращения в суд. В рамках обозначенной процедуры следует наделить суд правом помещать несовершеннолетнего в спецучреждение (открытого или закрытого типа). Разделяя обоснованную в литературе критику существующей процедуры, полагаем идеальным перевод таких решений в плоскость уголовно-процессуального, а не административного законодательства, которое не предполагает установления обстоятельств общественно опасного деяния и причастности к нему несовершеннолетнего²³⁰.

Введение судебного санкционирования позволит презюмировать факт причинения вреда, устранить неопределенность в правовом положении потерпевшего и создать прочную основу для гражданского иска о возмещении имущественного ущерба и компенсации морального вреда, опирающуюся на силу судебного решения.

Установление данного порядка также создаст правовую основу для применения на досудебной стадии иной меры уголовно-правового характера – конфискации имущества, что соответствует требованию ч. 3 ст. 35 Конституции РФ. В действующем УПК РФ конфискация допускается исключительно на судебной стадии: при вынесении обвинительного приговора либо решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям²³¹. Однако использование тех же нереабилитирующих оснований органами расследования для отказа в возбуждении или прекращения дела не сопровождается механизмом конфискации. Идея распространения меха-

²²⁶ Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 3. С. 95–100.

²²⁷ Туров С. Ю. Теоретико-правовая характеристика статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // *Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право»*. 2024. Т. 34, вып. 4. С. 739–746.

²²⁸ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 (ред. от 9 декабря 2025 г.).

²²⁹ См. определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. № 2098-О; постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2014 г. № 28-П, от 12 мая 2022 г. № 18-П.

²³⁰ Николок В. В. Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики: избранные статьи : в 2 ч. Ч. 1. М. :Юрлитинформ. 2021. С. 14–15, 146–153.

²³¹ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17.

низма судебной конфискации на досудебную стадию уже находит активную поддержку в доктрине²³². Схожие подходы уже присутствуют в решениях Конституционного Суда РФ, касающиеся изъятия в доход государства имущества, приобретённого вследствие недействительных сделок, заведомо нарушающих основы правопорядка (ст. 169 ГК РФ). В частности, Суд легализовал отмену сроков исковой давности для исков по изъятию имущества, нажитого с нарушением антикоррупционных запретов и ограничений, объяснив это необходимостью противодействия сокрытию таких нарушений и их последствий²³³. Эта правовая позиция, направленная на недопущение безнаказанности, служит косвенным аргументом в пользу адекватных процессуальных инструментов в уголовном судопроизводстве. Особенно если учесть, что подобные нарушения часто имеют уголовно-правовую природу. Даже если уголовное дело не возбуждается (например, за истечением сроков давности), факт совершения общественно опасного деяния фиксируется в постановлении об отказе. Таким образом, материально-правовые основания для конфискации на этой стадии уже существуют, а процессуальный механизм для её реализации – отсутствует.

Актуальность данной меры в отношении несовершеннолетних подтверждается фиксируемым правоохранительными органами ростом случаев, когда их целенаправленно вовлекают в совершение особо тяжких преступлений (например диверсий) за денежное вознаграждение иностранные спецслужбы²³⁴. Нынешняя процессуальная модель, не предусматривающая для досудебной стадии возможности конфискации преступного дохода, лишает правосудие действенного средства пресечения и предупреждения таких деяний.

Предлагаемые изменения минимально модифицируют действующие нормы, соответствуют тенденциям развития уголовно-процессуального законодательства и повышают легитимность нереабилитирующих решений.

В. Б. Хайретдинов,

обучающийся АФ УВО «Университет управления «ТИСБИ».

Научный руководитель: Ю. Н. Волоцкая, ст. преподаватель

АФ УВО «Университет управления «ТИСБИ»,

г. Альметьевск

Актуальные проблемы семейного права: сделки между супругами

Сделки между супругами, в отличие от однократного брачного договора, представляют собой непрерывный процесс, отражающий динамику доверия и взаимопонимания в семье. Пока отношения стабильны и гармоничны, презумпция согласия супруга на распоряжение общим имуществом (ст. 35 СК РФ) функционирует как должное. Однако в моменты кризиса эта же норма может обернуться против супруга, совершившего сделку: любая крупная операция без явного нотариального согласия второго супруга становится уязвимой для оспаривания. Сегодня суды, особенно в регионах, часто руководствуются не формально-юридическим анализом условий договора, а принципом «фактической справедливости», восходящим к советскому праву. Это порождает ситуацию, когда формально законный брачный договор, устанавливающий, например, режим раздельной собственности на все имущество, может быть оспорен супругой-домохозяйкой как ставящий ее в «крайне неблагоприятное положение» (п. 2 ст. 44 СК РФ). Критерии «крайности» размыты и субъективны. В одном суде сохранили права на жилье и алименты достаточно, в другом – что потеря права на половину бизнеса мужа несправедлива, несмотря на ее изначальное согласие. Эта практика не стимулирует, а парализует использование договора для серьезного планирования, так как лишает его главного качества – предсказуемости правовых последствий.

Рассмотрим правовую природу и содержание брачного договора. В соответствии со статьей 40 СК РФ брачный договор – это соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения²³⁵. Правовая природа брачного договора носит комплексный характер:

²³² Власенко В. В. Конфискация транспортных средств по уголовным делам о нетрезвом вождении: тенденции практики // Уголовный процесс. 2025. № 10. С. 36–45.

²³³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П.

²³⁴ Российское агентство международной информации «РИА Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230510/diversii-1870821479.html> (дата обращения: 20.01.2026).

²³⁵ Абрамова Е. Н., Арсланов К. М. Брачный договор в системе гражданско-правовых сделок: эволюция и современные тенденции. Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 87.

- это гражданско-правовая сделка, так как регулирует имущественные отношения между равноправными субъектами;
- это семейно-правовой институт, поскольку его субъектный состав специфичен (супруги или будущие супруги), а содержание тесно связано с личными неимущественными отношениями в семье;
- это сделка, носящая длящийся характер, так ее действие распространяется на весь период брака и может затрагивать права и обязанности, возникающие после его прекращения.

Содержание брачного договора определяется статьей 42 СК РФ. Супруги вправе:

- изменить установленный законом режим совместной собственности (например, установить режим долевой или раздельной собственности на все имущество или на его отдельные виды);
- определить права и обязанности по взаимному содержанию;
- установить способы участия в доходах друг друга;
- определить порядок несения каждым из них семейных расходов;
- включить положения относительно имущества, которое будет приобретено в будущем²³⁶.

Проблема «двойного стандарта» в судебной практике. Противоречия, которые вы отмечаете в отношении недействительности брачных договоров, в полной мере проявляются и при оспаривании отдельных сделок. Суды, руководствуясь принципом защиты «слабого» супруга (чаще – женщины, ведущей домашнее хозяйство), могут признавать недействительными не только кабальные брачные контракты, но и, например, договоры дарения доли в квартире, если сочтут, что даритель действовал под влиянием заблуждения или «неразумной щедрости», наносящей ущерб семье. Это создает ту самую «судебную лотерею», которая дестимулирует использование любых имущественных договоренностей.

В финансовом отношении брачный контракт представляет собой финансовую крепость. Для предпринимателя это – способ оградить свое дело от посягательств. Документ помогает юридически отделить активы фирмы от семейной собственности, что блокирует саму возможность их раздела и защищает предприятие от внутренних потрясений. Помимо указанных вами оснований, ключевой практической проблемой является неопределенность в обратной силе договора. Статья 43 СК РФ позволяет изменить или расторгнуть договор по соглашению либо через суд – «по требованию одного из супругов <...> если условия договора существенно нарушают интересы этого супруга». На практике это означает, что любое изменение жизненных обстоятельств (потеря работы, рождение ребенка, болезнь) может стать поводом для попытки расторгнуть договор, который в новых условиях кажется одной из сторон несправедливым. Брачный договор, призванный давать стабильность, сам оказывается потенциально нестабильным, что резко снижает его привлекательность для долгосрочного планирования. Его сила сохраняется лишь до первого серьезного кризиса в отношениях, после которого он сам становится объектом атаки.

Брачный договор как гарантия для того, кто вкладывает силы в семью, может компенсировать дисбаланс, когда один супруг строит карьеру, а другой посвящает себя дому и детям. В нем можно закрепить финансовую поддержку или право на часть собственности, тем самым официально признавая этот неосязаемый, но существенный вклад в семью.

Шаблонные нормы закона не всегда справедливы для конкретной пары. Брачный договор же позволяет создать уникальную схему, идеально отражающую уклад, цели и ценности именно этих двух людей.

Тем не менее возникает вопрос: почему брачный договор в России почти не работает. В России брачный договор остается скорее формальностью, чем реальным инструментом. На практике его применение блокируется несколькими ключевыми проблемами. Обсудим некоторые из них.

- «Любовь против бумажки» – главная преграда в российском менталитете. Для большинства россиян брак – это союз, основанный на чувствах и доверии. Сама идея составить юридический документ часто воспринимается как подготовка к разводу и проявление недоверия к партнеру. Обсуждать имущество перед свадьбой считается «неромантичным» и даже меркантильным. Из-за этого пары предпочитают не решать вопросы заранее, надеясь на «авось».

- Договор-невидимка: почему его легко отменить. С юридической точки зрения брачный контракт в России очень хрупкий. Его легко можно оспорить в суде по разным причинам, например:

- подписан под давлением. Если доказать, что один из супругов соглашался под угрозой или в безвыходной ситуации, суд аннулирует договор;
- слишком невыгодные условия. Судьи часто защищают того, кто оказался в проигрышном положении – например супругу, которая вела домашнее хозяйство и не зарабатывала. Если по договору

²³⁶ Тагаева Д. Р. Сделки супругов с общим имуществом: проблемы реализации презумпции согласия. Закон. 2021. № 10. С. 54.

она лишается всего имущества, суд может признать его недействительным²³⁷. Проблема в том, что четких правил, что считать «слишком невыгодным», нет, и решения становятся непредсказуемыми;

– вмешательство в личную жизнь. Попытки прописать в договоре, с кем останутся дети после развода или кто моет посуду, незаконны. Такие условия разрушают весь документ.

Стоит отметить, что многие просто не понимают, что можно, а что нельзя включить в брачный договор. Одни пытаются добавить в него противозаконные пункты, другие не используют его возможности (например, не устанавливают долевую собственность на разное имущество). В итоге люди либо отказываются от контракта, либо составляют бесполезную с юридической точки зрения бумагу.

Брачный договор как «антидот» к проблемам обычных сделок. Именно здесь раскрывается истинная функциональность брачного контракта. Грамотно составленный договор может:

– Снять проблему согласия. Установив режим раздельной собственности на конкретные активы (бизнес, унаследованная недвижимость), он освобождает супруга от необходимости получать согласие на распоряжение ими.

– Легализовать и защитить внутрисемейное дарение. Прописав, например, что приобретаемая на общие средства квартира переходит в раздельную собственность одного из супругов (по сути, являясь дарением), пара страхует эту сделку от будущего оспаривания как «притворной» или совершенной без согласия.

Таким образом, соглашения между мужем и женой и брачный контракт представляют собой взаимосвязанные элементы. Проблемы, возникающие в обычных имущественных отношениях супругов, отражают недостатки, присущие и брачным договорам. К ним относятся: сопротивление идее официального оформления личных отношений, непоследовательная судебная практика, ставящая «справедливость» выше стабильности договорных обязательств, а также недостаточная осведомленность граждан о своих правах. Соответственно, действия, направленные на увеличение популярности брачных контрактов, такие как просветительская работа, предоставление четких указаний для судебных органов и использование медиации, окажут положительное воздействие и на практику заключения других имущественных сделок внутри семьи. Улучшение культуры использования брачных договоров неизбежно приведет к повышению уровня ответственности и предсказуемости в обычных финансовых отношениях между супругами, формируя целостную и здоровую правовую среду в сфере семейного права.

А. И. Чачина,

обучающаяся Института права,

социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: Н. В. Кузнецова, канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

Договор дарения между супругами: вопросы теории и практики

Тема заключения договора дарения между супругами является актуальной, поскольку до сих пор вызывает проблемы практического применения и не урегулирована законодательно полностью. В случаях, когда предметом договора выступает личное имущество одного из супругов, нормы законодательства напрямую применяются и не вызывают спорных ситуаций, однако в ситуациях, когда предметом договора является общее совместное имущество, практика не приходит к единому регулированию.

Долгое время дарение между супругами было возможно только, если имущество находится в долевой собственности супругов или является личным имуществом одного из них. Согласно п. 2 ст. 38, п. 2 ст. 41, ст. 42 СК РФ²³⁸, письму Минэкономразвития России от 18.03.2016 № ОГ-Д23-3321²³⁹, «Если имущество находится в совместной собственности супругов, для заключения договора дарения

²³⁷ Левушкин А. Н. Брачный договор в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 5. С. 124.

²³⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.11.2025).

²³⁹ О нотариальном удостоверении соглашения об определении долей в общем имуществе супругов : письмо Росреестра от 31.03.2016 № 14-исх/04224-ГЕ/16 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198876/894a96d7c9117daf1adab9a14de620b87a3cbd4c/ (дата обращения: 04.01.2026).

в отношении такого имущества в зависимости от его вида требуется установить режим долевой или раздельной собственности. Для этого супруги вправе заключить брачный договор или соглашение о разделе имущества (соглашение об определении долей супругов в общей собственности супругов), которые подлежат нотариальному удостоверению».

Данная практика подвергалась критике со стороны научного сообщества из-за того, что она значительно ограничивала правоспособность супругов. Так, О. А. Рябова и Н. В. Кузнецова в своей научной статье «Проблемные аспекты договора дарения между супругами» 2023 года, комментируя вышеприведенную практику, отмечают, что «мы наблюдаем весьма серьезные ограничения в законном праве супругов, как полноценных субъектов правоотношений, свободно распоряжаться своим имуществом посредством заключения договора дарения, где сторонами являются они сами. Полагаем, что следует изменить подход и, соответственно, законодательную регламентацию <...> в сторону применения оптимальных (более лояльных) правовых требований к форме заключаемых между супругами сделок по безвозмездной передаче имущества друг другу»²⁴⁰.

16.07.2024 ВС РФ принял определение²⁴¹, которое кардинально изменило сложившуюся практику, признав договор дарения между супругами с общей совместной собственностью и закрепив за супругами право дарить причитающуюся одному из супругов долю в общем имуществе.

В данном деле в 2018 году муж заявительницы Валентин Веремчук подарил ей автомобиль Toyota Land Cruiser 120 (Prado). Между супругами был заключен договор дарения и акт приема-передачи. В 2022 году Веремчуки расторгли брак, и бывший супруг забрал автомобиль себе и продал его двоюродной сестре Ольге Бобровой, заключив договор купли-продажи. Заявительница попыталась вернуть автомобиль, забрав его у Бобровой в силу статей 301 (истребование имущества из чужого незаконного владения) и 302 (истребование имущества от добросовестного приобретателя) Гражданского кодекса (ГК) РФ.

Верховный суд пришел к следующим выводам по данному делу:

1. В силу статьи 4 Семейного кодекса Российской Федерации к названным в статье 2 данного кодекса имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений.

2. Супруги как субъекты, наделенные гражданской правоспособностью и дееспособностью (статьи 17, 18, 21 Гражданского кодекса Российской Федерации), вправе заключать между собой любые сделки, не противоречащие закону. При этом законом не предусмотрено каких-либо ограничений и по совершению сделок дарения одним из супругов другому.

3. Суд первой инстанции не учел, что супруг вправе подарить как принадлежащее ему личное имущество, так и причитающуюся ему долю в общем совместном имуществе другому супругу.

Данное изменение судебной практики вызывает некоторые проблемные вопросы:

1. Противоречивый подход судебной практики к изменению режима общей совместной собственности путем заключения непоименованных в семейном законодательстве договоров.

Ранее применительно к случаям приобретения имущества супругами сразу в долевую собственность ВС РФ подчеркивал, что соглашение об определении долей в общем имуществе является соглашением о разделе имущества, «поскольку стороны оформили квартиру в общую долевую собственность, режим совместной собственности в отношении этой квартиры прекращен по соглашению сторон в момент ее приобретения. Соглашение об определении долей в общем имуществе супругов является соглашением о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака»²⁴². Данное определение подчеркивает, что договор, содержащий условия о прекращении режима общей совместной собственности по соглашению сторон, является разделом общего совместного имущества и подчиняется правилам семейного законодательства. Такая позиция вполне может быть спроецирована на случаи дарения имущества, находящегося в совместной собственности: при совершении дарения изменяется правовой режим имущества (определяются доли каждого из супругов и имуще-

²⁴⁰ Рябова О. А., Кузнецова Н. В. Проблемные аспекты договора дарения между супругами [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-dogovora-dareniya-mezhdu-suprugami> (дата обращения: 11.11.2025).

²⁴¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2024 № 117-КГ24-7-К4 (УИД 92RS0002-01-2023-001202-19) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16072024-n-117-kg24-7-k4-uid-92rs0002-01-2023-001202-19/> (дата обращения: 19.11.2025).

²⁴² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 11-КГ23-6-К6 (УИД 16RS0051-01-2022-005581-40) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407347997/> (дата обращения: 19.11.2025).

ство становится принадлежащим им на праве долевой собственности), и совершается собственно дарение доли в праве общей долевой собственности, однако суд данной аналогии не проводит.

2. Вопрос о том, на сколько возможно признание договора дарения между супругами в теоретическом аспекте, остаётся открытым.

Во-первых, Формулировка выводов ВС РФ в определении от 16.07.2024 по делу № 117-КГ24-7-К4 вызывает вопросы. Верховный суд указывает, что «супруг вправе подарить как принадлежащее ему личное имущество, так и причитающуюся ему долю в общем совместном имуществе другому супругу». Важно отметить, что объектом спора в данном деле является автомобиль, т. е. неделимое имущество. Предполагается, что Верховный суд имел ввиду долю в праве общей совместной собственности.

Во-вторых, если данное предположение является верным, то по логике решения ВС указывает на наличие доли в праве общей совместной собственности у каждого из супругов, однако правовой смысл общей совместной собственности в том, что в ней не существует долей. Имущество, находящееся в общей совместной собственности, в равной степени принадлежит обоим супругам на 100 %, и они владеют, пользуются и распоряжаются им совместно. Это главное различие общей совместной собственности от долевой. Супруг чисто в теоретическом аспекте не может подарить другому долю, которой не существует, поэтому вопрос о возможности заключения такого договора между супругами в теоретическом аспекте остается открытым.

3. Проблема применения норм несудебными органами, отсутствие единообразия в вопросе порядка и необходимости нотариального удостоверения такого договора.

Такое резкое изменение судебной практики нарушает единообразие практики нотариусов. Непонятно, нотариусам следует действовать по давно действующим инструкциям и требовать раздела имущества перед удостоверением договора или удостоверять дарение без раздела. На данный момент (01.12.2025) никаких официальных разъяснений нотариальной палаты по данному вопросу не опубликовано. На официальном сайте нотариуса г. Москвы Чернигова Игоря Олеговича²⁴³ есть информация об изменении практики и, как следствие, вывод о том, что предварительный раздел имущества не требуется, а в Ижевске нотариусы еще требуют раздела имущества перед заключением договора дарения.

Здесь же хотелось бы отметить, что Семейный кодекс закрепляет только две формы изменения режима общей совместной собственности: раздел и брачный договор, обе из которых подлежат нотариальному удостоверению. Нотариальное удостоверение сделки носит не формальный, а сугубо практический характер. Нотариальная форма договора минимизирует дальнейшие споры по поводу объекта договора и защищает не только права супругов, но и кредиторов от их недобросовестных действий. Договор дарения же не требует нотариального удостоверения согласно позиции ВС РФ.

В Кассационном определении судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 07.07.2021 № 53-КАД21-7-К8²⁴⁴ суд обращает внимание на то, что «Заключение между супругами договора дарения имущества действующему законодательству не противоречит и не накладывает на стороны такого договора дополнительные обязанности по нотариальному удостоверению сделки (статьи 574, 576 ГК РФ)», «договор дарения не содержит элементов брачного договора и в соответствии с требованиями действующего законодательства не подлежит обязательному нотариальному удостоверению». При этом уже в п. 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) отмечалось, что «Режим общей совместной собственности супругов на имущество, нажитое в период брака, может быть ими изменен только на основании нотариально удостоверенного соглашения»²⁴⁵.

Все указанные выше проблемы формируют итоговую теоретико-практическую проблему.

4. Возникает проблема квалификации договора дарения как отдельного вида договора или как соглашения о разделе совместно нажитого имущества.

Фактически договор дарения общей совместной собственности подразумевает изменение режима данной собственности по соглашению сторон и, на мой взгляд, полностью соответствует понятию соглашения о разделе имущества, и, как следствие, должен квалифицироваться смешанным

²⁴³ Договор дарения между супругами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosnotarius.ru/dogovor-dareniya-mezhdu-suprugami> (дата обращения: 15.11.2025).

²⁴⁴ Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 7 июля 2021 г. по делу № 53-КАД21-7-К8 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07072021-n-53-kad21-7-k8/> (дата обращения: 19.11.2025).

²⁴⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.06.2023 № 18-КГ23-45-К4 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407273054/> (дата обращения: 19.11.2025).

договором, имеющим в себе элементы соглашения о разделе имущества, поскольку прекращает режим совместной собственности на объект дарения. Однако анализируя указанную выше судебную практику, ВС РФ придерживается позиции того, что договор дарения, заключенный между супругами с общей совместной собственностью, является самостоятельной разновидностью договора дарения и не содержит в себе элементы брачного договора или соглашения о разделе имущества.

Предполагается, что в данной ситуации было бы целесообразно:

- поименовать отдельно данный договор в семейном законодательстве или признать его смешанным договором, имеющим в своей основе соглашение о разделе имущества;
- дать четкую нормативную регламентацию в силу специальности и особенности отношений общей совместной собственности;
- выпустить четкие рекомендации по удостоверению данных договоров нотариальной палатой.

Вполне вероятно, что в скором времени договор дарения может стать еще одним способом раздела общего совместно нажитого имущества. На мой взгляд, в случае подобного изменения правоприменительной практики следует изменить и законодательную регламентацию данного договора.

Я. С. Чухванцева,

магистрант Института права,

социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».

Научный руководитель: Е. А. Ходырева, д-р юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

Ответственность за «сокрытие» наличия вич-инфекции или иного существенного обстоятельства при вступлении в брак

Фундаментальные нормы, регламентирующие возникновение и прекращение семейных отношений, правила заключения и расторжения брака, условия его законности представляют собой не просто юридические предписания, они являются стержнем общественной стабильности и безопасности государства. Однако законодатель предусмотрел механизм признания брака недействительным на основании решения суда, а это значит, что презумпция законности брачного союза прекращает своё существование.

В рамках данного исследования основной фокус будет на одной из острых тем – сокрытие одним из будущих супругов информации о наличии у него венерического заболевания или ВИЧ-инфекции (согласно п. 3 ст. 15 Семейного кодекса РФ)²⁴⁶. На сегодняшний день имеют наибольшее значение медицинские обследования потенциальных супругов, а также правовое сопровождение этих обследований, включая консультирование по медико-генетическим рискам и стратегиям планирования рождения детей.

В современном мире знание о состоянии здоровья потенциального партнёра не просто прихоть, а прежде всего безопасность своего здоровья и здоровья будущих детей. Актуальность этого вопроса не вызывает сомнений: проактивное медицинское освидетельствование способно существенно «разгрузить» суды, минимизируя количество дел о разрушении браков как фиктивных, так и тех, в которых супруг умолчал о состоянии своего здоровья. Создание здорового демографического фундамента – рождение детей без генетических или инфекционных заболеваний – напрямую зависит от этого.

Неосведомлённость о состоянии здоровья супруга, например, о сокрытых венерических болезнях или ВИЧ-инфекции порождает ряд негативных последствий – от юридического признания брака недействительным до прямой угрозы здоровью как партнёра, так и будущего потомства. Более того, состояние здоровья обоих супругов – это основа супружеской близости и способности к продолжению рода. Для предотвращения негативных последствий данное исследование направлено на тщательный анализ статьи 15 Семейного кодекса Российской Федерации, а также выработку и предложение изменений по ужесточению законодательства в данной области.

Понятие «недействительность брака» не закреплено на законодательном уровне, в связи с чем обращаемся к учебной литературе. Как отмечает М. В. Антокольская, «признание брака недействительным – это аннулирование брака и всех его правовых последствий с момента его заключения»²⁴⁷.

²⁴⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).

²⁴⁷ Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. М. : Юристъ, 1996. 366 с.

Перечень оснований, изложенный в пункте 1 статьи 27 Семейного кодекса Российской Федерации, является исчерпывающим и бескомпромиссным, что исключает вольное толкование. Именно эта жесткая императивность нормы часто порождает методологические сложности при попытке отнести конкретное жизненное обстоятельство к перечню оснований.

Наибольший интерес представляет пункт 3 статьи 15 Семейного кодекса Российской Федерации, в котором говорится, что в случае сокрытия одним из будущих супругов наличия венерической болезни или ВИЧ-инфекции, обманутый вправе обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным».

Из данного положения следует, что супруг, чьи права были цинично проигнорированы, является лицом, которое, в силу пункта 1 статьи 28 Семейного кодекса Российской Федерации, может признать брак недействительным. Парадокс в том, что законодатель не предусмотрел обязательное прохождение медицинского обследования лиц, желающих заключить брак, на наличие венерических заболеваний и ВИЧ-инфекции.

Медицинское обследование, а также консультации по медико-генетическим вопросам гражданам оказываются в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения за счёт соответствующего бюджета, то есть государство возлагает на себя обязанность по защите здоровья граждан на основании части 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации²⁴⁸. Однако добровольный характер прохождения таких значимых проверок превращает эту заботу в эфемерную опцию, создавая искусственные барьеры там, где должна быть законодательная преграда против будущей трагедии.

Во-первых, выявление и пресечение правонарушений, например, связанных с сокрытием венерической болезни или ВИЧ-инфекции одним из лиц, заключающих брак.

Во-вторых, так как в законодательстве не закреплено обязательное медицинское исследование на венерические заболевания и ВИЧ-инфекцию, это приводит к тому, что очень маленький процент граждан, собирающихся заключить брак, на добровольной основе пойдут на данную процедуру.

В-третьих, пункт 2 статьи 15 Семейного кодекса Российской Федерации, устанавливает, что результаты обследований лиц, вступающих в брак, составляют врачебную тайну и могут быть сообщены третьим лицам только в том случае, если один из будущих супругов дал на это согласие. Создаётся законодательный «тупик». Безусловно, статья 13 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»²⁴⁹ справедливо защищает сведения о диагнозах. Однако взаимное ознакомление будущих супругов с результатами прохождения обследования не противоречит закону. Подтверждением этому является часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». И речь тут вовсе не о «третьих лицах», а о будущих супругах, которые должны быть поставлены в известность о наличии или отсутствии социально (или генетически) значимого заболевания до заключения брака.

В-четвёртых, пункт 3 статьи 15 Семейного кодекса Российской Федерации, который оперирует лишь двумя «маркерами» недействительности: венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией. Вместе с тем существует широкий перечень заболеваний, создающих угрозу для общества. Так, в постановлении Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих»²⁵⁰ кроме вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) есть и такие заболевания, как инфекции, передающиеся преимущественно половым путём; гепатит В; гепатит С; туберкулёз; психические расстройства и расстройства поведения; болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением; злокачественные новообразования; сахарный диабет; генетические заболевания будущего поколения.

Вопрос расширения круга заболеваний для признания брака недействительным давно уже назрел. Законодателю следует пересмотреть статьи 15 и 27 Семейного кодекса Российской Федерации, интегрировав в них такие заболевания, как гепатиты В и С (вирусное заболевание, которое поражает внутренние органы, в том числе печень, передающееся половым путём); уреоплазмоз (заболевание, которое от больной матери может перейти к ребёнку при рождении); сифилис.

По своей разрушительной силе для здоровья супругов и потомства, а также по степени влияния на интимную сферу эти недуги абсолютно сопоставимы с ВИЧ-инфекцией. Их следует сгруппировать под единым, ясным критерием – «заболевания, передающиеся преимущественным половым путем» и приравнять по юридическому весу к уже упомянутой ВИЧ-инфекции.

²⁴⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020).

²⁴⁹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

²⁵⁰ Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 715.

Также хочется отметить, что угроза браку и благополучию потомства не исчерпывается лишь патогенами, передающимися половым путём. Присутствие в семье человека, страдающего, например, глубокими психическими расстройствами или поведенческими аномалиями, оказывает перманентное, разрушительное давление на психологический климат семьи, а также траекторию развития детей. Важно понять, что существует необходимость в разработке и внесении законодателем мер административного и уголовного характера. Фактическое нахождение в быту с лицом, чьё ментальное состояние дестабилизирует обстановку в семье, очень сильно влияет на сознание и восприятие ребёнком что «хорошо», а что «плохо». Дети, растущие в такой атмосфере, в дальнейшем демонстрируют в социуме иррациональное поведение, что порой приводит к негативным последствиям.

Следует акцентировать внимание ещё на одном, не менее важном, вопросе – условия заключения брака, которые являются основаниями для заключения брака. В силу пункта 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации для заключения брака необходимо взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, а также достижение ими брачного возраста. Этот перечень выглядит «пустым» и явно является угрозой XXI века. Анализ показал, что репродуктивная функция и, как следствие, демографический потенциал страны напрямую зависят от обследования граждан, вступающих в брак.

Статистические маркеры только лишь раз подтверждают наши выводы. Так, Федеральная служба государственной статистики²⁵¹ показывает следующие данные: если в 2020 году население России насчитывало 147,9 млн, то к 2025 г. эта цифра уже просела 146,1 млн. Ещё более тревожный сигнал исходит от коэффициента суммарной рождаемости (СКР), который даже по самому пессимистичному сценарию демонстрирует неуклонное падение: с 1,405 млн в 2020 году до критических 1,290 млн в 2025 году.

При проведении исследования была обнаружена ещё одна существенная проблема. Согласно абзацу 2 пункту 4 статьи 30 Семейного кодекса Российской Федерации обманутый супруг вправе требовать возмещения причинённого ему вреда по правилам, предусмотренным гражданским законодательством. Однако когда речь идёт о передаче ВИЧ-инфекции или венерической инфекции, или же о рождении ребёнка с неизлечимыми заболеваниями, что сказывается на качестве жизни, требование об уплате денежной суммы выглядит как циничное оскорбление. Эти страдания не про «финансовый вопрос», а о физических, психологических страданиях, с которыми человеку придётся жить всю свою жизнь.

Необходимо сказать об успешном опыте зарубежных стран. Так, в Израиле перед вступлением в брак будущие супруги проверяются на наличие болезни Тея-Сакса²⁵², а также реализуется программа по обнаружению наследственных заболеваний с рецессивным типом наследования, то есть выявляется возможность каких-либо пороков плода.

В Молдове²⁵³ более умеренная, но чёткая позиция – гражданам предоставляется право на информированное и бесплатное обследование с целью выявления заболеваний, которые могут передаваться потомству.

Схожая практика с Российской Федерацией наблюдается в Республике Беларусь. Так, в Семейном кодексе Республики Беларусь²⁵⁴ закрепляется бесплатная возможность пройти обследование на наличие каких-либо наследственных или венерических заболеваний, но это право, а не обязанность.

Латвийская модель, как указывает А. Н. Левушкин²⁵⁵, демонстрирует императивную необходимость, то есть будущие супруги обязаны предоставить медицинское свидетельство от государственных органов о состоянии здоровья. Это, по сути, санкционированный допуск к браку, основанный на объективных данных.

Из опыта зарубежных стран видно, что медицинское обследование перед заключением брака имеет принудительный характер и должно рассматриваться как обязательное условие для заключения брака. Российская Федерация, столкнувшись с экзистенциальным демографическим кризисом, не может оставаться в стороне от этой общемировой практики.

²⁵¹ Федеральная служба государственной статистики.

²⁵² Проверка на наличие болезни Тея-Сакса перед свадьбой.

²⁵³ Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 г. № 1316-XIV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.04.2025).

²⁵⁴ Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-3 «О браке и семье» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2023).

²⁵⁵ Левушкин А. Н. Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак в странах СНГ // Медицинское право. 2011. № 3. С. 41–43.

Статистика по заболеваемости ВИЧ-инфекцией служит неопровержимым сигналом. По данным на декабрь 2024 года заболеваемость ВИЧ-инфекцией была 1,215 млн человек, а на конец 2025 г. достигла более 1,25 млн человек²⁵⁶. Этот эпидемиологический фон не даёт ни единого шанса остаться законодательству на прежнем уровне.

Необходимо установить обязательное прохождение медицинского обследования и обязательно-го уведомления будущих супругов о наличии заболеваний, представляющих угрозу жизни и здоровью окружающих. Это не разглашение тайны. Это взаимный акт доверия и самозащиты.

При условии быстрого и решительного внедрения предложенных поправок в законодательство Российской Федерации концепция сместит акцент с лечения наступившего заболевания на его профилактику, пресечение, распространение и предупреждение, что способствует укреплению здоровья нации.

С. В. Шуралева,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Влияние семейного положения работника на прекращение трудового правоотношения с ним

Появление ребенка (детей), как правило, существенно меняет систему взаимоотношений в семье, жизненный уклад человека, наделяя его новой социально значимой ролью – ролью родителя.

Для все большего числа современных мужчины и женщины среднего возраста забота о взрослеющих детях одновременно сочетается также и с уходом за пожилыми родителями, иными родственниками. Термин поколение «сэндвич» впервые употребила социальная работница Дороти Миллер в 1981 г., к «сэндвичам» она относит людей в возрасте от 45 до 65 лет²⁵⁷. Такая аналогия возникла потому, что эти люди словно «зажаты» между половинками семейного «бутерброда»: несовершеннолетние дети еще нуждаются в помощи, а пожилым родственникам она уже необходима. Не стоит забывать и о родителях, ухаживающих за детьми с инвалидностью.

Семейное положение, как фактор уязвимости, является одним из критериев для дифференциации работников в современном отечественном трудовом праве, имеющем конституционно-правовой фундамент²⁵⁸.

В «семейном» контексте Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ)²⁵⁹ использует три термина: «семейное положение» (ст. 3. 64. 179 ТК РФ), «семейные обязанности» (ст. 11, 93, 252, гл. 41 ТК РФ), «семейные обстоятельства» (ст. 128 ТК РФ).

В отсутствие легальных дефиниций можно предположить, что семейное положение означает статус, принадлежность семье, т. е. определенное юридическое или фактическое состояние, «семейные обязанности» – обязанности, в том числе родительские, а семейные обстоятельства – это конкретные жизненные обстоятельства (события или действия), так или иначе связанные с семьей работника. В ч. 2 ст. 128 ТК РФ в числе таковых прямо указываются: рождение ребенка, заключение брака, смерть близких родственников, необходимость ухода за военнослужащими и иными лицами за ними в соответствии с медицинским заключением.

Семейное положение может быть ассоциировано с понятиями «члены семьи» и «близкие родственники». Согласно ст. 2 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) к членам семьи относятся супруги,

²⁵⁶ Статистика. Данные о ВИЧ-инфекции в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН ЦНИИЗ Роспотребнадзора.

²⁵⁷ Жизнь ради других: что такое поколение «сэндвич» [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/625fabf29a7947779c7e190b?from=copyhttps://trends.rbc.ru/trends/social/625fabf29a7947779c7e190b?from=copy> (дата обращения: 28.02.2026).

²⁵⁸ Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства провозглашается в ст. 7 Конституции РФ, в п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ установлено, что в совместном ведении РФ и ее субъектов находится «...защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье...», а ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ провозглашает детей важнейшим приоритетом государственной политики России.

²⁵⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № I (ч. I), ст. 3.

дети, родители, усыновители, усыновленные, другие родственники²⁶⁰. Близкими родственниками в ст. 14 СК РФ считаются родственники по прямой восходящей и нисходящей линии: дети и родители, внуки, дедушки, бабушки, полнородные и неполнородные братья и сестры.

Отметим, что понятие «член семьи» варьируется в различных отраслях законодательства, а ст. 325 ТК РФ использует понятие «неработающий член семьи», понимая его весьма узко (муж, жена, несовершеннолетние дети, фактически проживающие с работником) и только для оплаты стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска применительно к работникам, работающим в условиях Крайнего Севера и приравненных к нему местностей.

Анализ определений понятия «член семьи» в различных нормативных правовых актах и документах позволяет создать «коллективный портрет» членов семьи. Это, как правило, дети (иногда старше 18 лет), родители, усыновители, усыновленные, супруги, иные родственники, проживающие совместно, а также лица, находящиеся на иждивении. В этом контексте «член семьи» и «близкий родственник» в ст. 14 СК РФ не тождественны. Для отнесения к членам семьи важны не только близкородственные (родители – дети), супружеские связи, но и факт совместного проживания, иждивения, а включение в круг членов семьи существенно зависит от отраслевой специфики. Близкие родственники в СК РФ – это кровное родство.

Лиц с семейными обязанностями в трактовке п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 № 1²⁶¹ можно подразделить на две категории в зависимости от того, в отношении какого члена семьи работник осуществляет семейные обязанности: 1) лица, имеющие обязанности по воспитанию детей и уходу за ними (родитель, усыновитель, опекун или попечитель, другой родственник ребенка, фактически осуществляющий уход за ним); 2) лица, имеющие обязанности по уходу в отношении других членов семьи, нуждающихся в уходе и помощи.

В качестве промежуточного вывода следует отметить, что семейное положение работника, как правило, является предпосылкой для возникновения семейных обязанностей и обстоятельств. Однако в ряде случаев трудовые гарантии для лиц с семейными обязанностями могут распространяться и на опекунов (попечителей), не являющихся членом семьи или близким родственником ребенка.

Влияние семейного положения, наличия семейных обязанностей и обстоятельств на прекращение трудового договора с работником проявляется при увольнении по собственному желанию²⁶², однако в наибольшей степени – при прекращении трудового договора по инициативе работодателя (ст. 71 и 81 ТК РФ) в виде:

- предоставления преимущественного права оставления на работе;
- запрета на прекращение трудового договора по отдельным основаниям;
- учета при привлечении к дисциплинарной ответственности в виде увольнения по соответствующему основанию (в особенности за прогул) обстоятельств, при которых данный проступок был совершен (ст. 192 ТК РФ), в том числе связанных с семейным положением работника.

Преимущественным правом оставления на работе наделены: семейные (при наличии двух или более иждивенцев), лица, в семье которых нет других работников с самостоятельным заработком; родители, имеющие ребенка в возрасте до 18 лет, если другой родитель призван на военную службу по мобилизации или по иным основаниям, указанным в ст. 179 ТК РФ. Следует отметить, что соответствующее право может быть предоставлено не только ТК РФ, но и иными федеральными законами²⁶³. Для удобства правоприменения видится целесообразным концентрация всех подобных правил в ТК РФ.

Запреты на прекращение трудового договора по отдельным основаниям, относящимся к инициативе работодателя, традиционно устанавливались для работников с детьми (в том числе находящихся под опекой или попечительством). Это следующие группы работников:

- женщина, имеющая ребенка в возрасте до 3 лет;
- одинокая мать, воспитывающая ребенка в возрасте до 16 лет;

²⁶⁰ К другим родственникам, как следует из ст. 93 СК РФ, причисляются братья, сестры в контексте установления алиментных обязательств.

²⁶¹ О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

²⁶² Например, в соответствии с п. 22 постановления Пленума Верховного суда РФ от 17.03.2004 № 2, работодатель обязан расторгнуть трудовой договор в срок, указанный в заявлении работника, в случае направления мужа (жены) на работу за границу, к новому месту службы. См. об этом постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶³ Например, согласно п. 6 ст. 10 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», супруги военнослужащих – граждан и граждан, уволенных с военной службы, имеют преимущественное право на оставление на работе в государственных организациях, воинских частях при сокращении численности или штата работников.

- одинокая мать, воспитывающая ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет;
- другое лицо, воспитывающее ребенка в возрасте до 16 лет без матери;
- другое лицо, воспитывающее ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет без матери;
- родитель (иной законный представитель ребенка), являющийся единственным кормильцем ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет;
- родитель (иной законный представитель ребенка), являющийся единственным кормильцем ребенка в возрасте до 3 лет в семье, воспитывающей трех и более детей в возрасте до 14 лет, если другой родитель (иной законный представитель ребенка) не состоит в трудовых отношениях.

Несмотря на то, что испытание при приеме на работу нельзя устанавливать женщине, имеющей ребенка в возрасте лишь до 1,5 лет, испытательный срок и для женщины с ребенком в возрасте до 3 лет также фактически лишен смысла, поскольку уволить ее на основании ст. 71 ТК РФ невозможно в силу запрета в ст. 261 ТК РФ. Проект закона № 1097621-8 «О внесении изменения в статью 70 Трудового кодекса Российской Федерации», принятый в феврале 2026 г.²⁶⁴ в первом чтении, должен устранить этот дефект.

Запрет на увольнение по инициативе работодателя (за определенными исключениями согласно ст. 261.4 ТК РФ) супруги (супруга) погибшего (умершего) ветерана боевых действий не связан непосредственно с семейными обязанностями, а обусловлен семейным положением и стремлением защитить от дополнительного стресса работника, не вступившего в повторный брак в течение 1 года с момента гибели (смерти) ветерана боевых действий.

Объективный учет семейных обстоятельств при оценке уважительности/неуважительности причин отсутствия работника на работе влияет на законность увольнения за прогул. Например, нахождение работницы в больнице со своим несовершеннолетним племянником – членом семьи в связи с полученным им открытым переломом костей носа было признано Верховным Судом РФ уважительной причиной. Выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что у работодателя имелись основания для увольнения истицы в связи с прогулом признаны неправомерными, а дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции²⁶⁵.

Нередко увольнение за прогул бывает обусловлено использованием работником отпуска без сохранения заработной платы по семейным обстоятельствам, в т. ч. в случаях рождения ребенка, регистрации брака, смерти близких родственников.

Если принять за основу правовую позицию Минтруда РФ, в соответствии с которой понятие близких родственников, применительно к ст. 128 ТК РФ, следует определять как в ст. 14 СК РФ²⁶⁶, то получится, что отпуск без сохранения заработной платы в связи со смертью, например, супруга/супруги предоставляться не должен. Вместе с тем в судебной практике уважительным признавалось отсутствие на работе работника в связи со смертью тети и даже супруги друга²⁶⁷.

Таким образом, во избежание неопределенности необходимо абз. 2 ч. 2 ст. 128 ТК РФ в следующей редакции: «работникам в случаях рождения ребенка, регистрации брака, смерти супруга (супруги), иных членов семьи, совместно проживающих с работником, а также его близких родственников – до пяти календарных дней».

До внесения соответствующих изменений в трудовое законодательство видится целесообразным дополнять и уточнять круг семейных обстоятельств, дающих право на отпуск без сохранения заработной платы, продолжительность этого отпуска, а также дополнительные гарантии для работников в этих случаях в коллективном договоре.

Учитывая зачастую сложную «архитектуру» современной семьи (например совместное проживание с детьми супругов от предыдущих браков и участие в воспитании таких детей), имеет смысл (как это сделано в ином отраслевом законодательстве) рассмотреть вопрос об определении в ТК РФ круга членов семьи, близких родственников для более адресной реализации принципа социальной справедливости при предоставлении работникам тех или иных трудовые гарантии в связи с их семейным положением.

²⁶⁴ О внесении изменения в статью 70 Трудового кодекса Российской Федерации (о запрете устанавливать испытательный срок для женщин с детьми в возрасте до трех лет): законопроект № 1097621-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1097621-8> (дата обращения: 28.02.2026).

²⁶⁵ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020); определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 июля 2019 г. № 5-КГ19-81 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁶ Письмо Минтруда РФ от 30 августа 2019 г. № 14-2/ООГ-6315 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2024 № 88-6415/2024 УИД 57RS0014-01-2023-000659-44 [Электронный ресурс]. URL: <https://1kas.sudrf.ru>; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2023 № 88-17751/2023 УИД 77RS0020-02-2021-007074-75/ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vtorogo-kassatsionnogo-suda-obschey-urisdiksii-ot-03-08/> (дата обращения: 28.02.2026).

Содержание

Ходырева Е.А. Вступительное слово	2
Аникушина Т. Н. Применение условий брачного договора в спорах о банкротстве супругов	5
Белокрылова Е. В. Понятие принудительного вмешательства в семью при отобрании ребенка	7
Бердышева С. Н. Юридические аспекты терапии орфанных заболеваний в Российской Федерации на примере синдрома Элерса-Данло и буллёзного эпидермолиза.....	9
Блохин С. А. Роль Социального фонда России в реализации положений Семейного кодекса Российской Федерации	12
Варганова Л. Н. Спорные вопросы совместного завещания супругов.....	15
Васильева А. А., Дорошенко Т. Н. Пробелы в правовом регулировании защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации	18
Гинатуллина Е. В. Проблемы установления порядка общения с ребенком при споре между родителями.....	21
Григорьева Н. В., Дорошенко Т. Н. Правовые механизмы защиты персональных данных детей в социальных сетях: проблемы и пути их решения	24
Данчинова М. А. Незаконное завладение жилыми помещениями, предоставляемыми детям-сиротам: уголовно-правовой анализ.....	26
Евдокимова Т. Л. «Подводные камни» регистрации ребёнка в квартире.....	29
Ельчанинова О. В. Участие несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, в семейных правоотношениях	31
Ивщина Л. А. Семейная медиация как инструмент обеспечения принципа приоритета прав ребенка в семейных спорах	34
Кличева Б. М. Момент прекращения брака в законодательстве Республики Узбекистан: правовые последствия и вопросы регулирования имущественных отношений	36
Краснова К. А. Совершенствование уголовно-правовых мер защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.....	38
Кропачев И. О. Уголовная ответственность близких родственников за заведомо ложные показания по ст. 307 УК РФ	40
Лебедев А. Н. Правовые основы введения налога на бездетность (малодетность) в РФ	43
Максуров А. А. Бенефициарная собственность в семейных правоотношениях: возможности защиты прав детей и супругов в соответствии с Семейным кодексом РФ.....	45
Мамедова И. О. кызы. Актуальные проблемы реализации прав и законных интересов несовершеннолетних детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в Азербайджане: правовые и социальные механизмы защиты.....	49
Масленникова О. Г. Семейно-правовые аспекты статуса детей, рожденных при использовании методов постмортальной репродукции	54
Мухаметгалеева Е. Д., Попова Н. М., Ажмякова Е. Г. Роль родителей (законных или уполномоченных представителей) в реализации мероприятий, рекомендованных в индивидуальной программе реабилитации или абилитации ребенка-инвалида	56
Ожиганова М. В. Правовые аспекты профилактики буллинга в школе.....	59
Палевич В. С. Сравнительно-правовой анализ договора суррогатного материнства в Российской Федерации и зарубежных странах	62
Певзнер Г. М. Правовой статус эмбриона и репродуктивная автономия.....	64
Пятков Д. В. Особенности правового регулирования предпринимательской деятельности лиц, состоящих в браке	67
Рудина Е. В. Постмортальный ребенок: коллизии правосубъектности, доказывания и реализации наследственных прав.....	70
Скобелев В. П. О некоторых вопросах применения обеспечительных мер по делам о возвращении детей и об осуществлении прав доступа.....	73
Стрижаков М. А., Горяйнова М. В., Софронов А. В. Особенности нормативно-правового регулирования медико-социальной экспертизы граждан в возрасте до 18-ти лет в опыте работы ФКУ «ГБ МСЭ по г. Санкт-Петербургу» Минтруда России.....	76
Туров С. Ю. Нормативные дефекты правовой защиты несовершеннолетних в стадии возбуждения уголовного дела	81
Хайретдинов В. Б. Актуальные проблемы семейного права: сделки между супругами	84
Чачина А. И. Договор дарения между супругами: вопросы теории и практики	86

Чухванцева Я. С. Ответственность за «сокрытие» наличия вич-инфекции или иного существенного обстоятельства при вступлении в брак.....	89
Шуралева С. В. Влияние семейного положения работника на прекращение трудового правоотношения с ним.....	92

ОПИСАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИЗДАНИЯ:

Интерфейс электронного издания (в формате pdf) можно условно разделить на 2 части.

Левая навигационная часть (закладки) включает в себя содержание книги с возможностью перехода к тексту соответствующей главы по левому щелчку компьютерной мыши.

Центральная часть отображает содержание текущего раздела. В тексте могут использоваться ссылки, позволяющие более подробно раскрыть содержание некоторых понятий.

МИНИМАЛЬНЫЕ СИСТЕМНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ:

Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; Windows XP/7/8 и выше; 8x DVD-ROM; разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, ОСУЩЕСТВЛЯВШИХ ТЕХНИЧЕСКУЮ ОБРАБОТКУ И ПОДГОТОВКУ МАТЕРИАЛОВ:

Оформление электронного издания : Издательский центр «Удмуртский университет».

Макет и компьютерная верстка: И. А. Бусоргина.

Авторская редакция.

Подписано к использованию 13.05.2026

Объем электронного издания 2 Мб, тираж 10 экз.

Издательский центр «Удмуртский университет»

426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021

Тел. : +7(3412)263-751 E-mail: editorial@udsu.ru
